

Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Оксана Мисирова

Корректор:
Анна Кунарева

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
<http://artofwar.ru/a/almanah/>
Email: almanah-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г.Москва, 5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Подписано в печать:
01.11.2007

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
Малый Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

Альманах можно заказать по почте:
almanah-war@mail.ru

Перепечатка или воспроизведение
в-любом другом виде целиком или
по частям материалов из альманаха
«Art of War» без ссылки на альманах
или сайт запрещается.

От редакции

Война в Югославии конца прошлого века, ставшая первой масштабной войной на постсоветском пространстве, послужила сигнальной ракетой всем остальным войнам. Да, история не терпит сослагательного наклонения, но как знать — если бы тогда события развернулись по-другому, если бы этой гражданской войны удалось избежать, то, возможно, у нас не было бы ни Приднестровья, ни Карабаха, ни Чечни. Югославия ознаменовала конец времени холодного мира и начало времени гражданских войн.

Наверное, это закономерность. Наверное, это исторически неизбежно. Наверное, ни одна империя не заканчивала своего существования без войн и катаклизмов.

Но эта первая война была и самой ожесточенной. Сейчас, по прошествии полутора десятков лет и такого же количества войн, в памяти уже стерлось, что на Балканах разворачивались сражения, по масштабности сопоставимые со сражениями Великой Отечественной. Что там брали и сдавали города. Что счет беженцев шел на сотни тысяч. И на десятки тысяч шел счет погибших.

Тогда мы смотрели на эту войну, не осознавая, что на наших глазах пишется сценарий нашего собственного, и очень скорого, — всего год-два, будущего. Не знали, что экран телевизора больше не был просто экраном, а стал иллюминатором машины времени. Он показывал не прошлое и не где-то там. Он показывал будущее и здесь. Спрессованное в пространстве и потому перенасыщенное по интенсивности.

Эта война началась на чужой земле, но чужой она не была. Наши войны начались в Югославии. Для многих из нас они стали первыми, для многих — последними.

В «зону смерти» в начале 90-х отправились сотни наших соотечественников, отправились воевать по разным причинам и даже за разные — противоборствующие — стороны, но подавляющее большинство поехало помогать сербам из сугубо идеологических побуждений. В Отечественных войнах сербского народа с 1990 по 2001 год на стороне сербов приняло участие от 500 до 700 добровольцев из России, Болгарии, Греции, Румынии и других стран. При этом погибло около 50 человек. Первые русские добровольцы в сербских вооруженных силах появились в 1991 году, с самого начала боевых действий в Хорватии, активно проявили себя в Боснии в 1992-1995 гг., а с началом боевых действий НАТО в 1999-м добровольцы из России устремились большим потоком в Косово. Добровольцев в Косово в 1999 году было примерно 200 человек. Небольшая группа русских добровольцев, менее 10 человек, появилась в Македонии в августе 2001 года, где успешно участвовала в боях против албанских сепаратистов. На протяжении всех войн русские добровольцы проявляли отменные боевые качества, храбрость, самопожертвование. Многие из них сложили в Югославии свои головы.

Помимо добровольцев в пекле войны также оказались и наши бывшие соотечественники: либо уже жившие Югославии и породнившиеся с местными, либо просто работающие по контракту. Часть из них влилась в добровольческое движение, часть уехала, часть погибла. Кто-то вместе со своими родственниками переживал все ужасы войны, становился беженцем.

Вовлечены в войну в Югославии оказались и наши военные, находившиеся на Балканах официально в составе международных миротворческих сил. Это они ценой своей жизни сдерживали ещё большее кровопролитие и давали надежду на нормализацию ситуации, делились продуктами и прикрывали бортом, совершали марш-броски и остужали пыл третьих иностранных держав, слишком активно вмешивающихся в войну.

Мы мало что знаем о той войне и о роли наших воинов там. Эта война, по большому счёту, до сих пор остается неизвестной, но можно сказать точно, что это была нечужая война.

Читайте.

P.S. Пятый номер стал юбилейным для Альманаха. С его выходом мы празднуем годовщину создания нашего издания. Мы выражаем глубокую признательность всем тем, без кого альманах не смог бы отметить свой день рождения. Благодарим авторов, распространителей, актив редакции, спонсоров, всех присылающих свои предложения и замечания и, конечно же, наших читателей!

P.P.S. Мы также рады сообщить вам, что с 2008 года вы можете подписаться на Альманах. ИНДЕКС ПОДПИСНОГО ИЗДАНИЯ В КАТАЛОГЕ «РОСПЕЧАТИ» на I-е полугодие 2008 года: 80934. В 2008 году выйдут 6 номеров Альманаха. Подписка распространяется на страны СНГ и страны Балтии. Мы будем рады видеть всех в рядах наших подписчиков.

Война от первого лица

От редакции

1

ХРОНИКА ОПЕРАЦИЙ

Илья Плеханов

«Падение республики Сербская Краина.
Уроки предательства»

4

Александр Ионов

«Сражения в Бихачском кармане в 1994 г.»
(глава из книги)

11

ПЕРЕВОД

Момо Капор

«Смерть — это не больно»
(военные рассказы)

Перевод с сербского Марии Патрашко

18

Из сборника интервью «Ljudi u ratu»

«Три судьбы»

Перевод с сербского Марии Патрашко

24

Небойша Еврич

«Куриная война»
(отрывки из книги)

Перевод с сербского Марии Патрашко

28

НЕЧУЖАЯ ВОЙНА

Михаил Поликарпов

«Олово»
(глава из книги)

31

Дмитрий Сухоруков

«Пуля»

35

Ирина Антанасиевич

«Зона»

38

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Олег Валецкий

«Вмешательство исламского мира в войну в Югославии.
Поставка оружия. Движение моджахедов:
идеи и практика»

44

ИНТЕРВЬЮ

Велько Кадиевич

Министр обороны Югославии (1988-1992 гг.)

«Границы пишутся кровью»

47

Беседовал Илья Плеханов

АФГАНИСТАН

- Дмитрий Бабкин*
«Февральские Бараки 1984 года»
(из сборника рассказов «Афганистон») 51

ЧЕЧНЯ

- Вячеслав Немышев*
«Буча»
(глава из книги) 55

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

- Александр Кравченко*
«Зимний воздух войны» 60

ПАМЯТНИКИ

- Илья Плеханов*
«Крест русским добровольцам» 61

ПОЭЗИЯ

- Александр Крылов*
«Нет, в Пале давно уж...» 62

- Илья Плеханов*
«Салют, Сашок...» 62

- Юрий Твардовский*
«Мне часто снится...» 63

- Евгений Попов*
«Голос тишины» 63

БАЙКИ

- Владислав Шурыгин*
«Сербский С-300» 64

АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ

- Владимир Пухов*
«Мы держали, держали ту полосу земли» 65

ВНЕ РУБРИК

- Юрий Трофимов*
«Наступит ли мир на Кавказе?»
(Альманах в Чечне) 67

- Аркадий Бабченко*
«Опять в армию!»
(Альманах на сборах под Тулой) 70

Илья Плеханов

http://artofwar.ru/plekhanov_i_s/

ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКАЯ КРАИНА. УРОКИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Посвящается Калининградской области, граничащим с Прибалтикой территориям, югу России, Хабаровскому краю, Северному Казахстану, населению прочих наших приграничных земель, а также Приднестровью, Абхазии, Аджарии, Южной Осетии, и будущим территориальным образованиям...

Предисловие

Что мы знаем о падении Краины? Многие слышали о том, что в 1995 году хорваты в течение нескольких дней выбили из Краины сербов, кто-то слышал, что падение Краины повлекло за собой массовое бегство сербов в Боснию и Сербию. Но мало кто знает, что после Второй Мировой Войны и по сей день это была самая масштабная военная операция в Европе и что после Второй Мировой Европа не видела такого массового потока беженцев. Полмиллиона сербов всего в течение нескольких дней были вынуждены бежать со своих земель.

Когда хорваты вторгались в Краину, они оправдывали это тем, что эта земля исторически принадлежит им. Как же всё обстоит на самом деле? Первые упоминания о сербах на землях Краины датируются IX веком, хотя славяне появляются на этих землях ещё в V веке. Сербь пришли в Краину тремя волнами.

Первая волна осела в основном в Далмации и пришла из Косово-Метохии между 1347 и 1355 годами по приглашению австрийской принцессы Елены Субич. Принцесса разрешила построить несколько православных монастырей, церквей и приходских школ. Вторая волна сербов осела в основном на севере Краины (Лика, Кордун, Славония, Баранья и Срем) между 1460 и 1490 годами. Эти сербы ушли от наступающей Османской Империи. Сербь поселились на землях, брошенных австро-венгерскими феодалами и их хорватскими прислужниками. Император Австрии выдал сербам земельные патенты и дал им статус свободных граждан в обмен на их военные услуги и отражение атак османов. Краина была под непосредственным контролем двора

в Вене и не подчинялась более никому. В бумагах о ней говорилось как о *desertum premium et secundum*. Краина считалась автономией и тем более не подчинялась хорватскому губернатору. В 1527 году после победы турок над Венгрией при Мохаче сербское население переместилось в Краину. В 1578 году были созданы провинции именуемые «Война Краина» (*Militar Grenze*): Славонская Краина между Дравой и Купой со столицей в Вараждине, Хорватская Краина между Купой и морем со столицей в Карловце (по имени архиепископа Карла, который возглавлял её) и третья Краина со столицей в Петринье. Краишников величали *graničari* — пограничники. В 1630 году в Австрии формально признали автономное существование Краин. Третья волна сербов, возглавляемая Печским Патриархом Чарноевичем поселилась на севере Дуная и Савы в 1690 году по приглашению Леопольда Первого, Австрийского Императора. Он ещё раз подтвердил полную

политическую и экономическую независимость сербских земель в обмен на военную борьбу с турками. Таким образом, краишники стали последним оплотом христианской Европы от османского вторжения. С середины XVI века австрийцы активно использовали сербов для охраны границ своего государства от турок. Поселения сербов в современной Воеводине, Словении, Сербской Краине и Далмации были устроены по казачьему принципу. Сербь-поселенцы освобождались от уплаты налогов, имея лишь одну обязанность перед Австрией — охрану её границ. Таких привилегий были лишены католики-хорваты и словенцы. После войн австрийцев с турками в конце XVII и начале XVIII века в Австрию переселились несколько сотен тысяч сербов, которые в этих войнах поддержали Австрию. Этими переселенцами было продолжено укрепление Австро-турецкой границы. В 1699 году Карловац стал центром сербской православной церкви. В 1702 году создан новый Славонский район, в 1764 году — Восточная Трансильвания, в 1776 — Валахия. Все эти земли считались Краиной. В 1769, 1774, 1776 годах в Карловце собирались сербские национальные конгрессы. В 1790 году австрийский император Леопольд Второй ещё раз

официально подтвердил права сербов. В 1849 году Краина стала отдельной провинцией Империи. Краишники были отделены от остальных сербов (Королевство Сербии и Королевство Черногория) вплоть до 1913 года, до поражения Австро-Венгерской Империи. В Первой Мировой австрийцы цинично отправляли краишников в бой против сербов из Сербии. Первого декабря 1918 года в Белграде было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев во главе с сербской династией Карагеоргиевичей, объединившее Сербию, Черногорию, Воеводину, Славонию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, значительную часть Далмации и большую часть территории Австрии, где проживало население, говорившее на словенском языке. В 1939 году, согласно подписанному соглашению, Хорватская Бановия получает широкую автономию. 10 апреля 1941 года, всего

через четыре дня после нападения Гитлера на Югославию, по заранее утвержденному плану в соответствии с режиссерским замыслом немцев и итальянцев было создано Независимое Государство Хорватия. Независимое хорватское государство включало в себя Краину и боснийских сербов. В этом образовании осталось 1 800 000 сербов, из которых 500 000 было убито и 200 000 обращены в католичество. Никогда народ Сербской Краины не жил в хорватском государстве, за исключением насильного их включения по решению Гитлера в так называемое Независимое Государство Хорватия в 1941 году. 53% сербов погибло в двух мировых войнах. Во Второй Мировой большинство погибших сербов были из Краины. Титовская власть оставила Краину в составе югославской республики Хорватия. В 1946 году в соответствии с Конституцией Федеративной Народной Республики Югославия Федеральное государство Хорватия меняет свое название на Народная Республика Хорватия. Около трети всех земель в Хорватии были сербскими. Несмотря на любовь Тито к хорватам и экономическое развитие этой республики, сербские деревни в Краине специально оставались долгое время без воды, света и дорог. Так продолжалось вплоть до самой смерти Тито в 1980 году.

Война — хронология событий

В 1971 году была ликвидирована попытка создания националистической хорватской партии, а уже конец 80-х ознаменовался межэтническими конфликтами в Хорватии между сербами и хорватами. В России также последнее время всё чаще звучат голоса о том, что нерусские должны создавать политические партии по национальному признаку. К чему это приводит, будет видно далее. Атмосфера неприязни к сербам ощущалась очень остро. На 1989 год в Хорватии проживал один миллион сербов. Только с 1991 по 1993 год из Хорватии в целом было изгнано около 300 000 сербов. Сколько сербов ушло со своих земель с 1989 по 1991, никто ещё не считал. Население 28 муниципалитетов Краины перед хорватскими вторжениями на 1993 год насчитывало 435 595 человек, 91% из которых были сербами, 7% — хорватами и 2% людьми других национальностей. По расчётам некоторых западных демографов население Краины к 1995 году составляло 561 тысячу человек. Краина состояла из Северной Далмации, Лики, Кордуна, Баньи, Западной и Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема.

Год 1990

16 апреля в Сплите выступает Туджман с предвыборной речью о независимости

Хорватии и уже в мае он становится президентом Хорватии.

25 июня происходит смена государственной символики Хорватии, и флаг меняется на «шаховницу» — хорватский флаг времён правления хорватских нацистов при Гитлере. В этот же день в Србе принимается сербами Декларация о суверенитете и автономии сербского народа и об основании Сербского национального вече как представительского органа в Хорватии.

16 августа вече хотело провести референдум по вопросу автономии, но 17 августа хорваты направляют войска в город Книн, главный город Краины, а сербы в ответ отбирают оружие у хорватской милиции в Бенковаце. Начинаются аресты и пропажа сербов. Краишники считают 17 августа 1990 года началом войны за Краину.

В августе сербы провозглашают автономную область пока только вок-

руг Книна. В октябре провозглашается Сербская Автономная Область (САО), ранее называвшаяся «муниципальный комитет Северной Далмации и Лики».

21 декабря в документах официально закрепляется создание САО.

25 декабря хорваты принимают закон, по которому сербы считаются национальным меньшинством и не имеют право на самоорганизацию.

Год 1991

4 января в САО сформировано своё МВД, начинается формирование вооружённых сил.

9 января Югославия принимает решение о разоружении Хорватии.

20 февраля по решению Хорватии югославские законы считаются недействительными в Хорватии.

28 февраля сербы в Краине наоборот принимают решение, что на их территории действуют только законы Югославии.

16 марта парламент САО провозглашает независимость от Хорватии.

1 апреля объявляется присоединение к Республике Сербия и Конституции Югославии.

В марте хорваты атакуют Пакрац, происходят боестолкновения. На Пасху начинаются бои в районе Плитвицких озёр. В начале мая разгорается вооружённый конфликт в Борово Село.

Во время этих событий и сразу после них в Хорватию начинают стягиваться наёмники из Европы, которые готовы воевать против «варваров-сербов». Первая «интербригада» создаётся в Загребе. Костяк бригады составляют немцы, голландцы, австрийцы, англичане, американцы, испанцы, аргентинцы и французы. Не гнушались «белые воины» включать в свои ряды и небелых наёмников. По подсчётам одного из организаторов таких «туров», за все годы войны в Хорватию были переправлены 2800 наёмников. В среднем, на любой отдельно взятый момент времени, в боях участвовало до 770 наёмников. Погибло их около 80 человек.

19 мая проводится референдум о независимости Хорватии, сербы референдум бойкотировали. Они проводят свой референдум и голосуют за полную автономию САО.

23 мая в Хорватии принимается закон о «чистой» армии Хорватии, оттуда изгоняются все оставшиеся сербы.

25 июня хорваты провозгласили независимость от Югославии.

22 июля 1991 года на заседании Президиума СФРЮ в расширенном составе было принято Заявление о

неприменении силы для разрешения разгорающегося конфликта. Хорватия, однако, согласилась принять Заявление только при условии безоговорочного возвращения ЮНА в гарнизоны, но и этого хорватскому руководству показалось мало. На пресс-конференции Франьо Туджман заявил: «Население должно быть готово, возможно, и к всеобщей войне за оборону Хорватии». Это заявление резко контрастировало со словами Милошевича: «Сербия не воюет», и этих слов до сих пор не могут простить ему многие краинские и боснийские сербы, считая, что именно они развязали руки хорватской стороне.

20 августа хорваты блокировали гарнизоны ЮНА в Вуковаре.

25 августа блокирован хорватами Сплит.

24 сентября ЮНА двинулась на Вуковар (подготовка к операции началась ещё 3 сентября), операцией командовал генерал Панич.

20 ноября 1991 года сербы взяли Вуковар.

Осенью же 1991 начался массовый хорватский террор по всей Краине: Осиек, Госпич, Карловац, Сисак, Огулин. Сербь

Хроника операций

начинают строить в массовом порядке баррикады по всему югу Краины.

23 ноября руководство Югославии согласилось с планом Вэнса. План Вэнса предусматривал вывод ЮНА из Хорватии, возвращение беженцев, создание полиции и разоружение краинских сербов! Белград приступил к исполнению плана, что вызвало крайне негативную реакцию краинских сербов, которую Милошевич проигнорировал. Краинские сербы были предоставлены своей участи.

17 декабря на заседании министров иностранных дел стран членов ЕС была принята Декларация о признании независимости тех югославских республик, которые выдвигают такое требование. В ответ на это 19 декабря сербы образовали Республику Сербская Краина. В день Св. Николая Президент Мартич заявил о создании независимого государства в Хорватии.

22 декабря первым Хорватию признаёт Ватикан. 23 декабря Германия признаёт независимость Хорватии и Словении. ЕС признало их независимость только 25 января. Затем признала Россия и только потом США. Россия и здесь, в важнейшем вопросе, успела проявить малодушие.

С лета 1991 по январь 1992 идут тяжёлые бои за Восточную Славонию, Баранью и Срем. Также идут бои за Западную Славонию, в частности, за город Окучани.

Год 1992

Официально решение об образовании РСК вступило в силу 12 февраля.

До мая 1992 года командование территориальной обороной РСК осуществлялось на уровне военного руководства Югославии, а после этого (после вывода всех войск ЮНА) образовалось Войско РСК.

21 июня сербы терпят поражение от хорватской армии на Мильевском плато. Новакович сменил Торбича на посту командующего территориальной обороной РСК.

Год 1993

В январе хорваты оккупировали Равни Котари и дамбу под Перуча. Дамбу долгое время защищала одна чета с одной гаубицей. В случае подрыва дамбы, как того хотели хорваты, вода с высоты 316 метров над уровнем моря смыла бы город Синь, который находился на высоте 78 метров.

Зимой и весной 1993 года сербы были атакованы по линии Задар-Биоград-Бенковац. Артиллерийский обмен в зоне Бенковац-Масленица-Обровац. Тяжёлые бои разыгрались за Масленицу, Масленички мост и Малевачки плато. Сербы потерпели

очередное поражение. В марте происходили бои в окрестностях Скрадины.

В сентябре 1993 хорваты атаковали Медакский карман на севере от Задара. 17 сентября «зачищенные» хорватами деревни передали «голубым» каскам. Даже «миротворцы» были поражены зверской резнёй и уничтожением мирных жителей. В резне также участвовали наёмники, в основном из Голландии. Нападение разрабатывалось небезызвестным Агимом Чеку. Сама операция носила кодовое название «Выжженная земля».

«Миротворцы» предпочитали не вмешиваться в происходящее. По свидетельству канадцев, хорваты платили им наличными огромные суммы, чтобы те не встречали. Проходили совместные с хорватами вечеринки, ужины и прочие увеселительные мероприятия. «Миротворцы» предоставляли хорватам информацию о расположении сербских частей, то есть выступали в роли разведки для хорватов. Зачастую хорватам выдавалась форма «миротворческих» войск и переодетые хорваты спокойно ходили по сербским селам в компании иностранных солдат. После этой трагедии несколько «миротворцев» заболели странными болезнями, которые могут быть вызваны применением химического оружия. Канадцами были взяты пробы воды и почвы, где по их данным были обнаружены следы применения хорватами боевого химического оружия. Эти данные быстро замали в ООН и они не получили широкой огласки. По сей день этот вопрос остаётся спорным.

Год 1994

В оборот принимается куна вместо динара.

В феврале идут бои южнее Книна.

Зимой сербы теряют важные высоты Купреса после атак хорватов и мусульман.

Это дало стратегическое преимущество хорватам в дальнейшем.

В апреле хорваты требуют выдворить из страны всех небелых «миротворцев», что сразу вызывает одобрение и поддержку со стороны многих правых в Европе, после этого пропагандистского шага в Хорватию начинают съезжаться наёмники из Европы. Хотя позже в их рядах появятся «цветные» наемники, что их нисколько не смутит.

В сентябре Пентагон начинает подготовку военных Хорватии к агрессии. В ноябре 1994 года США заключают договор с хорватами о военном сотрудничестве. Консультируют и начинают подготовку к операции. Американской военной разведкой на острове Брач создаётся специальный центр, откуда начинаются разведывательные полёты над Краиной. Также хорватам предоставляются все данные со спутников. Поступает вооружение из Германии, Австрии, Украины и Ирана. Оружие закупается на сумму более 1 млрд. долларов, включая танки и МИ-24. Таким образом, против сербов выступает и Запад, и исламский мир, и «друзья» славяне. Всё готовится к масштабному хорватскому наступлению на Краину.

Год 1995

В марте 1995 года Туджман выдвинул требование: вывести войска ООН с территории Краины. Политические комментаторы расценили этот шаг, как чисто пропагандистский, предвыборный. Осенью того же года должны были состояться выборы в парламент Хорватии. Туджман своим заявлением привлёк не только голоса избирателей, но и внимание международного сообщества к проблеме территориальной целостности Хорватии. Войска ООН не ушли тогда, но значительно поределли, почти наполовину.

Операция «Блесак»

1 и 2 мая хорваты проводят операцию «Блесак» («Молния») и оккупируют Западную Славонию. Операция начинается в 5.30 утра 1-го числа. В ней участвуют около 10 тысяч хорватов. Хорваты ставят под контроль важное шоссе Загреб-Славонски Брод-Липовац и железную дорогу Загреб-Винковци. Эти секции длиной 27 километров были перекрыты сербами ещё 3 года назад. Хорватские войска захватили область Западной Славонии, стратегически важную как для хорватов, так и для сербов. По этой территории проходит знаменитая автомагистраль, носившая название «Братство и Единство» и связывавшая до войны Загреб с Белградом. Сейчас она связывает районы хорватской Славонии с Центральной Хорватией. Сербам этот

район был важен потому, что надёжно прикрывал с севера РС и РСК, и вклинивался вглубь хорватской территории, лишая тем самым Хорватскую Армию мобильности.

18-й корпус сербов в количестве 5 тысяч человек потерпел поражение. Сербам удалось сбить хорватского «героя», лётчика Рудольфа Переджина, который в 1991 году угнал в Австрию МиГ-21 из состава ЮНА. За сорок часов Хорватская армия и вооружённые формирования взяли Ясеновац, Окучани и Стару Градишку.

Это поражение не опечалило сербскую общественность, ошибочно считавшую просчеты военных главной причиной всех неудач. Никто не сомневался в том, что Западная Славония в самое ближайшее время будет возвращена. Люди, говорили, что неудачи на фронте послужат повышению боеготовности армии и росту ответственности политиков. Усиление ВРСК в то время было вполне достижимо, ведь, как и прежде, на её вооружении находилось много новых танков, артиллерии, самолётов и вертолётов.

4 мая Мркшич сменил Чеклетича на посту главнокомандующего ВРСК.

В июне французские спецслужбы и наёмники отмечают крупные поступления оружия в порты Хорватии из США и Германии.

В Книне проходит парад на Видовдан, 8000 человек прошли строем перед жителями РСК для поднятия духа. Но этот жест был чисто пропагандистским. В армии уже были проблемы с топливом и боеприпасами.

В июле в Лондоне встречаются немецкий министр иностранных дел Клаус Кинкель, госсекретарь США Воррен Кристофер и хорватский дипломат Миромиром Зузуло. На встрече они рассматривают план вторжения, и западные дипломаты дают добро на проведение операции «Олуя». Хорватам обещают невмешательство со стороны Сербии, так как Милошевич ставит целью снятие экономических санкций к октябрю и не будет готов к вступлению в войну.

В июле объединённые силы сербов и сражающийся за сербов мусульманский корпус Абдича проводят наступление на Бихач. Сербь в это время с миром принимают мусульманских беженцев Абдича и размещают их в своих домах.

27 июля сербы объявили о введении военного положения в республике.

Американское посольство в Хорватии посоветовало покинуть страну гражданам Америки.

28 июля армия Хорватской республики Герцеговины-Боснии совместно с регулярными частями Загребана нанесла удар южнее Книна, на территории РС. Там было захвачено два города: Гламач и Босанско Грахово. Эти города были очень важны для сербов, а в той обстановке просто жизненно необходимы. Именно здесь проходила главная магистраль Бана Лука — Книн. Захват этих территорий в корне менял стратегическое положение в пользу хорватов и мусульман. Из осаждаемой стороны они пре-

28 же числа Караджич в РС объявил формальную мобилизацию и введение военного положения. В этот же день Туджман предъявляет РСК ультиматум о реинтеграции, и сербы соглашаются, но уже поздно.

29 июля Мартич выступает по ТВ и говорит об обещанной поддержке Милошевича и Караджича.

30 июля в Книне выступает Патриарх Павле и обещает поддержку со стороны Сербии.

1 августа проходит встреча Мартича, Младича и Караджича. Мартич ещё раз просит помощь, и ему её обещают. В Хорватии 1-го числа проводится полная мобилизация. Начинаются сосредотачиваться войска на границах с Краиной. Хорваты не приезжают на обговоренную встречу с командующим РСК. 1 августа сербы соглашаются на встречу с хорватами в Женеве.

2 августа из Книна уезжает правительство РСК.

3 августа поступила информация из Генштаба Югославии и от руководства РС о грядущей агрессии. Также были данные собственной разведки и данные от сочувствующих сербам канадских и французских офицеров «голубых» касок. Были случаи, когда хорватские гражданские и военные лица переходили границу и предупреждали сербов о грядущем нападении. Всё это очень напоминает июнь 41-го года и ситуацию на границе с СССР. 3 августа американский посол в Хорватии Питер Галбрайт уверяет хорватов, что Милошевич дал гарантии невступления Югославии в войну, и что Югославия не будет наносить удары по хорватским городам.

Операция «Олуя»

Расклад сил перед вторжением.

Хорватская сторона. По независимым западным данным того времени количество солдат достигало 200 тысяч. Это была самая большая армия в Европе после Второй Мировой. Регулярная армия состояла из 80 тысяч человек, 70 тысяч были мобилизованы дополнительно и 50 тысяч были готовы вступить в бой в третьем эшелоне. Не было ни одного населённого пункта в Хорватии, который не провёл бы мобилизацию. 25 бригад были готовы к бою со стороны Хорватии. Сейчас многие пишут об армии численностью в 100 тысяч. В

ратились в осаждающих. Теперь хорваты могли нанести удар по Книнской Краине с двух выгодных плацдармов: с северного из Западной Славонии и южного — из района Гламача и Грахова. Всё это происходило почти одновременно со взятием ВРС Жепы и Сребреницы. Начальник главного штаба ВРС Радко Младич с корреспондентами триумфально посетил сожжённую Жепу в те самые дни, когда хорваты рвались к родине Гаврилы Принципа, к Грахову.

Хроника операций

Загребе проходят совещания военных. По предположению хорватского министра обороны Гойко Шушка им удастся прорвать мозаичную оборону сербов после 5-7 дней наступления. Хорваты стягивают войска к Задару, Шибенику и Синьи, с направлением на Струмицу и Книн.

Сербская сторона. Войско РСК в реальности насчитывало не более 15 тысяч человек с 200 танками, 400 пушками, 100 БТРами. По данным хорватов у сербов было до 46 тысяч человек, по данным Запада — около 30 тысяч. Несколько тысяч бойцов действовали в Восточной Славонии, под Бихачем и на других границах. Сербь надеялись довести численность своих войск до 50 тысяч человек. От 5 до 10 тысяч человек были наиболее боеспособного возраста, ещё 20 тысяч были слишком молодыми или старыми. Сербское командование ожидало нападение на Банью, Кордун и Лику, так как тогда хорваты бы прорывали блокаду Бихача. Поэтому 15, 21 и 39 корпуса и тяжёлое вооружение были сосредоточены у Петриньи с выходом на Карловац и Глину. 7 бригада оставалась для защиты Книна и Северной Далмации. Руководство РСК надеялось на скорую помощь со стороны РС в количестве до 10 тысяч бойцов. Генерал Мркшич рассчитывал, что 37 тысяч сербов смогут удерживать Краину в течение 10 суток. До 17 тысяч человек в Восточной Славонии должны были сразу же вступить в бой и ударить по направлению Осиек-Винковци. За сутки до нападения Караджич отстранил Младича и провозгласил себя верховным главнокомандующим РС. Многие сербы впоследствии рвались в РС, чтобы перейти под командование Караджича и начать контрастступление.

4 августа — пятница

В 3 утра хорваты официально оповестили ООН о начале операции. 4 августа — день освобождения самого страшного концлагеря на Балканах Ясеновац во Второй Мировой. Хорваты приурочили нападение именно к этой дате.

В 4 утра «миротворцам» объявили «красную» степень боевой готовности.

В 5 утра началось наступление. Начался артобстрел. 2 тысячи стволов ударили одновременно, огонь не прекращался в течение 40 минут.

В сербский штаб с утра начала стекаться информация о начале атаки: появились сообщения о проникновении разведывательно-диверсионных групп, затем о вторжении танковых соединений. Состоялся телефонный разговор Мартича и Милошевича. Милошевич сказал, чтобы Краина держалась 5-6 дней сама, а там он что-нибудь придумает. Определелись с защитой. Группа «Юг» состояла из 7 и 15

Во время обсуждения приказа в штабе было задано в частности 2 вопроса: «Есть ли гарантии, что Милошевич и Караджич придут на помощь?» и «Кто будет вести трактор с семьёй во время отступления, если я буду на фронте?»

корпуса. Группа «Север» состояла из оперативной группы «Паук», корпуса специального назначения — из 21 и 39 корпусов. Группа называлась «Кордун» и командовали ей генерал Миле Новакович и Милорад Ступар. Группа «Кордун» имела связь с корпусами из Вуковара, Лики и Далмации.

Хорваты прорвали оборону сербов примерно в 30 метрах. Они наступали от Любова на Кореница и от Руци на Св. Рок с целью рассечь РСК.

На севере хорваты атаковали Сунья, Ясеновац, Дубица, и спецвойска хорватов с Велебитских гор атаковали Грачач и Лику. У Велебит окружённые сербы сопротивлялись хорватам, которые беспрепятственно прошли сквозь французских «миротворцев». Когда на помощь сербам выдвинулась сербская часть, французы под угрозой применения оружия ее не пропустили. После были привезены тела 24 геройски погибших сербов. Люди не могут до сих пор забыть этот эпизод с «миротворцами».

С 5 до 8 утра с горы Бадань безостановочно обстреливается Книн. За 30 минут падает до 300 снарядов. Обстреливаются массировано и другие крупные города: Слуньи, Петринья, Глина и Удбина. На Книн наступала группировка генерала Анте Готовины в составе 10 тысяч человек. Атаковали полигон «Црвена земля». В битве за город 13-го века, Книн, разгорелось настоящее танковое сражение. После 9-часовой ожесточеннейшей битвы сербы стали сдавать позиции. Сербские танки, лавируя, постепенно отступали.

20 хорватских танков с боем прорываются из Госпича в Медакский карман.

Радио начало передавать обращение Туджмана к сербам, где он призывал не сопротивляться и сдаваться хорватским войскам. Передачи шли каждый час. Только к 2 дня стали поступать сообщения в штаб, что сербы начали отступать.

В 16.45 был подписан приказ Мартича об эвакуации. Приказ предписывал провести плановую эвакуацию Книна, Бенковаца, Оброваца, Дрниша и Грачаца. Во время обсуждения приказа в штабе было задано в частности 2 вопроса: «Есть ли гарантии, что Милошевич и Караджич придут на помощь?» и «Кто будет вести трактор с семьёй во время отступления, если я буду на фронте?». Мартич ответил молчанием на оба вопроса. До сих пор не утихают споры, был ли приказ преступным и предательским или же благодаря

ему удалось вывести из-под хорватского огня сотни тысяч жителей.

В 19.00 2 самолёта НАТО с авианосца «Теодор Рузвельт» атаковали сербские ракетные позиции под Книном. Ещё два самолёта с итальянской авиабазы разбомбили сербскую авиабазу Удбину. В НАТО бомбардировку оправдали тем, что возникла угроза жизни пакистанским «миротворцам», и по запросу пакистанских военных необходимо было действовать «решительно». Что касается Удбины, то здесь было заявлено, что самолёты НАТО были обнаружены сербскими радарам при патрулировании и захвачены в цель. С этого дня и на протяжении всей операции НАТО глушит все сербские средства связи.

Хорваты за сутки проникли вглубь от 5 до 15 километров. Атаковали на протяжении линии фронта длиной в 630 — 700 км. По хорватским данным в первый день наступления они смогли оккупировать 720 кв. км.

К вечеру сербы-мусульмане корпуса Абдича начинают переходить на сторону атакующего 5-го корпуса боснийских мусульман. Пришло сообщение о наступлении 5-го мусульманского корпуса на Лику и Петрово Село.

39-й корпус сообщил об угрозе Глине.

5 августа крайне важна была поддержка артиллерии и ракетных установок, а также поддержка Вуковарского корпуса. Ракеты были нацелены на Загреб, Задар, Сплит и Шибеник.

В 8 вечера началось совещание Штаба ВРСК. Было принято решение об обороне Книна силами 7-го корпуса генерала Ковачевича. Север Книна защищала 75 бригада Владимира Давидовича. Были приняты решения о переносе штаба обороны в Срб, об организованном отступлении и формировании новых боевых формирований. Паники не было.

В 23.20 произошла эвакуация Штаба ВРСК в Срб.

Хорватские ракетные установки и артиллерия разбомбили радио и телевизионный передатчик в Челаваце. После чего телецентр был с боем захвачен наземными войсками.

Св. Рок был сдан к вечеру.

К ночи 4 августа боевые действия практически затихли. За 4-е число отдельные сербские подразделения несколько раз прорывались на территорию Хорватии, но это не играло никакой роли.

5 августа — суббота

5-го утром разразился сильнейший шторм в Загребе. Хорватами он был поначалу принят за воздушную тревогу, и в городе началась нешуточная паника.

В 3.35 сербы обстреляли Осиек. В 5 утра они атаковали Бихач и обстреляли Сисак. В 6.15 обстреляли Дубровник.

Военные уходят из Книна, и начинается паника. После двух дней обстрела от города остаются одни руины, улицы завалены телами убитых и умирающих раненых.

В 10 утра хорваты врываются на окраины Книна. Бригадир Иван Корале, командир 7-й хорватской бригады, в полдень водружает шаховницу над крепостью Книна. К этому времени уже оккупированы Грачац, Любово, Житник, Дубица. Сербь отступают на Срб и Лика Калдрма, Дрвар, Петровац, далее на Бания-Луку. Хорваты к полудню занимают Врлику, Киево, Дрниш.

В 15.00 хорваты и 5-й корпус боснийских мусульман, наступающих от Бихача на запад, встречаются у Тржачких Растела, на реке Корана. Хорватский генерал Марьян Марекевич и боснийский генерал Ариф Дудаковичжимают руки. Соединение происходит в Раковице, 11 миль на юго-восток от Слуны.

В 18.00 захвачен Бенковац и окружена Петринья.

Немецкий министр иностранных дел Клаус Кинкель в своём обращении заявил, что «мы не должны забывать о годах сербской агрессии... они слишком долго испытывали терпение Хорватии». Позже немцы также скажут, что «Германия разделяет

радость военного успеха и выражает вам похвалу за эту войну».

5 числа Караджич обещал нанести контрудар в воскресенье, 6 августа, или самое позднее в понедельник. В Белграде сообщали, что сербы в понедельник ударят по Грахово и прорвутся к Книну, чтобы развивать наступление уже оттуда.

К ночи 5 августа в Хорватии началась победная истерия. Улицы заполнили пьяные смеющиеся и плачущие хорваты, с бутылками шампанского, размахивающие хорватскими, американскими и немецкими флагами и распеваящие песни «Спасибо тебе, Германия». Туджман выступил с речью на центральной площади Загреба.

6 августа — воскресенье

Утром в 7.12 пала Петринья, хорваты двинулись на Костайницу и Глину.

В 9 утра пал Обровац.

В 16.30 дня Туджман прилетает в Книн на вертолёте. С ним его клика: министр обороны Гойко Шушак, министр иностранных дел Мате Гранич и прочие. К приезде Туджмана водружают 20 метровый хорватский флаг, шаховницу. Туджман проходит перед строем 4 и 7 бригад хорватской армии. Он произносит речь о том, что Хорватия теперь будет целостна на века.

В 17.00 дня начинает вещать хорватское «Радио Книн».

В Сербский Двор прорываются «тигры» Аркана, но они уже не могут изменить ситуацию.

В районах Санац, Штресковац и Туранья идут ожесточённые бои.

В 23.00 пала Глина. Также пали Костайница и Плитвицкие озёра.

21-й, 15-й и 39-й сербские корпуса попали в тяжёлое положение и были окружены.

7 августа — понедельник

В 11.20 сбиты два сербских самолёта в районах Дарувар и Пакрац. Пала

Туранья. В Карловцах начинается хорватское ликование.

В 18.00 пал Двор на Уни. Министр обороны Хорватии Шушак заявил, что РСК ликвидирована. Хорваты объявляют о победе. С их стороны заявлены 118 убитых и 620 раненых. Хорватов поздравляют немцы. В этот день достигается соглашение о сдаче сербов. Хорваты объявляют о намерениях атаковать Восточную Славонию. В Восточной Славонии Русбат начинает готовиться к обороне. Русских и бельгийцев в этом районе около 1500 человек.

8 августа — вторник

В 4 часа утра пали Топуско, Горний и Дольний Лапац, Войнич.

Ведутся переговоры с 21-й сербской бригадой о сдаче.

9 августа — среда

Ранним утром начинает сдаваться 21-я сербская бригада в составе около 5000 человек в Кордуне. Полковник Булат объявляет о сдаче хорватскому генералу Петару Штипетичу. Хорватам сдаётся только тяжёлое вооружение, стрелковое оружие сербы несут с собой. Официальные власти в Белграде объявили, что в случае нападения на Восточную Славонию, Сербия незамедлительно вступит в войну. Запад отговаривает хорватов от агрессии.

Последствия

Многие считают, что сербы позорно без боя сдали Краину. Многие упрекают краишников в бегстве. Это не так. Сербь храбро обороняли район Топуско-Двор-Войнич. Обороняли Дрниш, Бенковац и Теслинград. Особо отметим генерала Ликского фронта Стево Шево. Кордунцы стойко держались до последнего. Котёл в районе Пакрац-Гарешница-Ораховац стал также местом героической обороны. Ожесточённые бои шли за Петринью и Глину.

Хорваты объявили о потере 118 солдат убитыми и 620 ранеными. Реально убито около 200 и ранено 1000. Потери в бронетехнике — около 50 единиц. Сбито 3 вертолёта и один самолёт. Около 400 хорватских солдат попало в плен, но их отпустили в обмен на обещания не трогать беженцев.

Русбат в Осиеке подвергался обстрелу. Был ранен русский солдат. Из «миротворцев» хорватами были убиты: 2 чеха и 1 датчанин,

Хроника операций

ранены 3 чеха, 3 поляка, 1 датчанин и 1 кениец.

В БиГ после падения РСК ушло до 10 тысяч сербских военных.

Всего после нескольких дней агрессии в Краине осталось не более 5 тысяч человек населения из полумиллиона!!! Остальные бежали в Бания-Луку и далее в Белград. За 4 дня погибло около 14 тысяч только гражданских лиц. 12 тысяч пропало без вести. Только после 9 августа из общего числа отступающих сербов пропало без вести ещё 6 тысяч человек. Беженцев бомбят самолёты НАТО (хотя НАТО, естественно, и отрицает эти преступления) и хорватская авиация, ведётся артиллерийский обстрел сербов на дорогах, расстрел из стрелкового оружия и танков. Бесконечные колонны сербов атакуются хорватами непрерывно. Хорватские подростки и католические священники забивают женщин кирпичами и арматурой, закалывают вилами. Такое количество людей никогда не гибли в Европе после Второй Мировой за такой короткий отрезок времени.

В Европе быстро организовывается настоящая охота на людей. Неделя «сафари» стоила около 3000 долларов. Была создана известная хорватская интербригада. Наёмникам-убийцам беспрепятственно разрешалось фотографироваться над трупами сербов, убивать, насиловать. В основном в Хорватию приехали немцы, голландцы, англичане, американцы, датчане, венгры. Организацией наёмников-убийц занимались «турфирмы» в Лондоне и в Берлине. Приехавшие нелюди заявляли о своей принадлежности к «неонацистам» и европейским «правым». Интербригада в Хорватии носила форму Вермахта и СС.

Опустим перечень гигантских материальных потерь. Сожжены и разрушены тысячи домов, уничтожены техника и скот. Уничтожены древнейшие сербские монастыри Крк (1350) и Круп (1317).

Волна митингов с осуждением предательства проходят по всей Сербии. Падение

РСК стало огромным шоком для всего сербского народа. Страшная неуверенность появилась у жителей РС, Воеводины, Космета. В Белградской печати появилось множество карт раздела Сербии. Уже в марте-феврале 1995 года появились слухи о договоре между Туджманом и Милошевичем под присмотром Запада. За признание РС, отдачу сербам Среберницы и отмену экономических санкций против Сербии Милошевич сдал РСК. Санкции против Сербии после предательства Милошевича и падения РСК так никто и не отменил.

Причины падения

Белград сдал РСК заранее, задолго до начала агрессии. Югославская армия по ряду соглашений обязана была защитить Книнскую Краину. Но этого не последовало. Места для беженцев в огромных количествах были уже готовы заранее. Скорее всего, Милошевич вынашивал иные планы и расчёты. Никому в Белграде не нужно было защищать то, что давно продано. Многие говорят о запланированности падения Краины. Можно предположить, что руководство РСК знало о хорватском наступлении задолго до его начала, так как большую часть имущества оно перевезло в Югославию в первом полугодии 1995 года, семьи их тоже к началу наступления были в Югославии. Постепенно имущество крайников отправлялось на восток, в Серию или РС, к родственникам. Семьи военных уехали раньше операции. Также предполагается, что командирам ещё до вторжения были розданы конверты двух цветов. Голубые — оборона, белые — отступление. Среди командования и офицеров распростили белые.

цами Председников РСК. Назначение они получали не по профессиональным качествам, а в зависимости от степени послушности своим начальникам.

Основная военная причина падения заключалась в том, что сербы неправильно рассчитали главное направление хорватского удара. Вместо Лики хорваты ударили по Книну и смогли рассечь РСК пополам. Не было принято во внимание сосредоточение хорватских сил в Либинье южнее Велебита. Падение Грахово и Гламоча также не стало сигналом к началу войны. А ведь именно таким образом хорваты отрезали РСК от РС.

Вторым просчётом была ставка на то, что РС и Восточная Славония поддержат ударом по Осиеку и Винковцам и оттянут на себя значительную часть хорватских сил.

Были и сугубо тактические ошибки. Боевые самолёты перед вторжением перебросили из Удбины в Бания-Луку, и авиация не смогла поддержать оборону, так как любые полёты были запрещены НАТО. Также отметим, что ракеты, топливо, снаряды были в ведении офицеров ЮНА, а не РСК. Те их почему-то не использовали. 1200 офицеров ЮНА, которые находились на тот момент в РСК, просто растворились. В этой операции хорваты использовали «живой щит» из сербов и «миротворцев». Хорваты даже катили перед собой сербских стариков-инвалидов в инвалидных креслах, а потом расстреливали их. Также использовались в качестве «живого щита» датские солдаты. Хорваты активно использовали данные разведсамолётов НАТО. Силы ООН либо ушли, либо не вмешивались. 10 тысяч «миротворцев» в Хорватии и РСК не сделали ничего. Они выбрали тактику наблюдения. На их глазах горела и разворовывалась страна, которую они были призваны защитить. То же самое можно видеть и по сей день в Косово и в любой другой стране, где они «защищают» мир. По некоторым сведениям плохо работала и контрразведка РСК. Шифровальщик штаба РСК, возможно, работал на хорватов.

Вечная память погибшим при обороне РСК!

Александр Ионов

Родился в 1976 г. в Москве. Историк-югославист. Более десяти лет занимается изучением военных аспектов югославского кризиса 1990-1995 гг. С 1995 г. работал в различных международных медийных проектах, направленных на прорыв информационной блокады вокруг Сербии на Западе, а также на просвещение российского общества по «югославскому вопросу». Неоднократно бывал в странах бывшей Югославии.

http://artofwar.ru/i/ionow_a_a/

СРАЖЕНИЯ В «БИХАЧСКОМ КАРМАНЕ» В 1994 г.

(Глава из готовящейся книги)

Разгром

АО Западная Босния

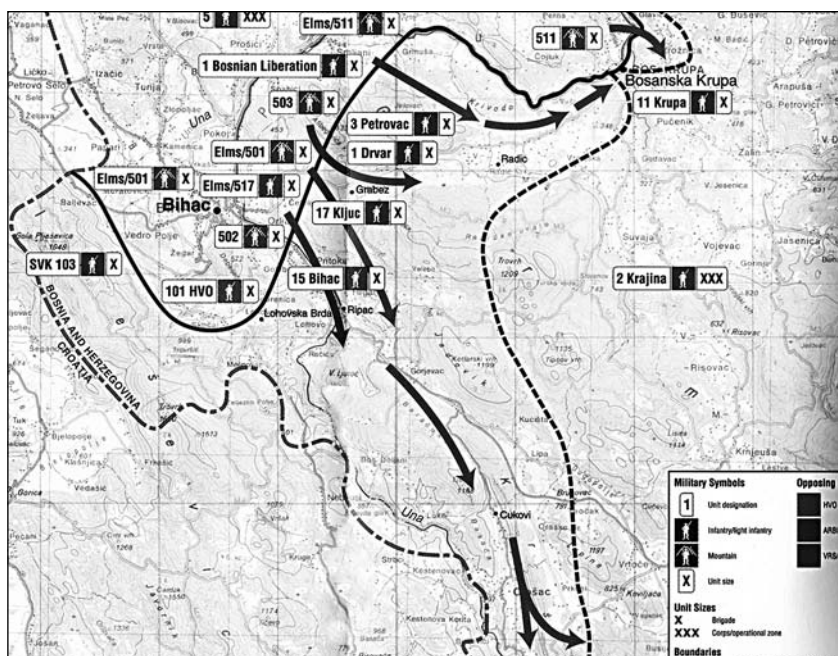
В начале 1994 года Автономная Область Западная Босния, возглавляемая Фикретом Абдичем, занимала 600 кв. км территории на севере Бихачского кармана. Народная Оборона — вооруженные силы АОЗБ, состояли из шести пехотных бригад, нескольких танков и нескольких десятков единиц артиллерии. Командовал десятитысячным войском «автономистов» полковник Хазим Делич.

В середине января 5-й корпус АРБиХ предпринял наступление против сил НО на центральном участке фронта, продвинувшись на 2 км и захватив село Скокови. После этого наступило затишье: стороны подписали перемирие и обменялись телами погибших.

16 февраля силы Абдича, при поддержке сербской артиллерии, развернули наступление на город Цазин, находящийся в самом центре анклава. Однако части 5-го корпуса исламистов легко отбили эту атаку. В течение весны никаких серьезных боестолкновений в Бихачском кармане не происходило.

Руки 5-му корпусу АРБиХ развязало заключенное в начале июня перемирие с боснийскими сербами. Комкор Дудакович получил приказ — обрушиться всеми силами на «автономистов». Выполнению этой задачи помогали и юридические обстоятельства: Фикрет Абдич перемирия не подписал.

2-3 июня исламисты произвели пробные атаки в районе Лисковац-Печиград, но 10-го 4-я бригада НО ответила мощной контратакой в направлении Скокови, отвовав у 5-го корпуса небольшую территорию. Однако, 13 июня войска Дудаковича перехватили инициативу и начали наступление на Печиград, Тодорово и Голубовичи. Вскоре исламисты стояли уже в предместьях Печиграда — небольшого, но важного городка на пути к столице АОЗБ, Великой Кладуши. В пресс-службе 5-го корпуса

утверждали, что захвачено 30 кв. км, а две роты «автономистов» взяты в плен.

Поражение заставило Абдича провести в рядах своих сторонников чистку, в результате которой 500 человек было арестовано или уволено с занимаемых должностей.

15-16 июня части Народной Обороны сумели остановить 5-й корпус и нанесли контрудар под Лисковацем. Однако, 20 июня 506-я и 505-я горные бригады АРБиХ вновь вернули инициативу себе и вплотную подошли к селу Голубовичи, а также Печиграду — одному из ключевых пунктов обороны НО на пути к Великой Кладуше. Здесь разгорелись ожесточенные бои. Краинские сербы активно поддерживали бойцов Абдича артиллерийским и танковым огнем.

Одновременно тяжелые бои развернулись за городок Печиград — главный узел обороны «автономистов». Его защищало самое боеспособное подразделение НО АОЗБ — 4-я бригада. Части 1-й Боснийской

Освободительной и 506-й горной бригады безрезультатно штурмовали город в течение недели. К 22 июня Печиград был окружен с трех сторон, и исламисты пытались перерезать подходы к городу с севера, в районе села Пивка. Тем не менее, защитники Печиграда блокировали наступление 5-го корпуса на Велику Кладушу.

Чувствуя, что земля уходит у него из-под ног, Фикрет Абдич обратился за помощью к РСК. Однако, крайшники избегали напрямую посылать свои подразделения в Бихачский карман, оказав помощь только 30 июня, отправив 20 единиц тяжелой техники, взятой из подконтрольных ООН хранилищ.

Пока на севере Бихачского кармана шли ожесточенные бои, в его южной части произошла одна из самых необычных операций Боснийской войны — «Тигр-Свобода-94». Ее спланировал сам командир 5-го корпуса АРБиХ, Атиф Дудакович.

7 июля боснийские и западные СМИ распространили сообщение, что фран-

Хроника операций

цусские миротворцы в Бихаче блокированы солдатами 5-го корпуса на своей базе. В сообщении говорилось, что некая группа террористов пробралась с севера, и «голубым каскам» заблокирован выход в город ради их же безопасности.

Позднее в этот же день новостное агентство АОЗБ распространило весть о начавшемся мятеже в рядах 5-го корпуса, солдаты которого, якобы, не желают воевать против своих братьев-единоверцев. 9 июля французы передали, что слышат интенсивную стрельбу и взрывы в Бихаче и его окрестностях, однако, они по-прежнему не могли покинуть свою базу и разведать обстановку. В это время подразделения Народной Обороны АОЗБ при артиллерийской поддержке СВК попытались перейти в наступление на линии Кривая-Чаичи, чтобы помочь восставшим. Краинские сербы отправили им в помощь грузовик с оружием, который сопровождали офицеры контрразведки.

10 июля, неожиданно для всех, комкор Дудакович заявил, что весь этот «мятеж» является спектаклем, мастерски разыгранным внутри 5-го корпуса и введенным противников в заблуждение. Французы были заблокированы на базе, чтобы правда о фиктивном восстании не открылась раньше, чем было нужно исламистам, в то время как бойцы 5-го корпуса палили в воображаемого противника, создавая впечатление сильного боя.

Центром «восстания» стало село Изачич, в 10 км к северу от Бихача. Здесь, якобы, находился штаб 7-й бригады, отколовшейся от 5-го корпуса. Командиры «мятежников» выходили на связь с силами «автономистов» и просили помощи. Грузовик с оружием и боеприпасами достался 5-му корпусу, а сопровождавшие его представители Абдиша и краинских сербов были убиты или взяты в плен. Одному контрразведчику чудом удалось бежать.

Операция «Тигр-Свобода-94» наделала много шума и прославила генерала Атифа Дудаковича среди боснийских мусульман. 5-му корпусу «даром» досталось 3000 единиц стрелкового оружия и 200000 патронов, гранат и мин. Более того, «мятеж» выявил реальных сторонников Абдиша в рядах 5-го корпуса, которые были немедленно арестованы. Операция также воодушевила исламистов по всей Боснии, став не столько военной, но большой моральной победой.

Между тем, 11 июля, после мощной артподготовки артиллерии СВК, части 5-й бригады НО с новой силой возобновили атаки севернее Чаичей. Исламисты ответили на это три дня спустя, совершив вылазку на территорию Сербской Краины в надежде уничтожить батареи, но были отбиты. Тяжелые позиционные бои на

• Атиф Дудакович

всей линии фронта от Тржаца до Варошской Риеки продолжались весь июль.

Одновременно с эскалацией боевых действий на севере, южнее Бихача, приняли наступление части 2-го корпуса ВРС. Их целью был захват южного берега реки Уна, что сербы безуспешно пытались осуществить с 1992 года.

Операция «Уна-94» началась 11 июля атакой 17-й Ключской, 1-й Дрварской и 3-й Петровацкой легкопехотной бригады в районе гор Заложье — Алибегова Коса. Однако, сербы не смогли преодолеть оборону 503-й горной бригады АРБиХ, и 15 июля операция была свернута, так и не достигнув результата.

Отразив наступление «автономистов» под Чаичами, а боснийских сербов на плато Грабеж, в начале августа 5-й корпус вновь приступил к штурму окруженного Печиграда. Ежедневно город подвергался массированному обстрелу из орудий и минометов, но 4-я бригада НО отказывалась сложить оружие и отражала все атаки исламистов. Наконец, 4 августа подразделения 1-й Боснийской Освободительной бригады ворвались в город.

Ликвидируя очаги сопротивления, солдаты 5-го корпуса прорвались к командному бункеру «автономистов». Дудакович предложил командиру 4-й бригады Невзяду Дьеричу капитулировать, но тот ответил отказом. Тогда Дудакович приказал танку выстрелить в дверь бункера. Все, кто находился внутри, погибли...

После гибели командира большая часть бойцов 4-й бригады (около 800 человек) сдались в плен. Дорога на Велику Кладушу была открыта.

9 августа, вслед за падением Печиграда, рухнула вся линия обороны «автономистов»: Тржац, Штурлич, Кривая, Чаичи и Лисковац были оставлены защитниками. Новая линия фронта установилась в 15 км от столицы АОЗБ на линии Йоховица-Кудичи-Веинац-Голубовичи.

Армия Абдиша стала стремительно разваливаться: целые подразделения сдавались или переходили на сторону АРБиХ. К середине месяца в составе НО остались только две неполные бригады, которые не могли держать линию фронта и отступили к Великой Кладуше. В этих условиях Абдиш предложил перемирие правительству исламистов, но те об этом даже слышать не захотели, настаивая только на безоговорочной капитуляции.

21 августа части 5-го корпуса АРБиХ триумфально вступили в Велику Кладушу. Но их никто не встречал цветами: все жители, вместе с остатками своей армии, ушли на территорию РСК. Фикрет Абдиш также скрылся у краинских сербов, лелея надежду вернуть с их помощью свои вотчины.

Операция «Бреза-94»

В августе, командованием ВРС и СВК был разработан план совместной наступательной операции в Бихачском кармане, получившей название «Бреза-94».

1-й и 2-й Краинские корпуса ВРС во взаимодействии с частями краинских сербов должны были нанести одновременные удары на южном и восточном фронте анклава. Задача частей 2-го корпуса оставалась неизменной — они должны были захватить южный берег Уны и перерезать железнодорожное полотно, проходящее вдоль реки. Как и в предыдущих операциях, выполнение этой задачи возлагалось на 1-ю Дрварскую, 3-ю Петровацкую, 17-ю Ключскую легкопехотную бригаду, при поддержке 15-й Бихачской пехотной (всего — 5500 чел.).

Однако важнейшим направлением на этот раз было восточное, где должны были наступать подразделения 1-го корпуса, под непосредственным руководством Ратка Младича.

Из частей 1-го Краинского корпуса была сформирована Тактическая Группа, в которую вошли примерно по батальону из состава 5-й Козарской легкопехотной, 6-й Санской пехотной и 43-й Придорской моторизованной бригады. Сюда же перебросили 1-й Биелинскую легкопехотную бригаду «Пантеры» из Восточно-Боснийского корпуса. В качестве «штурмовых» подразделений привлекались 1-й батальон военной полиции и 1-я разведывательно-диверсионная рота. Ударную Тактическую Группу поддерживала обычно державшая фронт в этом районе 1-я Новиградская пехотная бригада.

Со стороны СВК для участия в операции «Бреза-94» привлекались 33-я

Дворская пехотная бригада и подразделение 155 мм гаубиц из состава 39-го Баньского корпуса. Всего ударная группировка ВРС-СВК насчитывала 4000 бойцов, помимо 3000 солдат обычных фронтовых подразделений.

В задачу ТГ 1-го Краинского корпуса входило наступление вдоль северного берега Уны на город Отока. После взятия Отоки наступление должно было развиваться вдоль шоссе Отока — Босанска Крупа, и под Крупой части 1-го и 2-го Краинских корпусов должны были соединиться.

Как предполагалось сербами, 5-й корпус бросит все свои резервы на блокирование наступления на Отоку. В этот момент в бой должна была вступить вторая «колонна» ВРС-СВК: «Пантеры» и 33-я Дворская бригада должны были начать наступление на город Бужим, а после взятия Бужима идти на центральный город анклава — Цазин. Падение Цазина привело бы к раздроблению 5-го корпуса АРБиХ на отдельные очаги и фактическому разгрому. Последним этапом операции являлось наступление на Бихач с севера (от Цазина) и востока (с Грабежа).

Поражение и изгнание армии Фикрета Абдича за пределы анклава позволило Атифу Дудаковичу перебросить дополнительные силы для укрепления обороны на южном и восточном фронтах. Перед началом сербского наступления под Бихачем и на Грабеже держали фронт 501-я и 502-я Бихачские бригады, 503-я Цазинская и 1-я Боснийская Освободительная. Линию Бужим-Отока обороняли 505-я Бужимская моторизованная и большая часть 511-й Босанскокорупской горной бригады. Всего силы исламистов насчитывали около 15000 человек.

Наступление частей 2-го Краинского корпуса ВРС началось 31 августа. По своей

схеме оно было практически идентично предыдущим атакам сербов в этом районе. Сербские войска по началу довольно успешно продвигались к своим основным целям — высотам Алибегова Коса и Бараковац (высота 453), захват которых вывел бы ВРС к Уне и железной дороге. Однако, хотя мусульмане и были потеснены, их оборона не была разбита. 6 сентября 503-я Цазинская горная бригада при поддержке других частей нанесла контрудар и не только отбросила сербов на исходные позиции, но местами заняла небольшие участки удерживаемой ими ранее территории. И хотя бои продолжались на Грабеже еще несколько дней, наступление ВРС на этом участке фронта потерпело провал и не возобновлялось — 2-й Краинский корпус был выведен из игры.

Атака 1-го Краинского корпуса началась с залпа ракет «Оркан», выпущенных 5 сентября 89-й ракетно-артиллерийской бригадой по целям в Цазине и Бужиме. Затем подразделения ВРС развернули наступление на 10-километровом фронте, левый фланг которого упирался в Уну.

В течение четырех дней сербы отнесли 511-ю горную бригаду АРБиХ к Отоке, форсировав 8-9 сентября реку Бастра. Однако, наступление завязло, когда до города оставался один километр — мусульмане окопались на двух преграждающих путь к Отоке высотах — Вучковаце и Плавне, и, несмотря на предпринимаемые в течение четырех дней атаки, выбить их сербы не смогли.

8 сентября в 15 км севернее Отоки началось наступление бригады «Пантеры» и 33-й Дворской бригады СВК при поддержке танковой роты, целью которого был город Бужим. Им противостояла 505-я моторизованная бригада майора Изета Нанича.

Сербы столкнулись с ожесточенным сопротивлением противника в районе высоты Радач (629 м) в 7 км восточнее Бужима. К 11 сентября части ВРС-СВК смогли продвинуться лишь на 2-3 км, несмотря на сильную поддержку артиллерией.

12 сентября «Пантеры» возобновили атаку, пытаясь взломать мусульманскую оборону юго-западнее холма Чорковача (602 м). В это время исламисты готовили контрудар, перегруппировывая свои ударные подразделения. К имеющимся в 505-й бригаде ротам спецназа «Хамза», «Газие» и батальону «Тайфун» в район Бужима были переброшены элитные подразделения 502-й Бихачской горной и 517-й легкой бригады. Сербь, по всей видимости, прозевали концентрацию ударных мусульманских сил на правом фланге «Пантер», и, когда исламисты нанесли по нему удар, это явилось для них полной неожиданностью. Подразделения бригады «Пантеры» и 33-й Дворской бригады СВК отступили в беспорядке к границе РСК, причем преследовавшие их по пятам мусульмане захватили высоту Чорковача и оккупировали 20 кв. км территории, которая до начала операции «Бреза-94» принадлежала сербам. В результате этого бегства чуть было не попал в плен генерал Ратко Младич, часто руководивший войсками вблизи линии фронта.

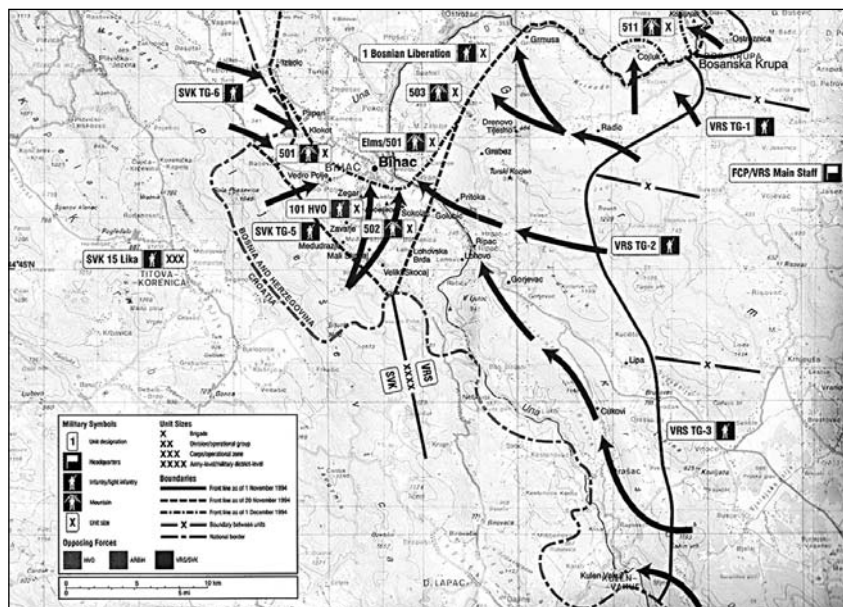
Поражение «Пантер» и крашники означало провал всей операции. Потоптавшись под Отокой, вскоре отошла на исходные позиции и Тактическая Группа 1-го Краинского корпуса.

«Грмеч-94»: наступление 5-го корпуса АРБиХ и контрудары сербов

После разгрома «автономистов» и успешного отражения сербского наступления командующий 5-м корпусом АРБиХ Атиф Дудакович высоко оценил боеспособность собственного войска, решив, что настала пора предпринять крупное наступление за пределы анклава. Быстро спланированная операция получила название «Грмеч-94». К участию в ней привлекались почти все силы корпуса.

Направление было выбрано правильно: мусульмане хотели «навалиться» всеми силами на три потрепанные в сентябрьских боях бригады ВРС на плато Грмеч. На севере анклава оставалась только 506-я горная бригада, на западе — 517-я, на востоке — части 505-й горной. Все остальные силы (около 13000 чел.) были брошены в наступление.

25 октября части 501-й, 502-й, 503-й горной и 1-й Боснийской Освободительной бригады нанесли внезапный мощный удар по позициям 15-й Бихачской, 17-й Ключской, 1-й Дрварской и 3-й Петровацкой бригады ВРС на плато Грабеж (северная оконечность плато

Грмеч). Уже в первый день мусульмане добились существенного успеха: ими были захвачены село Грмеч и бывшая база ЮНА. Сербские части были разбиты и в беспорядке отступали в направлении сел Рипач и Радич.

После прорыва обороны ВРС на Грабеже основные силы 5-го корпуса разделились на две группы, наступавшие на южном и восточном направлениях. 26 октября — на второй день наступления — АРБиХ захватила около 100 кв. км сербской территории.

На южном направлении подразделения исламистов, возглавляемые 501-й и 502-й горными бригадами, наступали на Рипач — Орашац — Кулен Вакуф — Босански Петровац (40 км от Бихача). На восточном направлении первоочередной целью была Босанска Крупа (20 км от Бихача), и здесь 503-я, 511-я горные и 1-я Боснийская Освободительная бригады продвигались вдоль южного берега Уны. Неожиданное нападение мусульман вызвало исход около 10000 сербов из района боевых действий.

27 октября части 5-го корпуса захватили еще около 150 кв. км территории Республики Сербской. Южная группа продвинулась на 10 км в направлении Босанского Петровца, а Восточная вышла к предместьям Босанской Крупы. Мусульмане также захватили несколько единиц бронетехники, брошенной бегущими бойцами 2-го Краинского корпуса ВРС.

Однако, в этот же день наступление исламистов стало замедляться — Дудакович явно переоценил собственные способности военачальника. 5-й корпус столкнулся с очень простой проблемой: по мере его быстрого продвижения коммуникации все больше растягивались, а лишних сил для их охраны, также как и для закрепления за собой обширной местности, не было.

Между тем, руководство боснийских сербов начало предпринимать ответные военно-политические шаги. 27 октября начальник Главного Штаба ВРС генерал Манойло Милованович потребовал, чтобы ООН немедленно осудило действия мусульманских войск, осуществленные из т.н. «зоны безопасности», и потребовало от них возвращения на позиции 23 октября. 28 октября последовала перепалка между руководством РС и командованием УНПРОФОР, которое в ответ на справедливые упреки сербов об иллюзорности т.н. «зон безопасности», стало угрожать им ударами авиации НАТО.

29 октября президент РС Радован Караджич объявил «состояние войны» в зоне ответственности 2-го Краинского корпуса и мобилизацию всего способного к ношению оружия мужского населения в этом районе. Это может показаться довольно странным, так как война шла непрерывно уже два с половиной года, однако такова была ошибочная политика руководства боснийских сербов: вместо того, чтобы мобилизовать все силы народа, оно сначала провозгласило одностороннее завершение войны в декабре 1992 года, а потом делало вид, что войны-то как бы и нет. Все это было, конечно, абсурдом. Такая политика, нацеленная на «успокоение» народа, вела к его дезориентации — ведем мы войну или нет?

29-31 октября стали днями наибольших достижений наступления 5-го корпуса. Босанска Крупа была окружена (о ее обороне см. ниже). На южном направлении был захвачен Кулен Вакуф. Общая площадь территории, занятой исламистами 25-31 октября, составила 250 кв. км.

Но вернемся к началу мусульманского наступления и рассмотрим, что происходило в эти дни на подступах к Босанской Крупе.

Дорогу Бихач — Босанска Крупа прикрывали две невысоких гряды: Велики и Мали Радич. В то время как на юге плато Грабеж сербские части в панике бежали на юг, 3-я Петровацкая легкопехотная бригада, сохраняя порядок, отступила к высотам Радич. Мусульманам удалось занять эти позиции лишь 29 октября.

Благодаря задержке частей 5-го корпуса АРБиХ у высот Радича, сербы смогли подготовиться к обороне Босанску Крupu. 29 октября части 511-й и 503-й горных бригад исламистов устремились на город вдоль южного берега Уны и одновременно успешно форсировали реку в паре километров севернее города. Все дороги в город были перерезаны, и Босанска Крупа ненадолго оказалась в полном окружении. Подразделения 11-й Крупской бригады ВРС были разделены надвое — одна часть осталась оборонять город, другая была отнесена мусульманами на километр к востоку.

В этот же день к сербам стали подходить первые подкрепления из 1-го Краинского корпуса: батальон курсантов офицерского училища ВРС из Баниа Луки во главе со своим начальником, полковником Райком Балачем, и по одному батальону из 6-й Санской пехотной и 43-й Приедорской моторизованной бригады.

30 октября Балач повел эти силы вместе с частями 11-й Крупской бригады в контратаку, ударив по правому флангу исламистов юго-западнее Крупы. Атака увенчалась успехом, и восточные подходы к городу были очищены от мусульман. В течение следующих пяти дней подразделения 5-го корпуса предпринимали отчаянные попытки вновь окружить город, но все их атаки были отбиты.

Таким образом, сербы не дали 5-му корпусу расширить занятую территорию на восток. Прорвавшиеся до Кулен Вакуфа мусульманские силы, оказались из-за этого в узком и длинном кармане — Дудакович, увлекшись преследованием 2-го Краинского корпуса, сам создал своим частям ловушку. И этой ситуацией сербы не преминули воспользоваться.

30 октября в Крupu прибыл начальник Главного Штаба ВРС, генерал-лейтенант Милованович. Он был назначен командующим всеми силами ВРС в районе Бихача и был ответственен за предстоящее контрнаступление. Командный пункт был организован в селе Ясеница, в 13 км юго-восточнее Босанской Крупы.

Милованович развернул активную деятельность для подготовки контрудара. Из частей под командованием Райка Балача была сформирована 1-я Сербская бригада — одна из трех сводных бригад, в кратчайшие сроки сколоченных из подразделений всех корпусов ВРС и перебрасываемых под Бихач. Подразделение

Балача должно было возглавить контрнаступление.

На базе трех Сербских бригад были созданы три Тактические Группы, в которые входили и подразделения 2-го Краинского корпуса. ТГ-4 создавалась на крайнем правом фланге. Таким образом, к началу контрнаступления, численность частей ВРС, противостоящих 5-му корпусу, возросла с 6500 до 14000 бойцов.

В задачу войск под командованием Миловановича входило освобождение всех сербских территорий, занятых неприятелем 24-31 октября. Однако, на самом верш сербского политического Олимпа решили значительно расширить цель предстоящей операции: одновременно с контрнаступлением на юге Бихачского кармана было решено нанести удары на севере, чтобы восстановить Автономную Область Западной Боснии с Фикретом Абдичем во главе. Армия краинских сербов привлекалась к отвлекающим действиям на западе от Бихача, а операции на севере должны были возглавить «красные береты» из РДБ — Департамента Государственной Безопасности Сербии.

Контрнаступление ВРС (операция «Щит-94») началось 4 ноября. ТГ-3 (возглавляемая 3-й Сербской бригадой) наносила удар вдоль дороги Босански Петровац — Бихач. 3-4 ноября был освобожден Кулен Вакуф: мусульмане поняли уязвимость своего положения и стали быстро откатываться назад, чтобы избежать окружения. Уже 6 ноября было освобождено село Чукови в 14 км севернее Кулен Вакуфа — стратегически важная точка, доминировавшая над шоссе и окрестностями. Здесь войскам боснийских сербов оказывала мощную огневую поддержку артиллерия СВК.

8 ноября ТГ-3 освободила Дубовско (7 км севернее Чукови) и вышла к селу Рачич, всего в 10 км юго-восточнее Бихача. В это же время ТГ-2, действовавшая на правом фланге ТГ-3, вышла в район Тихотины и Хргара 9-10 ноября. Следующим важным этапом для ТГ-3 и ТГ-2 было овладение селом Рипач и окружающими высотами, что создавало бы предпосылки для освобождения Грабежа и южного берега Уны.

В районе Босанской Крупы ТГ-1 под командованием Балача столкнулась с ожесточенным сопротивлением противника. 1 ноября Райко Балач получил звание генерал-майора, но успел пробить в нем всего три дня: в самом начале наступления этот отважный командир, всегда шедший в бой

плечом к плечу со своими подчиненными, был убит.

В течение пяти дней жестоких боев 1-я Сербская бригада оттеснила части 503-й Цазинской, 511-й Крупской и 1-й Боснийской Освободительной бригады от западных окраин Босанской Крупы на запад. 8-9 ноября сербами были вновь взяты под контроль позиции на Великом и Малом Радиче. Части АРБиХ были отброшены еще на 5 км, в результате чего была освобождена важная дорожная развязка в Дреново Тесно на шоссе Крупа — Бихач.

8-9 ноября ТГ-4 ликвидировала мусульманский плацдарм на южном берегу Уны северо-восточнее Босанской Крупы.

8 ноября к операции подключились части СВК: юго-западнее Бихача подразделения 103-й Донилапачской легкопехотной бригады 15-го Ликского корпуса атаковали позиции исламистов и местного ХВО в районе Великого и Малого Скочая. Атака краишников, сопровождавшаяся успешным налетом ВВС РС на расположенный в

этом районе склад боеприпасов, блокировала мусульманские резервы вокруг Бихача, исключив возможность их использования против наступающих частей ВРС.

Вскоре, руководивший операцией «Щит-94», генерал Маноило Милованович приостановил наступление и предложил 5-му корпусу капитулировать. Дудакович ответил отказом. По мере того, как исламисты выдвигались на свои исходные позиции, их сопротивление становилось все более ожесточенным, а продвижение сербских войск замедлилось.

К 16 ноября ТГ-1 отбросила мусульманские силы еще на 6 км, выйдя к селу Грмуша на реке Уна, в то время как ТГ-2 и ТГ-3 освободили Рипач и район Лоховской Брды. Еще через четыре дня сербы возвратили все утраченные в октябре территории, и Милованович рапортовал о победе. Первая фаза операции «Щит-94» была завершена.

В то время как на юге Бихачского кармана полным ходом шло контрнаступление боснийских сербов, на севере начала готовиться операция по возрождению АО Западная Босния.

При помощи СВК и «красных беретов» из Сербии к 10 ноября были вновь сформированы три бригады Народной Обороны — 1-я Великокладушская, 2-я Цазинская и 3-я Врнograцкая — общей численностью 5000 человек. Они заняли позиции вдоль границы РСК и БиГ в районе Великой Кладуши.

Для осуществления операции на севере Бихачского кармана была создана Оперативная Группа «Паук». Формально ей командовал генерал-майор СВК Миле Новакович, но реальное руководство было в руках полковника РДБ и командира «красных беретов» «Раи» Божовича. Непосредственное участие в организации и мониторинг операции осуществляли высокопоставленные чиновники из Белграда: шеф РДБ Йовица Станишич и шеф всех специальных подразделений РДБ (в том числе «красных беретов») «Френки» Симатович.

СВК выделяло для операции в Бихачском кармане 6500 своих солдат, сведенных из всех шести корпусов. Все эти силы, включая мусульман-«автономистов» и 500 «красных беретов» (выступавших ударной силой), были поделены на несколько Тактических Групп, действовавших в двух секторах. В секторе западнее Бихача совместно с ВРС действовали три Тактические Группы СВК (с юга на север — ТГ-5, ТГ-6, ТГ-7: 4500 краишников и 500 «автономистов») под командованием командира 15-го Ликского корпуса полковника Стево Шево. В секторе севернее Великой Кладуши были организованы две Тактические Группы СВК (ТГ-8 21-го Кордунского корпуса и ТГ-9 39-го Баньского корпуса) численностью 2100 человек, входившие в состав ОГ «Паук». Огневую поддержку осуществляла артиллерия СВК.

Роль СВК сводилась к отвлекающим действиям, которые сковали бы резервы 5-го корпуса, в то время как ОГ «Паук» будет освобождать Велику Кладушу, а ВРС развивать наступление восточнее Бихача. В идеале, ОГ «Паук» и боснийские сербы должны были соединиться в районе Цазина, что означало бы полный разгром исламистов.

Штурм Бихача не входил в план Миловановича. Главным направлением был Цазин. В случае выхода сербских

войск к Цазину, Бихач бы оказался в полном окружении. Тогда можно было бы предложить Дудаковичу капитулировать.

После разгрома 5-го корпуса планировалось отвести части СВК и ВРС за пределы Бихачского кармана, полностью отдав его под контроль Фикрета Абдича. Тем самым, Сербская Краина и Республика Сербская были бы спокойны за свой тыл, а высвободившиеся значительные силы можно было бы задействовать на других участках фронта.

Операция по освобождению Великой Кладуши началась 16 ноября. План Новаковича и Божовича состоял в том, чтобы вынудить противника добровольно покинуть город, избегая уличных боев и больших потерь. Для этого сербско-мусульманские силы начали обход Кладуши с севера и с юга. В то же время ТГ-9 наступала в 15 км восточнее, в районе сербского села Босанска Бойна, чем угрожала тылу 506-й горной бригады в Великой Кладуше и городу Врнограц, который контролировали части 505-й Бужимской бригады.

506-я горная бригада АРБиХ оказала ожесточенное сопротивление на высотах, окружавших город. Однако, численно превосходящие силы СВК/НО сильно надавили на фланги исламистов, продвинувшись на два километра на северных подступах к Кладуше в районе Поникве — Поляна.

Южнее города части ТГ-8 также добились успеха, потеснив мусульман на три километра в районе Смерковца.

В течение следующих семи дней в районе Великой Кладуши шли тяжелые бои. Краишники и «автономисты» медленно продвигались вперед, стараясь избежать больших потерь и больше воздействуя на противника артиллерией и танковым огнем. Оборонявшая Кладушу 506-я бригада АРБиХ получила подкрепление в виде подразделений 503-й, 505-й и 517-й бригад.

Основные бои разгорелись южнее города, так как сербы и «автономисты» пытались перерезать дорогу Велика Кладуша — Цазин, что значительно осложнило бы положение защитников города. 19 ноября подразделения НО АОЗБ заняли высоту Кешеровичи Брдо (235 м), доминирующую над городом с юга, и взяли под контроль небольшой фрагмент дороги. В это время на северных подступах к Кладуше части СВК/НО с большим трудом теснили противника на юг в секторе Датеровица Брдо — Елезовичи. Таким образом, наибольшего успеха ОГ «Паук» добилась южнее Кладуши, продвинувшись к 21 ноября на 5 км вглубь Бихачского кармана и выйдя на дорогу Велика Кладуша — Цазин в районе Трн и Поле.

В конце ноября положение частей 5-го корпуса в Великой Кладуше стало угро-

жающим. Дороги на Цазин и Врнограц были практически перерезаны — во всяком случае, они простреливались сербами и «автономистами». Подразделения СВК и НО стали готовиться к штурму непосредственно города. Однако в начале декабря установилось кратковременное затишье — противники, в свою очередь, готовились к решающей схватке за Велику Кладушу и северную часть анклава.

В эти же дни на юге Бихачского кармана, по мере преследования сербами 5-го корпуса, все громче стали раздаваться недовольные голоса со стороны «мирового сообщества», которое в октябре совершенно равнодушно наблюдало за наступлением исламистов. Теперь, однако, в ООН вспомнили, что Бихач является «зоной безопасности» — в адрес сербов вновь посыпались предостережения и угрозы.

16 ноября три Тактические Группы СВК развернули наступательные действия на западных и юго-западных подступах к Бихачу. ТГ-7 атаковала район Бугари, в 20 км северо-западнее города в общем направлении на Цазин. Действия ТГ-6 и ТГ-5 были сфокусированы на самом Бихаче: ТГ-6 атаковала в районе Изачич — бывшая база ВВС Желява, а ТГ-5 во взаимодействии с ТГ-3 ВРС на своем правом фланге наступала на Бихач с горы Плешевница.

Наибольшего и быстрого успеха добилась в первый же день ТГ-7. Ее бойцы, поддержанные с воздуха атаккой вертолетов «Газель», разбили оборону частей 517-й горной бригады АРБиХ и, наступая на восьмикилометровом фронте, продвинулись на три километра, выйдя к селу Гата Илиджа. ТГ-6 встретила более упорное сопротивление в районе Изачича со стороны 501-й Бихачской горной бригады и продвинулась всего на несколько сотен метров. ТГ-5 осу-

ществляла давление на противника, но особых результатов это вначале не принесло.

ТГ-6 и ТГ-7 предпринимали попытки развить наступление на протяжении следующих четырех дней одновременно с атаками ВРС на Грабеже. Однако, добиться каких-либо существенных результатов они не смогли. Тем не менее, благодаря действиям краинских сербов, резервы исламистов были скованы. 18 и 19 ноября ВВС РСК предприняли налет на склад боеприпасов в Цазине и штаб-квартиру 5-го корпуса в Бихаче, но на этот раз авиация отработала плохо, и налеты никак не сказались на боевой обстановке на земле.

20 ноября главным театром боевых действий стал район южнее Бихача, где развернули наступление ТГ-5 СВК и ТГ-3 ВРС. Вставшая на их пути 101-я бригада ХВО численностью 500 человек, была разбита за несколько часов в боях за хорватские села Велики и Мали Скорай, Междудразье и Завалье. Южные подступы к Бихачу оказались открыты, и сюда срочно была перебросена 502-я Бихачская горная бригада для блокирования сербского наступления.

23-24 ноября сербы штурмовали и заняли высоту Дебеляча (570 м), доминирующую над Бихачем с юга. В это же время западнее подразделения ТГ-6 захватили село Клокот, в котором находился резервуар, снабжавший Бихач пресной водой. 26 ноября части ТГ-6 заняли Ведро Поле, а ТГ-5 и боснийские сербы вошли в село Жегар, оказавшись в двух километрах от центра Бихача и в нескольких сотнях метрах от городской больницы.

Для покровителей мусульман на Западе это было уже слишком. 21 ноября авиация НАТО нанесла удар по базе ВВС РСК в Удбине и ПВО Республики Сербской восточнее Бихача. Формальным поводом было нарушение сербами «бесполетной зоны» в Боснии, но также это был непосредственный жест против наступления СВК/ВРС на Бихач.

Натовский налет оказался малоэффективным — краинские самолеты от него не пострадали. Сербы стояли на окраине Бихача, и город был уже практически в их власти. Но приказа для начала штурма не поступало...

На плато Грабеж в последних числах ноября также шли ожесточенные бои — оборона АРБиХ здесь была намного прочнее. 29-30 ноября подразделения ВРС оттеснили противника еще на километр, заняв село Орляни и высоту Приточка Гравица, в пяти километрах от центра Бихача. Однако, исламисты прочно закрепились на своих старых позициях, и никакие атаки и огневое воздействие выбить их оттуда не сумели.

Как уже говорилось ранее, по плану операции «Щит», автором которого был генерал Манойло Милованович, сербские войска не

должны были штурмовать Бихач. 5-й корпус должен был капитулировать, когда практически вся территория анклава, кроме Бихача, будет находиться в руках сербов и «автономистов»-мусульман. Другим мотивом, по которому ВРС не пошло сходу на штурм Бихача, было опасение военного командования, что армия будет поставлена политиками в такую же нелепую ситуацию, как летом 1993 года на Игмане. Милованович позднее говорил в одном интервью: «Если бы я взял Бихач, я мог бы быть весьма неприятно удивлен, как это случилось на Игмане и Белашнице... Я был одним из тех, кто тогда вел войска на эти горы, а потом должен был выводить их обратно. Я боялся, что то же самое может произойти и в Бихаче, к тому же Бихач был «зоной безопасности»... У меня не было приказа входить в Бихач. Мне было не разрешено обстреливать Бихач тяжелой артиллерией... Представьте, если бы я вошел в Бихач, потеряв несколько сотен солдат, а потом должен был бы оттуда уйти...»

Несомненно, что руководство Республики Сербской серьезно отнеслось к угрозам ООН и НАТО и стремилось одолеть 5-й корпус АРБиХ без взятия Бихача. Однако такая политика не встречала понимания у множества сербских бойцов-патриотов, которые видели в ней очередное предательство интересов народа. Находясь в шаге от победы и не получая ее, многие разочаровывались в военно-политическом руководстве. Моральный дух войск падал...

В конце ноября боснийские сербы продолжили наступательные операции в районе Босанской Круппы. 20 ноября подразделения ТГ-4 форсировали Уну в километре северо-восточнее города и заняли несколько высот около села Ходжинац. Но сходу расширить плацдарм не удалось — 511-я бригада 5-го корпуса оказала ожесточенное сопротивление: вернуть сектор не смогла, но продвижение сербов остановила.

25 ноября части ТГ-4 переправились через Уну, на этот раз юго-западнее Круппы, в районе высоты и села Чойлук. Здесь сербам также удалось закрепиться на маленьком плацдарме.

В начале декабря 5-й корпус АРБиХ окончательно оправился от поражений и бегства — оборона мусульман в южной части анклава стала более консолидированной, и сербские атаки все чаще и чаще разбивались о нее, не принося результатов. Тем не менее, на севере дела для

исламистов обстояли далеко не лучшим образом.

В течение первой недели декабря подразделения СВК/НО атаковали Велику Кладушу с фронта и с северных подступов. 4 декабря командование Народной Обороны АОЗБ объявило, что их части взяли под контроль хребет Дрмелево-Халатуша на границе с Хорватией северо-западнее Кладуши, а также важную высоту Плажикур на северо-восточных окраинах города.

Части 505-й Бужимской бригады АРБиХ вернули холм, но всем было ясно, что дни Великой Кладуши сочтены, и Дудакович готовил свои войска к выводу из города. 14-15 декабря крайники и «автономисты», возглавляемые «красными беретами» РДБ, вновь выбили исламистов с Плажикура и существенно потеснили подразделения 5-го корпуса на южных подступах к городу. Наступление СВК/НО сопровождалось массированным артиллерийским обстрелом мусульманских позиций артиллерией СВК, который корреспонденты Рейтерс описали как «один сплошной рев».

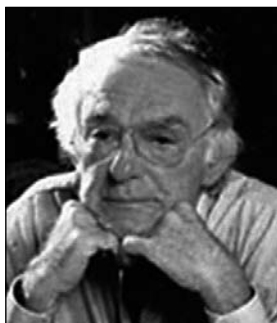
Под угрозой окружения Дудакович приказал своим солдатам покинуть Кладушу и занять новую линию обороны в пяти километрах юго-восточнее города, на шоссе Кладуша — Цазин. 17 декабря войска Народной Обороны АОЗБ вступили в свою столицу.

К 1 декабря сербы немного расширили плацдармы на северном берегу Уны, захватив высоты Кобильняк и Чойлук. Однако наступление здесь окончательно остановилось в первых числах месяца. Не помогли и атаки вертолетов «Газель», обстреливавших позиции мусульман противотанковыми ракетами АТ-3. Провалом закончились и одновременные попытки наступления СВК/ВРС в районах Бугари, Изачича и на Грабеже. В районе Бугари части 502-й и 517-й бригад АРБиХ даже перешли в контратаку и вернули большую часть потерянной в ноябре территории.

Последним успехом сербских войск на юге Бихачского кармана стало освобождение 7-8 декабря оставшегося в руках исламистов села Клокот. Был полностью взят под контроль резервуар пресной воды, из которого снабжался Бихач.

Но самым серьезным ударом по операции «Щит», оставившим сербам лишь половинчатый успех, стало принятие руководством РС плана всестороннего прекращения огня, предложенного бывшим президентом США Картером и вступившим в силу 1 января 1995 года. Радован Караджич и политическое руководство республики подписали соглашение о перемирии при явном недовольствии военных, которые считали, что операцию «Щит» надо продолжать во что бы то ни стало. Полковник Милован Милутинович, начальник информационной службы ВРС, в своем широко известном письме на имя Главнокомандующего указывал, что «остановка операций под Бихачем была грандиозной ошибкой, последствием которой является потеря стратегической инициативы». Это письмо выражало настроение подавляющего большинства сербских солдат, офицеров и патриотов.

А последствия остановки операции «Щит», как мы увидим, рассматривая кампанию 1995 года, стали фатальными как для Сербской Краины, так и для Республики Сербской. Военные понимали, что Бихачский карман является ключевым районом, влияющим на ход всей войны. Да, разбить 5-й корпус АРБиХ было сложно, однако, это было необходимо, так как именно он сыграл решающую роль в быстрой гибели РСК. Другой вопрос: смогли бы сербы успешно завершить операцию «Щит», если бы политическим руководством был дан зеленый свет? Ведь атаки СВК/ВРС в течение декабря уже не приносили результатов, а мусульмане местами сами переходили в контрнаступление теснили сербов... Вполне вероятно, что Младич, Милованович и Главный Штаб ВРС планировали сконцентрировать войска для нанесения удара на Грабеже или под Великой Кладушей, где в начале кампании 1995 года сербами был действительно достигнут прогресс. Как бы там ни было, отмена операции «Щит» обозлила и разочаровала многих сербских патриотов, и добавила еще одну версию о запланированном предательстве в богатую неясностями историю Югославской гражданской войны.

Момо Капор

СМЕРТЬ — ЭТО НЕ БОЛЬНО (военные рассказы)

Материал предоставлен Неманей Мрдженовичем, редактором сайта <http://www.freewebs.com/riznica/index.htm>

Перевод Марии Патрашко

Родился в Сараево в 1937 г. Художник и писатель, автор около 30 романов, повестей, путевых заметок и эссе. Многие из его произведений стали бестселлерами, переведены на многие языки мира. Самые его известные романы «Притворщики» («Филиранти»), «Ада», «Зое», «Уна», «С семи до трёх» («Од седам до три») и др. «Алло, Белград!» («Хало, Београд!») — последний роман из трилогии о белградцах, об их городе и жизни в нем, роман был в отрывках напечатан в газете «Политика». Особое внимание в его творчестве заслуживают произведения о войне. Про Момо Капора можно сказать строчками из Анны Ахматовой, что Капор был «со своим народом там, где он, к несчастью, был». В 1991 г. он вернулся из-за океана в Югославию и тут же отправился в Герцеговину,

отправился писать о войне. Его романы «Последний рейс в Сараево» («Последний лет за Сарајево»), «Хроника потерянного города» («Хроника изгубленого града») и сборник рассказов «Смерть — это не больно» («Смрт не боли») были написаны за время военных действия в Боснии, Герцеговине и Краине, где он был в качестве военного корреспондента. Роман «Хороший день для того, чтобы умереть» («Леп дан за умирање») написан во время 78-ми дней бомбардировок НАТО Югославии в 1999 г.

Момо Капор является автором большого количества документальных фильмов и телевизионных передач, по его сценариям сняты несколько художественных полнометражных фильмов. Его романы «Уна» («Уна») и «Книга жалоб» («Књига жалби») были экранизированы.

Избранное

На географической карте Европы границы Сербской Краины обозначены линией огня. Эта линия привела дипломатов к круглому столу в Женеве. Когда карту снимают, то на стене остаются выгоревшие очертания Краины. Линия огня — это линия жизни и смерти. Находясь на ней, человек получает самый важный урок в своей жизни — как справиться со страхом смерти. Как-то я проходил мимо танка, на котором было написано: СМЕРТЬ НЕ БОЛИТ! Говорят, что за мгновение перед смертью за одну единственную секунду в уме человека проносится вся его жизнь. Это идеальный роман, который каждый держит у себя в уме, но никто не может написать. На линии огня люди молчат, а слова редки и дороги. «Не бойся свиста пули, не услышишь той, которая попадет в тебя...»

Хорошо воспитанная страна

Краина — это хорошо воспитанная страна. Здесь живет самый вежливый народ в Европе. В Кордуне, Бании, Лице или недалеко от Книна с вами каждый традиционно поздоровается, скажет «добрый день» и спросит, как вы поживаете.

В этом ясно чувствуется отличие от Белграда, в котором, едешь в лифте с соседями по лестничной площадке, не здороваясь, стоишь перед неприятным молчанием и взглядами, полными непонятного нетерпения, зависти или равнодушия. Если это цена цивилизации, то я навсегда останусь первобытным человеком.

По пыльной проселочной дороге шагает старик с ружьем на плече. Он несет с

собой аккуратно свернутую брезентовую палатку, сельскую сумку и топорик, чтобы рубить ветви для палатки и дрова для костра. Возвращается на передовую, потому что уже скошил траву со своего бедняцкого поля.

— Помогите вам Господи!! Как дела, люди?

Это «как дела» не только простая вежливость. Его действительно интересует, как живут люди, которых он встречает в своем небольшом мире, ограниченном горами и враждебностью. Он развязывает кисет и предлагает нам угоститься домашним зеленоватым табаком. Я чувствую себя виноватым, имея пачку «Кента» в кармане.

¹ «Помогите вам Господи!» (сербск. — Помаже Бог!) — традиционное сербское приветствие. В наше время чаще всего встречается в сельской местности. Ответом на него служит фраза «И тебе помоги Господи!» (сербск. — Бог ти помагао!). (Прим. пер.)

— А как у вас дела? — спрашиваем его, а он сворачивает сигарету и отвечает: — Потихоньку...

Это «потихоньку» содержит в себе какую-то тихую скромность живого существа, брошенного в вихрь истории, в нем скрывается и боязнь сглаза, зазнайства, хвастовства, которые могли бы привлечь зло. «Потихоньку».

— Как дела? — спрашивает двенадцатилетний босоногий мальчишка в порванных штанах. Он самый старший из девяти детей одинокой вдовы, живущей в деревянной постройке над Двором на реке Уне². Он серьезен и вежлив, потому

² Уна — река в северо-западной части Боснии и Герцеговины, по небольшому отрезку реки проходит западная граница между БиГ и Хорватией. — (Прим. пер.)

что заменяет мертвого отца, торжественно пожимает руку каждого из нас в пустом, с выжженной травой, заброшенном поле.

— Как дела? — спрашивает потрепанный жизнью солдат и протягивает руку полковнику Войничу. Они земляки, родом из одного села. Здесь вообще никто никому не отдает честь. За два года войны я ни разу не видел построения. «В колонну по два, шагом марш!» — здесь никому неизвестная команда. Впрочем, как же построить в одну шеренгу стариков, которые пришли заменить погибших сыновей, и безбородых юношей? Эта армия с самого своего создания истинно народная: немного гайдуков³, немного родственников. Та формальная армейская дисциплина, без которой, как думается, армия не может состоять, здесь не существует. Но как только неожиданно прогремит выстрел, все на месте как один.

И одеты они по-разному: кто-то в военных рубашках старой армии, кто-то в трофейных комбинезонах от Кикаша⁴, кто-то в маскировочной форме. На головах можно увидеть какие угодно головные уборы: от сербских шайкач⁵ и беретов до кепок, ушанок и пилоток... Обувь тоже разнообразна: у кого сапоги, у кого опанки⁶, можно увидеть и американские ботинки со шнуровкой и, конечно же, кроссовки всех видов от простых бедняцких до фирменных спортивных «Рибок» для теннисистов и бегунов. «Когда наталкиваюсь на группу одинаково одетых солдат, тут же открываю огонь», — рассказывает офицер в черной майке. — «Это точно не наши»...

— Как дела? — спрашивает баба Даница Обрадович на самой высокой высоте западного православного мира в селе Дивосело⁷ недалеко от Госпица⁸. Она сидит за замаскированным листьями тяжелым пулеметом «Браунинг» и беспомощно разводит руками, извиняясь, что кроме воды нечем нас угостить. Баба Даница — вышедшая на пенсию повариха семидесяти лет, в пенсне, какое обычно носят бабушки, в форменной военной рубашке, но в тапочках, которые называют домашними туфлями. Именно она

обучила своих односельчан стрельбе из миномета и пулемета. Старушка расположилась на вершине, с которой далеко просматриваются позиции неприятеля и опасно открытые фланги позиций обороняющихся сербов, куда часто проникают диверсионные группы, прячась за густым кустарником. Почти каждую неделю она теряет двоих-троих товарищей по борьбе. Этот красивый зеленый край пахнет смертью. У человека возникает ощущение, что на него со всех сторон смотрят глаза убийц, и что он совсем не может защитить себя. Мужчины из отряда бабы Даницы заросли двухнедельной бородой, они разговаривают, держа палец на курке автомата. Я был много где, видел многое, но, мне кажется, что никогда в своей жизни я не был так близок к смерти как на этой высотной позиции в Дивоселе, а ведь эта местность (какая ирония!) называется Великий край!

— Пришлите хоть какую-то помощь, кого найдете! — постоянно просит нас старушка, которую намного легче представить себе рядом с плитой, чем с «браунингом». — Пришлите добровольцев, армию, хоть кого-то! Мы здесь долго не протянем...

Перебежав простреливаемое пространство, спрашиваю у одного из её людей, что он думает о неприятелях, которые находятся с другой стороны луга и роши:

— Эх... какие они могут быть?... Такие же несчастные, как и мы здесь... Бедняки, брат, но, как и мы, здесь родились и знают каждый камень...

Прошло 20 дней после этой встречи. Дивосело сравнили с землей, всех оборонителей села убили. После продолжительной артиллерийской подготовки, длившейся 16 часов, хорватская армия под предводитель-

ством международных псов войны и наемников вошла в Дивосело и уничтожила все живое. Пришедшие позже военные ООН не могли найти ничего живого — ни кота, ни собаку, ни даже овцу!

Баба Даница была зарезана прямо за своим пулеметом, из которого выпустила все пули. Я могу себе представить, как из кустов на маленькую полную старушку добродушного вида выскакивают легионеры в черном с ножами в руках. Это сцена преследует меня. Может, я сделал не все, что мог? Может, надо было стать посреди белградских площадей и кричать изо всей силы, просить помощи для бабы Даницы и её людей. На белградских рынках я вижу женщин ее возраста, которые жалуются на цены при покупке перца на зиму: у них та же самая походка, так же вены выступают на ногах, такие же веснушки на руках, тонкая оправка очков... У бабы Даницы не было привилегий заготовить что-то на зиму — сидя за пулеметом, иногда за минометом, она защищала урожайное обилие золотой осени на белградских рынках и покупателей, которые думают, что пришел конец света из-за высоких цен на перец.

Хорватия отпраздновала великую победу своих воинов в Дивоселу над бандитами, бунтовщиками и сербскими террористами, участники битвы получили награды. Оркестры исполняли марши. Красавицы телеведущие с улыбкой на губах рассказывали о последнем хорватском подвиге. В село Медак⁹ возвращены обнаженные тела людей: горла перерезаны, головы разбиты пополам... Многие тела сожжены. Хорватской общественности никто не объяснил, что главой «бандитов, бунтовщиков и террористов» была одна добродушная старушка, которая защищала свой дом, кошку и курицу. Одежда оборонявшихся была сожжена, она была настолько бедной, что никто на нее не позарился. Военные ООН не нашли ни единого личного предмета. Плохо смотрели. В тени дерева, под которым когда-то стоял «браунинг», в увядшей траве остались очки бабы Даницы (плюс три с половиной), левое стекло было разбито. В этих разбитых очках, в маленьких кусочках стекла умножается небо, которое видит всё и всё помнит.

За монастырской трапезой

Только в военное время всеобщей бедности и голода один уже давно забытый обычай — благодарственная молитва Богу перед едой — приобретает снова смысл и значимость. В монастыре Святого Михаила в Крке¹⁰ игумен,

⁹ Медак — село в бывшей Сербской Краине, сейчас является территорией Хорватии. — (Прим. пер.)

¹⁰ Монастырь Св. Архангела Михаила в Крке — монастырь в бывшей Сербской Краине, сейчас является территорией Хорватии. Находится между городами Книн и Шибеник. Начало строительства монастыря датировано 1345 г. — (Прим. пер.)

³ Гайдуки — во то время, когда государства Балканского п-ва входили в состав Османской империи, так называли людей, собиравшихся в банды и боровшихся с турецким владычеством. В наше время этим словом зачастую называют бандитов и разбойников, людей, имевших или имеющих проблемы с законом. — (Прим. пер.)

⁴ Антон Кикаш — канадский бизнесмен хорватского происхождения, во время войны в 90-ых гг. в Югославии поставил оружие хорватской армии. — (Прим. пер.)

⁵ Шайкача — традиционный сербский головной убор в виде пилотки. — (Прим. пер.)

⁶ Опанки (ед. ч. опанок) — традиционная крестьянская плетеная обувь из кожи. — (Прим. пер.)

⁷ Дивосело — город в бывшей Сербской Краине, сейчас является территорией Хорватии. — (Прим. пер.)

⁸ Госпиц — город в Хорватии. — (Прим. пер.)

отец Бенедикт, мелодичным баритоном провозносит эту молитву прямо так, как ее читали в 1350 году, когда эти святые стены были воздвигнуты. Обед постный, монастырский: горсть маслин и тарелка чорбы¹¹. Епископ Далматинский, владыка Лонгин, крупный молодой человек с курчавыми черными волосами и бородой, в которой видна седина, благословляет пищу. Среди трапезничающих и Игорь Михайлович Стрельцин с Урала, бывший артиллерист и художник, путешествующий от монастыря к монастырю, молясь за спасение сербского народа. Как и в старые времена, подобно витязям давних времен, монастырь охраняет отряд солдат. Враги заняли высоты всего в двух километрах отсюда, и все же сюда приходят многие паломники, и каждый из них, согласно старинному обычаю, находит здесь кров и еду.

Во время еды разговаривать не принято: молодой послушник читает жития святых и мучеников. Разговор начинается только тогда, как владыка перекрестится и поблагодарит Бога за обед. Его грудь украшает особый золотой крест, знак сана, с крупными, удивительно сияющими опалами лазурного цвета. Этот драгоценный камень добыли из рудника рядом с австралийским городом Аделаида. Владыка несколько лет провел в Австралии, основав в недрах серой австралийской пустыни церковь, подобную раннехристианским катакомбам — так церковь, пусть даже на какой-нибудь метр, ближе к матушке-Сербии. Это богомольное место, вырубленное в утробе пустыни под кенгуру и гиенами, — одно из чудес далекого континента (далекого от чего?). Вырубили ее и украсили сербы — искатели опалов, найдя при этом довольно богатую жилу этого драгоценного камня. Владыка удивляется, что я переворачиваю вверх ногами фотографии из Австралии, которые мне показывает. А я просто всегда верил, что люди с той стороны

¹¹ Чорба — густой суп, национальное блюдо балканских народов, принесено на Балканы турками. — (Прим. пер.)

планеты ходят вверх тормашками. Длинный массивный дубовый стол под сводами монастырского атриума — настоящий обеденный стол, за ним говорят о жизни, религии, истории и искусстве, пришедшие беженцы рассказывают о своей беде как на исповеди. Игорь Михайлович Стрельцин читает пролог монаха Пимена из пушкинского «Бориса Годунова»:

*Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному...*

Здесь каждое слово и опыт любого человека принимают с должным вниманием, как новую драгоценную рукопись в древнюю монастырскую библиотеку. В этом каменном здании составляли планы восстаний против турок, прятали харамбашей¹², плели заговоры, читали старинные книги, скрывали изгнанных, хоронились в дали от дорог и любопытных глаз.

¹² Харамбаша — атаман гайдуков в XIII-XIX вв. на территории современных Сербии, БиГ, Черногории и Македонии. — (Прим. пер.)

Размещенный на самом дне созданной природой зеленой котловины, окруженный, будто змеей, рекой Кркой, монастырь Святого Михаила всегда был прибежищем для изгоев, последним приютом для богобоязненных, несчастных, неспособных вписаться в светскую жизнь людей.

Это святое место представляет собой некую грамоту из камня на право владения землей, это неоспоримое доказательство того, что сербы из Краины достигли высшей степени духовности еще в 14-ом веке. И сербам, несмотря на все обрушивающиеся на них беды и болезни, удалось сохранить слабый огонек свечи перед иконой Пресвятой Богородицы, держащей на руках Христа, который ласковым взглядом прощает нам грехи.

Последние полвека Хорватия, как злая мачеха из сказки, прятала Краину от глаз мира, засыпав ее гарью и пеплом. Мало кто знал, что в ней живёт столько сербов... А они все то время жили будто в резервации. Уже после нескольких километров шоссе, идущие от моря в направлении гор, превращаются в проселочные дороги и козы тропы в лесных зарослях. Сербь будто жили тайно, разговаривая полупрошепотом у костра, пока чаша терпения не переполнилась, и на дорогах не появились поваленные деревья, а жители Краины не вышли из древних лесов как свободные люди. Наконец, очнувшаяся Краина надела кровавое платье своих прадедов.

На литургиях Стрельцин кланяется иконам до земли черной, кладет поклоны, ударяя лбом о стертые каменные плиты, и крестится по старому русскому обычаю широко и патетично.

Эта война против Православия, кроме всех остальных причин, ведется еще для того, чтобы уничтожить доказательства, что здесь когда-то жил и существовал сербский народ. Во время операции хорватских войск «Равни

Котари-Масленица¹³ в 1993 г. были разграблены и разрушены башня Стояна Янковича¹⁴ и его дом, в котором родился автор «Весны Ивана Галеба» Владан Десница, потомок сердаря¹⁵. Подвергся пушечному обстрелу монастырь Крупа¹⁶, в котором уже несколько месяцев не встает с постели больной игумен, отец Павел Козлица, он старается принять под монастырский кров и накормить толпы беженцев из Южной Далмации. Бомбили этот монастырь из гранатометов большого калибра, но Бог направил снаряды в холм рядом с дорогой, идущей сверху от городка Кистаня. Владыка Лонгин, выгнанный из своей резиденции в Шибенике¹⁷, выбрал Крку в качестве пристанища на время войны.

Люди, которые сюда приходят, не имеют с собой ничего кроме потертых подошв своей изношенной и пыльной обуви и немногих личных вещей в сумке. И у монахов ничего нет, но они немногим монастырским добром — терпким вином, черным хлебом, старыми книгами и холодной ключевой водой — делятся с каждым, кто им окажет честь своим приходом. За столом, плита которого стерта локтями и ладонями многих гостей, собирались, таким образом, представители старейших человеческих занятий: священник, воин, земледелец и представитель искусства, в данном случае, художник.

Это скромный Божий народ задается вопросом, нападет ли Америка на сербов, как пригрозил президент Соединенных

Штатов? В этом вопросе есть некоторое затаенное упрямство и скрытая надежда упертого человека. С таким великим и мощным противником мы еще никогда не мерялись силами!

Кто знает, почему я вспомнил своего старого друга Джона Джонсона, которого все зовут Жи-Джей!? Он известный нью-йоркский репортер телеканала Эй-Би-Си, черная звезда Гарлема. Подумалось, комментирует ли он по-прежнему в семичасовом выпуске, высказывается ли «за» бомбардировку сербских позиций? Знает ли, что я здесь, среди монахов и военных? Разве не было бы лучше, если бы и он сюда пришел помолиться Господу, чтобы Бог выдернул его из бессмысленного

страшна как водяной поток и разрушает все, что стоит у нее на пути. Поэтому в народе верят, что тот, у кого разрушен дом, никогда не вернется на это место. Инстинкт разрушения сильнее осознания пользы. Стрельцин не понимает этого. Если враги заняли сербские дома, почему беженцы страдают во дворцах спорта и других убежищах? Разве не было бы лучше, если бы они вселились в оставленные неприятелем дома и работали бы на земле?

Крестьянин с такими большими руками, что возникает впечатление, будто он не знает, куда их деть, говорит русскому, что сербов с малых лет учат, что плохо заселяться в чужие дома. Это не приносит добра. Если за это не заплатит тот, кто вошел в чужой дом, то за это обязательно придется заплатить его детям и внукам!

Этот крестьянин проделал длинный путь пешком к монастырю, чтоб поставить свечу за своего сына. До обмена сын провел три месяца в хорватском лагере для пленных. Говорит, что лучше бы живым и не выходил. С тех пор, как вернулся, нет жизни в его глазах. Душу его убили. Не ест, не пьет, только курит и смотрит вперед куда-то, а иногда его всего начинае

круговорота, в котором сначала зарабатываешь, а потом тратишь? Поставлю свечу на вечерней литургии за старого Жи-Джея.

Игорь Михайлович Стрельцин спрашивает, почему хорваты хотят нас истребить. Монах считает, что это оттого, что их мучает совесть! Уже два раза в своей истории согрешили они против христианства, совершили страшнейшие преступления над нами, а мы им простили. Тогда нужно уничтожить немых свидетелей. Свидетели — не только живые люди, но и кладбища, церкви, монастыри... И разрушают их и землей забрасывают только по этой одной причине.

В течение своего путешествия через две сербские республики во время войны, рассказывает художник, он часами проходил мимо брошенных и разрушенных домов. Интересно, что остались целыми только дымоходы, словно памятники исчезнувшей теплоте домашних очагов. Дома разрушены с одной и другой стороны. Из-за чего? Майор ему объясняет, что ненависть обладает большой силой, она

трясти, рассказывает отец. Мать и сестра не отходят от него, не отпускают от себя ни на секунду. Уже четыре раза он пытался покончить с собой. Кажется, потерял дар речи.

Крестьянин слышал от некоторых людей, которые были с его сыном, что с ними там делали, но они много не рассказывают. Заставляли их раздеваться и пастись в траве, мычать, как коровы, или лаять, как собаки. Заставляли их заниматься грешным делом друг с другом... Это нелюди! Кто-то ему посоветовал прийти в этот монастырь, сказав, что только Богородица из Крки может помочь, вот поэтому и пришел сюда: поставить свечу и помолиться. Кто знает, вернувшись в родное село, застанет ли в живых единственного сына!

Монах спрашивает офицера, в каких войсках он служил. Офицер рассказывает, что состоял в альпийских частях и долго отступал с бывшей армией с севера, пока не захотел больше бежать и погибать, а остался здесь, в Краине, где родился, где находятся камни его

¹³ Село Равни Котори находится в Южной Далмации (территория Хорватии), военная операция хорватской армии в этом районе была проведена в конце февраля 1993 г., на Масленицу. — (Прим. пер.)

¹⁴ Стоян Янкович — является прославленным сербским героем XVII в. Он прославился своей борьбой против османского владычества на Балканах, 14 месяцев находился в турецком плену в Стамбуле, но бежал. Вернувшись в родные края, продолжил борьбу. Построенная им башня рядом с его домом находилась в его родном селе Ислам (находится в Хорватии), в этом же фамильном доме Янкович-Десница доме в 1905 г. был рожден его потомок — писатель Владан Десница. — (Прим. пер.)

¹⁵ Сердарь — турецкий военный комендант в сербских городах во время владычества Османской империи над этими территориями. — (Прим. пер.)

¹⁶ Монастырь Крупа находится у подножия горного массива Велебит в Хорватии (Даматинская епархия). Основан в 1317 г. — (Прим. пер.)

¹⁷ Шибеник — город в Южной Далмации (Хорватия). — (Прим. пер.)

сгоревшего еще в той войне дома. Его дочери, наполовину словенки, и жена, словенка, не захотели пойти вместе с ним. Он показывает их фотографии, которые носит в бумажнике. Они ему кокетливо улыбаются с карточек.

Стрельцин его спрашивает, поделился ли он своим альпийским опытом с солдатами, которые сейчас воюют на Велебите? Каким опытом? Например, как по веревке лезть на скалу. Что? «Не напоминай мне про канаты», — отвечает офицер. — «О веревках ни слова! Пока вокруг горла моего народа накинута петля».

Дотрагиваюсь пальцами до глубокого римского барельефа, вырезанного в монастырской стене, по нему поднимается виноградная лоза из стройного глиняного горшка. Стараюсь понять, что лежит в основе нас, откуда мы приходим, и вообще — насколько древний мы народ... Неизвестного каменотеса из римского города Бурнума в III веке от полумрака этого вечера отделяет всего один миг. Игорь Михайлович Стрельцин, будто прочитав мои мысли, едва слышно проговаривает пушкинские строки:

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

Из ближайшего болота, которое в языческие времена, как говорят, было полно злых духов, в монастырский двор каким-то образом проникла маленькая зеленая лягушка. Монахи нарекли ее Каталиной! Ночью духота невыносимая, воздух полон задержавшимся ароматом ладана и запахом скошенного сена. Монахи ищут в атриуме Каталину, чтобы отнести ее под воду источника, струя которого бьет из стены, покрытой мхом и лишайником. И лягушка тоже — Божие творение. Зачем ей мучиться? Наконец, один из послушников ее находит. Он показывает мне, держа на ладони, это маленькое существо, созданное из воздуха и трепещущей перепонки. Подношу ее к губам и целую на всякий случай. Это — ночь чудес. Кто знает, может, лягушка превратится в принцессу?!

Полковник

Когда начались бои в его родном краю, высоко в горах, шестидесятилетний полковник в отставке, страстный любитель охоты, сказал жене, чтобы она собрала ему рюкзак.

— На охоту собираешься? — спросила она.

— Нет. На войну, — ответил он и смазал затвор охотничьего карабина.

— Когда вернешься?

— Когда закончится.

Так он покинул свою многоэтажку в Новом Белграде, парковку и скамейки рядом с газонем с увядшей и истоптанной травой, где его сверстники, такие же, как он, офицеры в отставке, день и ночь играли в шахматы старыми погрызенными фигурами. Одним словом, он выбрался из своей скучной жизни, словно сбросил с себя старый изношенный военный плащ, и после стольких лет снова вдохнул полной грудью резкий воздух Герцеговины. Пришел в недавно основанный военный корпус и начал обучать военному делу разношерстную сельскую армию.

По началу его, как и остальных старых офицеров, презрительно называли «коммунякой», но после нескольких успешных атак под его командованием, в которых он не жалел головы и был бесстрашен, полковника зауважали. В середине войны, в то время, когда он обучал людей, как рыть окопы, ему пришло срочное сообщение от родных, живших в небольшом герцеговинском городке, что с престарелым отцом совсем плохо. «Приезжай, как можно скорее!» — просили его сестры. Он быстро собрал вещи и на два дня покинул фронт.

Его сестры, две пожилые женщины, уже бабушки (да и он уже давно был дедом), жили со своими семьями, а отец, восьмидесятилетний старик, остался один в фамильном доме. Каждый день они приносили ему обед и ужин, обстирывали, обглаживали и, конечно же, все еще боялись, потому что у дедов в этом краю нрав крутой, и дед еще мог их палкой огреть, если ему что-то не нравится.

Полковник думал, что деду еще рано помирать, и покупал подарки: необжаренный кофе, сахар-рафинад, сигареты и ракию. Как оказалось, все было гораздо хуже смерти. Плача, сестры ему рассказали о сраме, о котором судачили все в городе. Дед, уже как четверть века вдовец, был замечен ночью, когда влезал в окно одной почтенной вдовы пятидесяти пяти лет. Сестры, бедняжки, от стыда не могли из дома выйти! И они не придумали ничего другого, как вызвать полковника, который должен с ним поговорить как мужчина с женщиной.

Ты только представь! А ему ведь восемьдесят шестой год! Что же произошло? Однажды ночью, когда дед влезал в дом вдовы, он разулся и оставил туфли, как обычно, перед порогом, а смысленные хулиганы, связали обе туфли за шнурки и каким-то образом повесили их на линии электропередач! Все в городе знают дедовы «лыжи», он один здесь носит пятьдесят седьмой размер.

Пошел полковник к старому отцу, передал подарки. Выпили они ракию, поговорили, выкурили по сигарете. По его возвращении сестры его спросили, что он посоветовал деду.

— Чтобы в следующий раз не разувался! — ответил полковник и вернулся на фронт.

Невесинцы

Воюют друг с другом две силы:

Весь мир и край Невесиня¹⁸...

В Новом Саде собрались герцеговинцы, живущие в Воеводине¹⁹, чтобы собрать помощь, кто сколько может, для вдов и сирот Невесиня.

Смотрю на них — высокие, плотные, большенные, взглядываю в их лица с широкими скулами и твердыми челюстями... Ведь когда-то они были босоногими детьми вернувшихся из Америки герцеговинцев-фермеров, чемпионами в игре в «чижика», маленькими свинопасами, жили в землянках из глины, смешанной с остатками соломы, а сегодня это уважаемые люди, добропорядочные хозяева, профессора, директора, владельцы больших фирм. Выучили их бедные родители с мозолистыми от труда руками, прошедшие огонь, воду и медные трубы, насильно затащенные в задруги, где надрывались от работы за трудодни, пассажиры поездов колонистов, которые целыми днями томились в тупиках и жгли костры в форме буквы «Г» в вагонах для перевозки скота, жители голых островов, выносливые, живучие...

¹⁸ Невесине — город и община в Респубике Сербской (Боснии и Герцеговина), а именно в Герцеговине.

¹⁹ Воеводина — автономная область в Сербии. — (Прим. пер.)

Если бы они могли видеть сейчас своих потомков, одетых в белые рубашки, темные костюмы с пестрыми галстуками, думаю, что из страха обращались бы к ним «на вы». А их потомки приехали в Нови Сад, чтобы отдать долг своим старым, уса-тым прадедам и бабам, вечно одетым в черное, подписать чеки и дать сколько нужно денег тем местечкам, в которых и не бывали. Они не спрашивают, что нужно и сколько. Одним росчерком пера отправляют грузовики с мукой, растительным мас-лом и обувью для своих далеких босоногих родственников.

Приехали и невесинцы (у них в ушах до сих пор звучит выстрел первого невесинского ружья²⁰), многие из них в военной форме: солдаты, капитаны, полковники. За ужином сидят прямо и едят совсем понемногу, только отщипнут от блюда и отодвигают тарелку. Не могут есть, когда голод в Невесине. «Но вы же ничего не попробовали», — продолжают угощать их хозяева и пододвигают блюда с мясом, а они полушепотом отвечают, что не голодны. А в голове мысли о женских черных платках и надвигающейся зиме...

Играет оркестр, меняются певцы, гуслиры и танцоры, а я все жду, превзойдут ли самих себя невесинцы в песне? Что они еще нового придумали? И вот, выходит певец и, ни более, ни менее, а прозлит самой Америке! Маленький народ, а дерзкий до невозможности!..

Давайте танцевать коло²¹ сербское, лучшее на свете!

²⁰ Невесинское ружье (сербск. — невесинска пушка) — восстание, поднятое сербами в общине Невесине в 1875 г. против Османского владычества. Восстание быстро распространилось по всей Боснии и Герцеговине, что привело к войне между княжествами Сербией и Черногорией с одной стороны и Османской империей с другой стороны. — (Прим. пер.)

²¹ Коло — народный сербский танец. — (Прим. пер.)

Америка, Америка, не трогай Сербию, вот совет тебе!

Грозно крикнем мы Америке, Ватикану и земле турецкой,

Не смейте трогать Краину и Республику Сербскую!

Когда обнимутся и запоют, в тот же момент спадают с них элегантные пиджаки, развязываются галстуки, а на шее становятся видны вены, и посреди равнины встают из осеннего густого тумана скалистые горы. Откуда у них такой голос, они и сами не знают!

Скрипят и стонут фургоны, полные герцеговинской бедноты с котомками и светловолосой детворой, спящей в соломе. Моя покойная тетка Косара, постоянно курившая сигарету (я помню ее только один раз без сигареты: когда она в гробу лежала), рассказывала мне:

— Нам сказали, что каждый может взять с собой только одну козу, но у тех, кто взял две, вторую не отбирали! А когда из Атовца мы пришли на место сбора, сказали, что мы пойдем к Саве, а там два моста — босанский и славонский, а нам хочется через славонский перейти, потому что он больше и через него быстрее!

— В первый голодный год грелись мы теми дьявольскими пианинами! — говорит мне другая старушка.

— А гачане стреляли в лампочку, а она все горела и горела!

— Вы люди или гачане? — спорили в шутку невесинцы со своими соседями, вспоминая старые рассказы о том, как один человек с ними поздоровался «Помоги вам Господи, люди!», а они ему ответили: «Мы не люди, мы гачане!»

И вот они здесь, в Новом Саде, все господа герцеговинские, все образованные, и никто из них не переучился, не отрекся от своих, развязывают кошельки и дают деньги невесинским сиротам: воз-

вращают долг уса-тым прадедам, потому что опять стреляет невесинское ружье! Гремит, как когда-то давно, оборванный подол рафинированной Европы...

Читают первые буквы невесинские дети, не знающие, что такое шоколад, не бывшие никогда в зоопарке.

Когда летом братья-черногорцы пригласили маленьких герцеговинцев бесплатно отдохнуть у них в Боке Которской²² и впервые увидеть море, невесинцы детей не отпустили.

Гордые (Бог их сделал такими), они не хотели сказать, что нет у них денег, чтобы дать детям на мелкие расходы, как полагается. Братья могут их пригласить переночевать, накормить, но по негласным правилам ребенок хоть раз должен сам купить себе мороженое. Есть в этом какая-то удивительная гордость, есть и мудрость. Лучше пусть моря не увидят, чем через всю жизнь пронесут на сердце шрам бедности! Пусть проведут лето в родных горах, пусть игрушки у них будут те же самые, есть у них время, увидят еще море! Никуда оно от них не убежит. А когда вырастут, в ответ смогут, как и эти сегодня, пригрозить целому континенту, перед которым дрожит планета, и храбро спеть ему в лицо:

— Америка, Америка, не трогай Сербию!

Если бы я был на месте Америки, то точно бы не трогал.

Черешня

По дороге к Бенковцу в пыльной колонне танков и бронетранспортеров едет маленький автомобиль. За рулем машины сидит дедушка с тонко закрученными усами и в шляпе на самом затылке. Из открытого багажника торчит саженец плодового дерева, закутанный в мешок, чтобы не замерз по дороге. Это молодое черешневое деревце. Человек везет его через войну, чтобы посадить в своем саду. Все на него смотрят с удивлением, а я в этой черешне вижу скорое окончание войны. Нужно полных пять лет, чтобы молодое черешневое дерево принесло первые плоды. Нужно его поливать, опрыскивать, окапывать... Если будет счастье, то переживет бомбы, пожары, гусеницы танков, передел карты Балкан и создание новых государств. У этого человека, который везет черешню, есть сумасшедшая надежда, и я ей кланяюсь до самой земли.

Если что-то нас может избавить от беды, в которую мы попали, то вытащит нас именно эта молодая черешня, косточками которой через пять лет мы будем плевать на смерть.

²² Бока Которская — залив в Адриатическом море, известный морской курорт в Черногории. — (Прим. пер.)

ТРИ СУДЬБЫ

Из сборника интервью «Ljudi u ratu», издание Dokumentacioni centar ratovi 1991-1999, Белград

Перевод Марии Патрашко

Серб

«Нет здесь тех камней, тех гор, леса нет того, тяжело забыть свой камень. И нет здесь того северо-восточного ветра, который вдохнешь, и он излечивает тебя»

— Расскажите, пожалуйста, о своей жизни. Где вы родились, где жили до войны, кем работали.

Я родился в 1956 г. в Книне, но всю свою жизнь прожил в Цивлянах, это село находится в 27 км от Книна. У меня жена-хорватка, дочь и сын. Я работал на заводе по производству винтов и пропеллеров, потом перешел работать в фирму, занимавшуюся гипсовым декодированием, а конкретно установкой гипсо-картонных плит на местности по всей Югославии. У нас работали только сербы, лишь один раз был хорват и то недолго. Жили хорошо, мне и не снилось, что дело до войны дойти может.

— Расскажите о взаимоотношениях сербов с хорватами до 90-х гг.

В нашем селе хорватов было достаточно много. Кто хорошо находил общий язык, кто плохо. Лично у меня с ними все было хорошо при общении. Много раз играл с ними в карты, никаких провокаций с их стороны не было, никто не обзывал четником при проигрыше, и их никто устахами не называл. Я даже с ними играл чаще, чем с сербами. В кафану вместе ходили, и никто никогда не оскорблял ни меня, ни моих родных.

— Когда вы пошли на войну, где и как воевали? Расскажите о войне, пожалуйста.

На войну ушел 30 июня 1990 года и воевал до 4 августа 1995 года. Не могу вспомнить все места, где побывал, да и как это возможно! Кажется, нет места, где бы я не был. От перучского озера до шибеникского моста... Сначала были в Цивлянах, потом на Полачи, в Плискове, с Плискова в Планичник, там находились два-три месяца, может, четыре, не знаю даже, откуда потом к шибеникскому мосту направились. Домой сначала разрешали отлучаться, а потом запретили. Все зависело от смены, 10-15 дней на смене, потом домой на несколько дней разрешалось. А потом, когда запретили, меня дома полтора месяца не было. Отец пошел в казармы узнать, что со мной, но там ему ничего не сказали, или сами не знали, или не хотели. Когда я пришел, мои, как сказали, уже стали забы-

вать обо мне. Вообще, в армии еды было вдоволь, качества никакого, но зато много, воду в цистернах привозили. Жаловаться не на что. Сигарет не было, зато вина было много. Слюдьми проблем никогда не было, все делали вместе, никто никого не обижал. Некоторые, бывало, и боялись, но мы старались поддержать такого человека, одного никогда не оставляли, тем более, если шел на ночную стражу. Тогда еще была югославская армия. В ней и хорваты были. У одного отец был в хорватской армии, и он тоже потом ушел к ним. Мы говорили командиру, что убить его надо, но не осмелились. Были и такие хорваты, которые потом на сербской стороне воевали, с нами же и ушли оттуда. Тяжелее всего мне было на шибеникском мосту. Мы стреляли по ним, они по нам, потом нам поступил приказ отступать. Они по нам стреляют, а мы в ответ не можем. Отступать! Мы входим в Шибеник, «отступать» — опять команда. Не знаю даже, откуда этот приказ поступил... Отсюда, конечно же, от верховного командования. А приказы нужно выполнять. А потом, когда пришли голубые каски, они были в пятистах метрах от нас, хорваты стреляли по нам, а мы не имеем права отвечать, причем стреляли именно по нашим позициям, знали, где мы, касок не трогали. Было видно, что миротворцы на их стороне. Приходили к нам и через переводчика запрещали стрелять, а те нас обстреливали. А они говорят, что мы у них не были, на то есть другие каски, это они не пошли к ним и не сказали, что стрелять нельзя. Вел себя так, будто ненавидят нас за что-то, им было все равно, что по нам стреляют. Пленные хорваты сидели в тюрьме, я видел только, когда их в казарму на обед или ужин приводили. Знаю, что наши им приказывали петь сербские песни, они пели. За короля и отчизну. Конечно, вспоминаются и хорошие моменты, когда не стреляли, мы играли в карты, пекли на костре барашка, играли в футбол. Семья моя во время войны только и жила тем, что землю обрабатывала и урожай собирала. Правда, были еще короля и осел, их берегли. А в августе 1995 г., когда хорваты наступление начали, нам приказали отступать. Мы отступали, для грузовиков не хватало топлива, некоторые приходилось бросать, пересаживаться в автобус и ехать так. И вообще на военных грузовиках нельзя было границу пересекать, мы их бросали на границе. Приехали в Бая Луку, здесь хлеба

много было, потом поехал в Батайницу, своих искал, и они меня. Там и нашлись.

— И что вы сделали, когда нашли друга? Как жить стали?

Три месяца жили в Батайнице у родственников, а потом переехали сюда, в бараки. Мы здесь живем с ноября 1995 г. Здесь нам помогают продуктами. Ежемесячно выдают муку, фасоль, растительное масло, сахар. С самого начала давали и «зеленую помощь»: яйца, капусту, лук, картошку, но это было раньше. Потом, наверное, не стало этих помощников. А так никаких льгот я не имел, даже транспортных. Сюда, в Бановцы, мы приехали, потому что отец здесь работал и увидел, как в бараки вселяются. Здесь красиво, хорошо, чисто, но тяжело жить, все равно. Нет здесь тех камней, тех гор, леса нет того, тяжело забыть свой камень. И нет здесь того северо-восточного ветра, который вдохнешь, и он излечивает тебя. Здесь воздух влажный какой-то, а тот ветер как лекарство. Люди, которые возвращались в родные места в Хорватию, рассказывали, что там ничего не болит, никаких лекарств не нужно, а как только сюда приезжали, опять плохо становилось. Я не скучаю особо. Несколько раз

мне снился мой дом, но именно горящий дом или уже сгоревший. Повидал таких чужих домов, поэтому кажется, что с нашим так случилось.

— Когда вы приехали в Сербию, то зарегистрировались как беженцы?

— Да, зарегистрировались всей семьей, только не как беженцы, а как изгнанники. Мы не беженцы, мы не бежали, нас выгнали. Я работал на строительстве, у частника. Мы живем все вместе: жена, сын с невесткой, дочка замуж вышла, и мой отец. Никто и не знал, что у нас брак смешанный, потому и не придирались. Я никогда не думал расстаться с женой. Сейчас я бы ни за что не стал жить с хорватами, никогда и ни за что. Много всего они нам сделали, да и мы им, вместе никак не смогли бы ужиться. Тяжело забывается такое, тяжело. Мы, сербы, может, и простили бы их, но они нас никогда. Я после войны в Хорватии и не был. И не думаю о возвращении туда. А то добро, что там осталось, оно навсегда наше, никто его у нас отнять не может.

— Если бы, после всего, что вы пережили, не дай Бог, снова такая беда случилась, как бы вы отреагировали?

— Никак. Утопился бы в Дунае. Честно. Без шуток. Когда мы пришли сюда жить, нас тут так приняли... да никак нас местные приняли! И только когда НАТО начало бомбардировки, они поняли, какво нам было. А до этого говорили «вы беженцы», вы такие, вы сякие, а когда все это началось, то они по-другому и думать стали, и разговаривать. А если война... Если бы знал, не пошел бы, если бы не должен был, но и в 1991 г. я не добровольно пошел, а потому что нужно было. А так, если бы что, то не хочу туда возвращаться, никогда не вернулся бы, прятался бы. Тогда был еще молодым, силы имел, десять лет назад тридцать пять мне было, а сейчас сорок шесть. По своей воле никогда бы не пошел, но, знаешь, если бы нужно было, пошел бы. Думаю, может, всякое случится, но лучше, чем сейчас... не знаю даже, тяжело очень. Верится с трудом, что настанут лучшие и светлые времена.

Хорват

Спличанин, д.р. 1956 г.

«Взяли оружие в руки и защищали Хорватию»

— Я родился 29 декабря 1956 г. в Сплите. Мой отец — высококвалифицированный инженер кораблестроения. Мама — домохозяйка. Семья католическая. Высшее образование я получил в Загребе, также инженер кораблестроитель. С 17 лет жил здесь сам, потому что

родители с сестрой были в Англии, там работали. Я женат, у меня двое детей.

До войны я работал на руководящей должности по специальности в одной фирме, потом ушел в 89-ом и создал свою фирму. А потом начали происходить перемены. На востоке распался Советский Союз, да и вообще весь восточный блок распался. У нас в Югославии тоже настали перемены, рушился коммунистический строй. Между тем, в Югославии из-за большого количества различных народов и народностей и из-за того, что республики находились на разных уровнях экономического развития, процесс распада не мог произойти сам по себе, а только через силу. В моей семье мы были всегда национально определены, так сказать. Мы всегда чувствовали, что мы хорваты. И всегда было в нас это желание

нетерпимости не было. Не чувствовалось ее, годами жили нормально друг с другом. Между тем, события, происходившие тогда в Краине, привели к отделению сербов от нас, для них встал вопрос: мы за крайшников или признаем хорватскую власть, выбранную демократическими путем? Тогда все стало зависеть от их отношения и поведения. Одна часть сербов моментально признала хорватскую власть. Они были нам друзьями всю жизни и остались друзьями. Даже могу сказать, что они потом пошли добровольцами в нашу армию. Лично у меня в отделении было 2 серба, а всего нас было 11 человек. А те сербы, которые думали, что ЮНА победит и опять будет прежняя Югославия, а все происходящее временно, те, которые встали на сторону Бабица, Милошевича и книнских сербов, они-то и отдалились. Тогда начали

свободы, независимости, чтобы и мы, наконец, имели свое государство, как и 11 столетий назад. Свое государство. Я так еще и раньше думал, еще при событиях 1971 года. Я всегда считал, что Хорватия в Югославии не имеет одинаковых прав с Сербией, это чувствовалось. Особенно здесь, в Далмации, здесь происходила сербенизация хорватского населения. Меньше было в Загребе и других частях Хорватии, но здесь было опаснее всего, потому что Далмация — курортная зона, привлекательная, поэтому они всегда ее и атаквали. Далмация всегда имела автономно, при итальянцах, например, так что у них были условия для влияния на нее. Но, несмотря на это, у нас было желание освободиться, и национальная совесть развивалась. Смогли дойти до того, чего желали. В те годы, в самом начале, на выборах большинство хорватов сделали свой выбор в пользу независимой Хорватии, что означало и в пользу падения той системы, того коммунизма. Вообще-то, в самом Сплите той

появляться баррикады. Они-то и привели к началу вооруженных инцидентов в Краине.

Мы были безоружными. У нас здесь в Далмации никто и ружья в руках держать не умел. Мы стали размышлять о том, что будет завтра, потому что на территориях в основном населенных сербами уже начали происходить вооруженные конфликты. Это в Славонии и Краине. Было видно, что не получится нам легко добиться независимости, получить свое государство, было ясно, что мы должны защитить его. И тогда начали что-то делать на предприятиях, в районах, не от государства, а так, самостоятельно народ собирать. Тогда начали формировать какие-то невооруженные группы, готовые идти защищать Хорватию в тот момент, когда появится оружие. Я один из тех, кто добровольно пришел в подобные отряды. У нас не было оружия. Мы тогда охраняли какие-то объекты в районах без оружия, если и был у кого пистолет, то это редкость. Но уже тогда в Сплите чувствовалась атмосфера

оружия. Это из-за оружия территориальной обороны, которое было на наших предприятиях, легально все. Но все оружие было отнято ЮНА, таким образом, у нас вообще не осталось никакой возможности для самообороны. Тогда мы начали собирать охотничьи ружья, карабины, обрезы или пистолеты, любые ружья. А потом оружие стали нам привозить из-за границы, несмотря на эмбарго, контрабандные автоматы. У них же было все оружие, базы. И те офицеры, кто уже в отставке был и жил здесь, у моря, все они были вооружены. Мы начали создавать кризисные штабы и через них стали оружие получать с помощью предприятий и благотворителей, но этого было мало. Смешно вспоминать. У ЮНА было все оружие, и она потом встала на сторону этих из Краины, у нас ничего не было. Тогда мы стали осаждать их казармы и требовать, чтобы нам их солдаты оружие отдали. Некоторые казармы отдавали добровольно, другие долго оборонялись. Некоторые даже обстреливали из казармы город, снайперы у них были. А мы не могли на них напасть, нечем было, только осаждать. У них была связь с авиацией, и когда мы их подходили, они вызывали самолеты, и нас бомбили с воздуха. Тогда появились и первые жертвы. В нашем районе города добровольцы пришли 200 молодых людей, и только у 10 из них было оружие. Так было и в других районах. Тогда те, у которых было оружие, а у меня было, я у друга карабин взял, стали собираться в группы и уходили из Сплита в направлении Дубровника. В то время в окрестностях Дубровника тяжелые бои шли, Задар окружен, связи не было. Поэтому мы решили выйти из города, чтобы подготовиться к его обороне. Дело шло к тому, что скоро и до нас дойдут, а если подойдут на два километра до города, то все тогда. Нужно было защитить жен, детей, семьи. Тогда это было для нас главным — чтобы жертв не было. Мы видели, что творилось в Вуковаре и Дубровнике, как они немилосердно бомбили города, им не было дела до гражданских или негражданских, думали только об уничтожении. Вот так мы собирались в группы и уходили, все из

хороших семей, проблем никогда не было, а вот так сложилось, что все оставили и ушли, убивать ушли. Я это помню хорошо, перед тем, как уйти, я пошел в церковь и долго молил Бога, чтоб не дал мне убить кого-нибудь, чтобы не забрать чью-то жизнь, о том молился. И чтобы живым остаться. У всех нас были сердце и храбрость. Вот дружба тогда была, не могу забыть те дни! Один за всех и все за одного, все как один, братья. Уходили из города группами на юг, где было тяжелее всего. Ничего не умели, без оружия. Учились воевать в процессе. Нас потом консультировали американцы, там их генералы, полковники в отставке имели фирмы по консультации, вот нас и обучали, помогали развиваться. Со временем оружие было у всех, и постепенно наши ряды пополнялись мобилизованными. Уже 1992 г. мы были в состоянии проводить наступательные операции. И вот тогда и пошли эти перемирия! Когда мы поняли, когда почувствовали, что можем вернуть эти территории, что можем врезать им, — перемирие. Но сейчас я понимаю, что они не были бессмысленны, сейчас мне ясно, что велась хорошая и мудрая политика, потому что перемирия помогли

я был около Грахова. Мы прикрывали со спины, чтоб они не смогли напасть на Книн и в сторону Ливно. Именно здесь мы потеряли много людей. Было тяжело, но, в конце концов, мы получили то, чего ждали: свободу для всей Хорватии. А после «Олуи» опять была нормальная жизнь. Мы вернулись к той, довоенной, жизни. Сейчас встречаемся, у нас есть свои общества ветеранов, клубы. Если бы сейчас что-нибудь подобное началось, то все бы опять восстало. Когда защищаешь свою землю, то все по-другому. Мы были под венецианцами, итальянцами, венграми, австрийцами, всегда под кем-то... Нас топтали, топтали, топтали, а мы все ждали, когда же мы, наконец, как и все люди, будем иметь свое государство, будем своими на своей земле. И когда появилась возможность, естественно, мы очень жестко оборонялись, чем, может, кто-то другой оборонялся. Потому что мы знаем, каково это — быть без собственного государства, может, другие этого не знают. Если бы оказались на нашем месте, вели бы себя так же.

— Как считаете, несмотря на столь благородную цель, военные годы оставили след в вашей душе, на вашем сердце?

Тогда мы начали собирать охотничьи ружья, карабины, обрезы или пистолеты, любые ружья. А потом оружие стали нам привозить из-за границы, несмотря на эмбарго, контрабандные автоматы.

избежать больших жертв. Возможно, без них мы бы раньше вернули наши территории, но потом даже «Олуя» (Буря) прошла с минимумом жертв. А тогда нам было тяжело понять перемирия. Мы во время войны не думали об этнически чистой территории, единственное, чего мы желали, — это свое независимое государство. А будет тех сербов 7 процентов, 11 или 20...это политика, мы на фронте об этом не думали. Воюя, мы не ставили перед собой цель выпнать сербов из Краины, мы думали о том, что должны защитить свои семьи. Перед «Олуей» я был в отпуске, и мне позвонили и сказали, что

нужно вернуться, потому что готовят большую операцию. Я за 12 часов добрался до места сбора, в Босанско Грахово. Это над Книном. Все происходило в тайне, многих просто не позвали, а были и добровольцы. Но вообще людей много было, и все были счастливы, обнимались, что, наконец, сможем освободить свои территории. И началось! Лично

— Психологические последствия, конечно. Уже во время войны мне сны нехорошие снились, но потом, после войны, все меньше и меньше, но еще снятся. Обычно снится, что я окружен, что меня убьют, и нужно бежать, бегу и никак не могу спастись. Вот так. И вообще какая-то нервозность появилась. Раньше я был спокойнее и легче переносил несправедливость. После войны импульсивно реагирую. До сих пор это есть во мне. Например, приходишь на почту, ждешь у окошка, ждешь, а она, служащая, мандарин ест. Так и хочется разбить это окно на мелкие кусочки! Вот такая агрессия. А до войны никогда бы так не сделал, привык уже к такому поведению, а теперь не могу терпеть. Эта агрессивность, напряжение, которое тогда было на позициях, и сейчас чувствуется в мирной жизни. Думаю, так у всех, кто войну прошел. Вполне нормальное последствие.

Мусульманин
Житель Сараева, г.р. 1951.

«До войны у меня было много друзей сербов, и все они меня бросили»

— Я до войны жил в Сараево и сейчас живу в нем, я женат, работаю врачом, специализируюсь на лечении болезней легких. То, что война началась, я понял

поздно. Вообще-то, когда я вспоминаю те события, думаю, что тогда были люди, прошедшие войну раньше, они могли разобраться в этих событиях и понять, что все приведет к войне. Мое поколение, плюс-минус, и не думали, что может нечто подобное произойти, и не верили в то, что произошло. Не верили, и когда война началась, не было опыта военного, неясно было, как можно быть такими агрессивно настроенными, кровожадными, негуманными. Случись сейчас такое, я бы сразу понял, что дело к войне идет. Хотя тогда вполне можно было понять по разговорам. Например, я помню Грбавицу, где жил тогда и сейчас живу. Март-апрель 92-ого, думаю, все в марте началось, какая-то чувствовалась напряженность, неуверенность, случались какие-то необычные события, что-то ненормальное. Например, слышались взрывы, выстрелы, на Грбавице после 10 часов на улице человека нельзя было встретить. Уже в марте проходили демонстрации, на улицах встречались люди в чулочных масках на лицах. Считаю, что это сербы их носили. Они хотели создать свое государство и уже тогда, например, в Пале они могли начать войну. У меня в Пале дача была, и я знал поэтому, что в Пале оружие сербам раздавали еще в 91-ом. Оружие раздавала своим сербам партия СДС. А однажды, не помню, в каком месяце, сербы в какой-то день должны были в одно и то же время включить свет в домах, чтобы было видно, кому оружие нужно принести. А потом они находили оружие на порогах своих домов. Когда я в 92-ом году на православное Рождество приехал в Пале за отцом и детьми, то увидел, что Рождество праздновали не так, как раньше, а стреляли по всему Пале. Я был шокирован, схватил своих и увез. Думаю, что тогда это была демонстрация силы. Сербы с Пале, которые, в конце концов, оказались центром четнического движения, тогда хотели силу свою показать, показать, какая у них мощь, и что они могут с несербскими сделать. Когда началась война, я воевать не пошел, первые три года продолжал работать в своей клинике в качестве врача. А мобилизовали меня в армию БиХ только в начале 95-ого. Тогда прошел Тресковац, Игман, Биелашницу. Я был доктором в санитарном батальоне. Мы не воевали, мы защищались от того, что нам навязывали сербы. Ясно, кто начал войну. Ее начали сербы, Сербия, ЮНА, которая раздавала им оружие. У них и раньше была концепция, это, вероятно, веками складывалось, потому что не вчера это все началось. Есть какая-то концепция в сербском народе, которая и раньше была, от поколения к поколению пере-

ходила, а в братство-единство они просто играли, думаю, что это все очевидно. Когда мне повестка пришла, я был шокирован, думал, что будут призывать только молодых, но если дело дошло до меня, то ясно, что что-то серьезное случится. Вообще-то, у меня не было выбора: или идешь, или смерть. Когда было затишье, то разговаривал о жизни. Не могу сказать, что всем воюющим была ясна ситуация: кто такие сербы, и чего они хотят. Но не было никакой дилеммы о том, как с ним найти общий язык, как договориться, потому что они были преступники, которые не могут ни о чем другом думать, кроме силы. А ведь они могли всех нас убить, как сделали

это, например, в Сербринице, в Фоце, Вуковаре, и победили бы только поэтому. У меня сложилось определенное понятие о сербах и их, так называемом, героизме. До войны у меня было много друзей сербов, и все они меня оставили. Все были информированы о том, что начнется, но никто не предупредил. В этом случае я говорю о своем личном опыте. Все мои сербские друзья избежали этого, все ушли и оставили меня одного. Но мы же нормально жили друг с другом. Все перешли на сторону четников, и мне никто не помог, никто не сказал, и я сам был вынужден выбирать.

— За время войны вы изменили свое мнение о ней по сравнению с тем, что думали в самом начале?

Да, конечно. Я полностью разочаровался. Думаю, что большинство разочаровались. В начале был какой-то патриотизм, но все было так неорганизовано... Мы потеряли всю свою молодежь, в 92-ом году, все пропали, потому что были без оружия. Когда я еще в

Сараеве в клинике работал, то видел, как их, безоружных, по утрам отвозили в грузовиках в горы, а у них оружия не было, они должны были ждать, чтобы им кто-то принес, или брали оружие того, кто погибал. Особенно трагично было во второй половине дня, это были грузовики мертвой молодости. Это было в самом начале. Нам привозили трупы. И вообще в клинике было ужасно, постоянно стреляли, попадали в нас гранатами. Сейчас мы понимаем, что все было зря, много потеряли и ничего не получили, потеряли молодежь и сейчас теряем, потому что эта действительность никакая. Нет здесь перспективы, пока сербы рядом с нами живут и пока они такие, какими

были, да и остались такими. Мы никогда не сможем примириться. Могу сказать за себя, мусульманина, что я никого не ненавидел. Мы не можем говорить о примирении, пока у них внутри что-то не поменяется. Я не знаю, с кем мириться, я никого не провоцировал, не нападал ни на кого. Тот, кто нападал на меня, должен первым извиниться. Должна быть сатисфакция какая-то. Чувствуется давление Европы. После того, что нам сделали сербы: убивали, воровали, насиловали, и хорваты тоже — мы, мусульмане, должны с ними помириться. Но от сербов до сих пор исходит агрессия. Это видно на примере любого спортивного соревнования. Не буду приводить конкретных примеров, потому что это и так видно каждый день. Я лично с ними не ругался, чтобы мириться. Я не оптимист в этом вопросе. Думается, что новое поколение могло бы примириться, но у сербской молодежи столько ненависти к мусульманам, что это невозможно. Должен случиться перелом.

Небойша Еврич

Родился 17 мая 1959 г. в г. Биело Поле (Черногория). Во время войны в Югославии 1990–1995 гг. являлся военным корреспондентом изданий «Дуга», «Войска Краине» и других газет и журналов. Писатель, автор романов «Голова Адама» («Адамова глава»), «Тихий вор» («Тихий тат»),

«Сербская рулетка» («Српски рулет»), «Герой отправился на осле в Гаагу» («Херој на магарицу путује у Хаг»), «Куриная война» («Кокошињ рат») сборников рассказов «Черный чемодан» («Црни кофер»), «Сказки» («Бајке») и др. Живет и работает в Белграде.

КУРИНАЯ ВОЙНА

(отрывки из книги)

Перевод Марии Патрашко

Опять началась война

Я писал рассказы о пьяницах и карликах, гулял с дочерью по берегу реки и не знал, что опять началась война. Я был в Биело Поле¹ и собирался ехать в Пале² к майору Койичу, к тому самому, который жарил на вертеле вола на Требевиче³ в то время, когда Америка и американцы хотели сбросить на нас первые бомбы. Автобус по маршруту Биело Поле — Сараево ждал на выезде из города, стоял прямо у моего дома. Маршрут частный, и я позвонил соседу на мобильный с просьбой остановиться у моего дома и забрать меня. При других обстоятельствах такого не было бы. Поцеловал родню, попрощался и побежал.

— Помоги Господи, Мишко! Едем к Радоміру в Пале? — крикнул я, войдя в автобус.

Момо Капор о Н. Евриче:

«Армия его обожает. Там, где он, — лучшие рассказы»

В ответ тишина. Я обернулся и понял, что, кроме шофера, я единственный мужчина в автобусе. Негде даже встать, так набито битком. На меня смотрели напуганные женщины и дети. Отправили их в Сараево, от войны подальше. Я выбежал из автобуса. Перед домом мой отец играл в шахматы.

— Батя, кажется, опять война началась!

— Это только ты не знаешь, — сказал он и продолжил игру.

Отделилась Словения!

В 93-ем году на Грбавице⁴ на передовой у моста Врбане спросил одного человека, что он

думает о подписании плана Венса-Оуэна⁵.

— Я никогда, брат, и не слышал о том плане.

— Ты вообще новости слушаешь?

— Честно скажу, последнее, что я слышал это — Словения отделилась.

И это было сказано три года спустя после отделения Словении.

Не включаю телевизор, не покупаю газеты, не слушаю радио.

Велосипед отремонтирован, и я на спортивные штаны натягиваю единственную вещь от маскировочного костюма, которая у меня осталась — нижние мужские подштанники. Остальное жена выбросила после Дейтона⁶.

Форму дополняю майкой «Бронепоезд Краина-Экспресс». На голову вместо шлема надеваю пеструю шапочку Ики. Беру велосипед и отправляюсь около полудня на остановку трамвая номер семь, на свое первое военное задание.

Активист

У Рынка Цветкова пияца⁷ выхожу из трамвая вместе с велосипедом. На бульваре никого. Спускаюсь вниз по бульвару, через Теразию⁸ у Бранковому мосту⁹. Света нет во всем городе. Еду по середине улицы и пою:

«В эти дни Америка будет страной партизан».

По пути заезжаю в убежища и осматриваю их.

— Моя фамилия Блюзгович, — говорит квадратный человек на входе в убежи-

¹ Биело поле (Бијело Поле) — местечко в Черногории. — прим. пер.

² Пале — городок в Боснии и Герцеговине на территории Республики Сербской. — прим. пер.

³ Требевич — гора в Боснии и Герцеговине на территории Республики Сербской, ее высота 1627 м. — прим. пер.

⁴ Грбавица — название района в столице БиГ Сараево. — прим. пер.

⁵ План Венса-Оуэна — первая попытка американцев и европейцев прекратить войну в Боснии и Герцеговине при помощи договора между сторонами. План оказался провальным, так как его не поддержала ни одна из сторон. — прим. пер.

⁶ Имеется в виду, после подписания Дейтонских соглашений о прекращении войны в Боснии и Герцеговине. — прим. пер.

⁷ Цветкова Пияца (Цветкова Пијаца) — один из рынков в центре Белграда. — прим. пер.

⁸ Теразије (Теразије) — площадь в центре Белграда. — прим. пер.

⁹ Бранков мост — мост через реку Саву в Белграде, соединяет районы Старого Белграда (Стари Београд) и Нового Белграда (Нови Београд). — прим. пер.

ше. — Активист в местной общине.

Я от братьев-строителей научился нескольким профессиональным фразам, значение которых мне не очень ясно, но я их употребляю как нечто философское:

— Ага, это особотяжелый бетон, арматура, наверное, двадцатка, итак, десять двадцаток, несущие колонны в порядке. Поздравляю, мастер! У вас одно из лучших бомбоубежищ! — лышу квадратному человеку.

Квадратный счастлив, машет хвостом, его похвалили, его похвалил WAR PRESS.

— Страшно? — спрашиваю его.

— Немного, — запищал квадратный, — не боюсь за себя, за детей боюсь.

При этом он посмотрел вверх, в небо, открыв рот. Оставляю его в таком положении и мчусь на своем велосипеде к Теразийскому гребену навстречу своей первой военной белградской ночи.

— Блюзгович! Запишите, активист третьей местной общины! — кричит он мне вслед. — Заезжайте обязательно!

Зять гуманиста

— По радио передали, что попали в Союзное и Республиканское Министерство внутренних дел, — сказал г-н Буда, вернувшись из кухни.

Взрыв бомбы мы в Клубе литераторов не услышали, но стаканы зазвенели на подносе, который нес г-н Буда.

Услышав звон стаканов, Даниэль Шифер встал, произнес тост за сербскую победу и позвал всех защищать Бранков мост.

Но кроме меня, который решил стать свидетелем его храбрости и жертвенности за сербский народ, никто не пошел.

— Хватит тебе и меня. Другие нам не нужны. Идем отсюда прямо на Бранков мост. Никуда не сворачивая. Представь, заголовки в газетах: «Погибли Еврич и Шифер»!

Пока тащу его по лестницам к мосту, рассказывает мне, что любит Рембо и Бодлера и поцелует смерть, когда ее встретит, как самую красивую девушку. Гуманист и философ. Сербский зять. Приехал, чтобы защищать Белград. Зять сербы много угощали вином, потом останавливались и отливали. Я его тороплю: обрушится мост без нас. Вот стыд будет!

На мосту никого не было. Ушли патриотические силы и народная интеллигенция.

Но с моста отлично видно, как горит МВД. Неправда, что только красивые села красиво горят¹⁰. Пошли отсюда к горящему зданию. Белоголовому МВД подожгли гнездо! Подошли на двести метров

к горящим зданиям, дальше не пускают, журналистов в том числе.

Приехал Влайко Стойкович, министр внутренних дел.

— Я с Влайко, — сказал один, одетый в гражданское платье, и прошел полицейский кордон.

— Я с Шифером, — говорю я гордо и прохожу, толкая вперед изрядно подвыпившего зятя. Остальные журналисты остались, их не пустили.

Куски кровли падают с обеих сторон улицы, некоторые полицейские получили травмы. Шифер хочет проникнуть в горящее здание.

— Не надо, господин, — просит его пожарный. — Опасно.

Шифер со слезами на глазах, глубоко потрясенный, стоит между двух пожарных шлангов и с некой долей патетичности дает интервью съемочным группам ТВ, выбранным впопыхах.

Огонь полыхает на обеих сторонах улицы, пожар создал настоящий пламенный туннель над улицами Кнеза Милоша и Бизгой. Пожар распространяется к теплоцентрали больницы и складу с мазутом. Наступаем постоянно на шланги пожарных, кроссовки у меня давно уже промокли. Шиферу интересно все, но у него хорошая обувь.

С куском кровли в одной руке и профессиональным фотоаппаратом в другой ходит туда-сюда перед нами мужчина и фотографирует. Будто ничего и не происходит! Седовласый мужчина в спортивном костюме, прогуливается между пожарными. Пытаюсь понять, с кем он прошел. Его лицо мне знакомо, но кто он, я не знаю. Жандарм подходит к нему и подружески похлопывает по плечу. Каким образом ему удалось просочиться сюда через двойной кордон полицейских?!

— Моя фамилия Еврич, — говорю ему.

— А я Желько Самараджич.

Желько живет в телевизоре. Его песни и скромность любят матери. Мега-фолк звезда. Живет недалеко отсюда, в тупике. Часть кровли влетела ему в квартиру. На его лице спокойствие воина. Спрашиваю его о войне. Он задирает гимнастерку и здесь, при свете двух запаленных зданий

министерств, показывает нам рубцы диаметром со стакан от раны навывлет: след от противовоздушного снаряда. Память о Мостаре.

— Смерть учит скромности. Пост-модернисты еще не знают, что они смертны, — говорит Илья Моляк, Красный кхмер.

Занималась заря.

Слезы и страх

В роддоме перед нами плачет медсестра. Бросается на грудь Шиферу и рыдает. Шифер ее пытается успокоить. А потом и у него из глаз брызнули слезы. Плачет сестричка, плачет и Шифер. Сестра как-то успокоилась, а Шифер — ни в какую! Под конец уже она его успокаивала.

Во время взрыва в роддоме у одной из рожениц случилась эклампсия¹¹. Это самое страшное, что может случиться. Ее все же успели привести в себя. Беременные женщины смотрели на пожар, приближающийся к складу с мазутом. Началась паника. Каждая женщина в момент тревоги хотела, чтобы ее новорожденное дитя было с нею.

Знали, что новорожденные в больнице, а, все равно, бомбы бросали!

Кол-ла-те-раль-ные жертвы¹², более-менее!

¹¹Эклампсия — это редкое, вызывающее сильные опасения явление, которое может приводить к серьезным осложнениям для беременной женщины и плода. — прим. пер.

¹²Косвенные жертвы

¹⁰ «Красивые села красиво горят» («Lera sela lepo gore») — фильм о войне в Боснии и Герцеговине, основан на реальных событиях. — прим. пер.

Загнутся. Конечно же, малыши в убежище!

Папа

В двери больницы стучит будущий отец с беременной женой.

— Не работаем! Закрыто!

— Как это «не работаете»?!! Сейчас у меня жена родит! — говорит он и продолжает долбить в двери.

Будущий отец очень беспокоился, что жена родит прямо в автомобиле. Он не слышал взрыва. Не видел пламени. Начал ругаться и только тогда заметил огонь, приближающийся к больнице.

Инвентарь

Бомбили между рынком и Домом здоровья до главной улицы. Здесь находятся крестьянский рынок, больница, чевабджиница¹³. А на рынке всегда полно кафан. Да и локаторов¹⁴, сколько угодно! И нет никакой возможности их отсюда убрать. Хозяюшки пробегают с сумками, полными зелени. А в той стороне застрял трактор. А здесь продают капустную рассаду. Только подумай! Банды! Один, о, Боже, и вилы притащил! А вилы в сербских руках — опасное оружие. И продает их у всех на глазах! Опасные люди! Сербский террорист продает ногу свиньи!

Другие продают потроха, сало и даже каурму¹⁵.

Ради камуфляжа продают цветочную рассаду!

Алексинач¹⁶, жилое здание рядом с рынком, квартира №26. Дверь выбита. Не просто выбита, а вместе с проемом. Лежит в прихожей. На двери кровь, след от руки. В прихожей четыре пары туфель и одна пара домашних тапочек. Все в крови. Прямо напротив кресла дыра в стене. Дыра величиной с велосипедное колесо.

В это месте ОНО влетело. На столе осталась пепельница, полная окурков и

крови. Кровь уже засохла, потому что в нее попало много песка. Чашка для чая, блюдо под чашку, большая ложка для супа, вышитая скатерть — все в крови.

Поднимаю чашку, полную штука-турки и засохшей крови. Мишо фотографирует. Поднимаю ложку. От соседей беру пакет, собираюсь все это повезти в Белград, показать... Вашу мать, сукино отродье, которое все это замутило!

Мне приносят пакет, и я друг за другом складываю пепельницу, окровавленные окурки, ложку в крови, тарелочку и чашку...

И оставляю там пакет. Тяжело мне. Не могу ехать в машине два часа с этим ин-вен-та-рем зла.

Убить рядового Райана!

Уничтожено 400 квартир, сотни домов остались без крыш, двадцать разрушены

до основания. И это все за один налет!

Сербский механик стоит перед разрушенным домом:

— И где я теперь жить буду, мать твою?!

Перед Тесным сокачетом¹⁷ разрушена баскетбольная площадка. Здесь играли дети. В Фиче¹⁸ со сплюсненной крышей, протыранной осколками, приезжают Саша и Рада онич.

Рада-стоматолог.

— Что, Еврич? Болит зуб? — кричит мне и улыбается. Стоим перед её разрушенным стоматологическим кабинетом. Приглашают нас в квартиру. Поднимаемся вверх.

На столе еще стоит постный ужин.

¹⁷ Тесни сокачет — улица в Алексинаце.
— прим. пер.

¹⁸ Фича — устаревшая марка югославского автомобиля завода «Застава» — прим. пер.

Все в песке. Со стены все попадало, остались только три иконы и лампада. Электричества нет, полдома разрушено, а огонек в лампаде горит.

— Когда был Чистый понедельник, все в квартире вычистила! — смеется Рада.

— А я побелил все стены! — хвастается Саша.

Улыбки не сходят с их лиц. Ни у одного, ни у другого. Приглашают нас комнату. У них четверо детей. На детские кровати упало не стекло, а полностью окно, его выбило взрывом. Но никто из детей не пострадал.

— Мы избежали гильотины! — говорит Рада, и мы видим, как ее всю трясет.

Закрывает глаза. Это длится всего несколько мгновений, и вскоре она весело достает мясо из морозильника, записывает его в сумки, оно еще не успело разморозиться.

180 журналистов в мгновение ока очутились в городке.

Жители Алексинаца привыкли к большим несчастьям, на журналистов глядят как на воронье, которое слетается после каждой беды. А несчастья в Алексинаце случаются часто. К ним народ привык. Когда здесь погибают по 16, 19, по 30 шахтеров, тогда приезжают журналисты, фотографируют и уезжают. Появляются вдовы. Делят квартиры.

В последний раз после гибели 19 шахтеров, рудник закры-

ли, но гробы с телам не перестали привозить в дома. Те, кто пережил алексинские рудники, продолжили работать в шахтах Соко Бани. Город выглядит так, словно в его центре взорвался метан. Алексинач принимает это со спокойствием, подобное поведение является источником лопающихся кровеносных сосудов. Из-под завалов достают двадцатого погибшего.

Когда боксерские бои были легализованы и через экраны телевизоров, по проводам, пришли к нам в дома, боксеры стали обязаны надевать перчатки и шлемы.

Когда война стала телевизионным продуктом, количество мертвых стало ограничено, но охотники за кровью жертв частенько нарушают правила телевизионных войн. Это называется коллатеральные потери.

Кол-ла-те-раль-ные!

— Колумб, твою мать! Ишь, любопытный какой! — ругаются сербы.

¹³ Род кафе, где подают местные мясные специалитеты. — прим. пер.

¹⁴ Имеется в виду, что офицеры НАТО заявляли, что бомбят военные объекты в Югославии, на самом деле, бомбили и жилые районы. — прим. пер.

¹⁵ Свиинина для специального блюда. — прим. пер.

¹⁶ Алексинац — город на юге Сербии. — прим. пер.

Михаил Поликарпов

Участвовал: Югославия
http://artofwar.ru/p/polikarpow_m_a/

ОЛОВО

(Глава из новой книги «Сербский закат»
 от издательства «ЭКСМО»)

Что для вас значит слово «олово»? Легкоплавкий металл, не имеющий самостоятельного значения и годный лишь как добавка к меди, как припой — или все же, на худой конец, для литья пуль при отсутствии свинца? С чем ассоциируется — с оловянным солдатиком, прыгающим в огонь и находящим там свою гибель?..

Итак, пятнадцатого июля группа из четырех добровольцев во главе с Кренделем была переброшена на положай под Олово, на смену находившейся там группе русских. Мы уезжали на пятнадцать дней. Вообще говоря, нас должно было быть пятеро — в нашей смене, но, как я упоминал выше, «маг» быстро исчез. Имя его исчезло также. Кроме Кренделя, Троля и меня, там был Денис — художник примерно двадцати трех лет от роду. Он прибыл в Боснию на несколько дней раньше меня. Денис уже имел боевой опыт — в разведроте десантной части он наводил порядок в Баку в январе девяностого после прокатившихся там армянских погромов. К мусульманам у него свои счесть.

Сараево находилось в окружении сербских позиций, коридор шел лишь через занятые ООНовцами позиции в районе аэропорта и гряды Игман к юго-западу от города. Где-то к северу от столицы Боснии находился городок Олово — одна из точек своеобразного внешнего кольца — или точнее, полукольца, в котором были в свою очередь сербы. Отсюда, с севера, мусульмане не оставляли попыток прорваться к столице.

В Боснии в это время было так называемое перемирие, когда боевые действия, не прекращаясь ни на день, были вялотекущими. Но смерть брала свое. В нарушение подписанного соглашения мусульмане продолжали наносить удары по сербским позициям и провели несколько попыток наступления. Месяцем раньше в этом районе погиб командир русского добровольческого отряда, морпех-черноморец Александр Шкрабов.

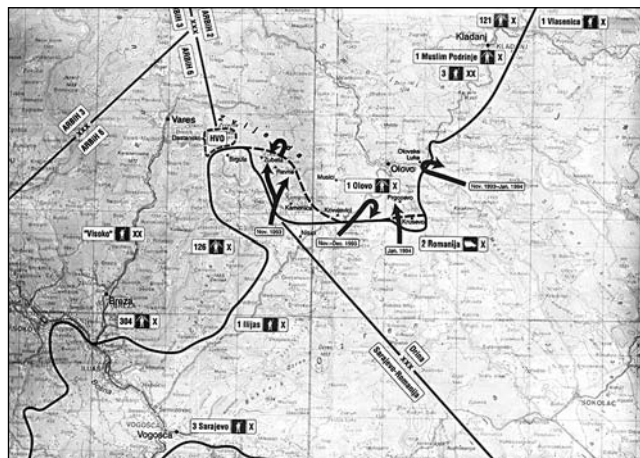
Мы ехали на Олово в колонне из двух автобусов и одного грузовика ГАЗ-66. Если грубо описать этот маршрут, то фактически мы объезжали Сараево, двигаясь против часовой стрелки. Значительную часть пути машины шли по серпантину, вдоль которого там и сям стояли разбитые, и этим ставшие такими знакомыми и родными, дома. Склоны гор заросли густым лесом. Дорога местами была настолько узка, что при встрече с другой машиной наш автобус долго тихонько пятился, пока не находилась площадка, достаточная для того, чтобы разъехаться. Я сижу у окна слева и смотрю вниз. Я не вижу края дороги — моему взгляду открывается лишь пропасть! Да, так мы все можем легко погибнуть не доехав до передовой, лишь чуть дрогнет рука водителя, сжимающего баранку уже несколько часов!

И вот она, долгожданная остановка. Сербские ополченцы с шумом вываливают из автобусов и располагаются на опушке леса. Мы садимся также и смотрим на небо, синее такое, в редких белых пятнышках облачков, и тихо радуемся, что из-за макушек деревьев не вылетят вертолеты и не устроят братского кладбища из нескольких десятков так беспечно сидящих или разминающих ноги бойцов. Серпантин шоссе оставлял желать лучшего, но и его больше нет. По проселку группу бойцов потянул вверх грузовик с крытым брезентовым кузовом. Мы забираемся во второй, неизвестно откуда взявшийся

«шестьдесят шестой», но, пройдя совсем немного, он ломается. Мы выходим и идем пешком, неся на себе оружие, снаряжение, боеприпасы. Встречаем пару уже уставших пожилых сербов — они вышли раньше нас. Но вот возвращается ушедший вперед ГАЗ-66, уже пустой, он забирает нас, человек десять сербов и русских, и отвозит вперед и вверх. Остановка прерывает поездку неожиданно быстро. Дальше идти только на своих двоих. Слышны спорадические выстрелы. Идем вверх по проселку, потом, возле указателя-плаката «Паз, снайпер» («Внимание, снайпер»), сходим на правую обочину и идем среди деревьев — дорога простреливается противником.

Всего в гору пришлось двигаться пешком от того места, где нас высадили из автобусов, около часа. Все яснее слышен шум и гомон — на сербской линии идет пересменка. Бойцы передают позиции пришедшей им на смену сводной группе ополченцев, радостно приветствуют своих знакомых, товарищей по оружию. Вот она — линия фронта — и мы идем вправо, местами пригибаясь, по неглубоким окопам, максимум метр плюс бруствер. Вокруг растут деревья. Окопы прерываются, потом начинаются вновь. Двигаясь по проводу полевой телефонной связи, словно по нити Ариадны, мы, наконец, выходим к бункеру, где нас встречают несколько уставших русских парней. Мы знакомимся — им ведь среди нас известен только Крендель. Бородач Дмитрий объясняет нам обстановку, позиции соседей и противника. Парни вскоре уходят к месту сбора и последующего отъезда, а мы остаемся.

Наши позиции располагались на склоне заросшей елово-буковым лесом горы (плато) Полом, на которой кое-где сохранились вырубленные в каменистом грунте окопы, как объясняют сербы, времен Второй мировой войны. Позиции мусульман были выше нас. Гора отдаленно напоминала стол, мы занимали самый его край, за нами склон резко уходил

Нечужая война

вниз под углом градусов сорок-пятьдесят. Внизу шел проселок и тек ручей. Когда мы возвращались с резиновым рюкзаком (бурдюком) за плечами из походов к ручью за водой, карабкаться приходилось, держась за ветви деревьев. Соседняя сербская позиция находилась справа и внизу, метрах в двухстах, часть пути до нее надо было преодолевать бегом, чтобы не нарваться на пулю. Слева сербский пологий лежал где-то на расстоянии метров ста и чуть выше. Самые же близкие соседи, мусульмане, засели впереди, метрах в шестидесяти, за поросшей кустарником и молодым ельником седловиной. Позиции противника, уйдя на левый пологий, мы разглядывали в бинокль, по-сербски — «двузрок». Здесь, кстати, занимал оборону сербский кассиндольский батальон, заметно выдвигавшийся вперед. Вся линия фронта представляла из себя какие-то фантастические трехмерные кривые, на нашем участке она спускалась кривой лесенкой с горы вниз.

А за мусульманскими позициями лежало их село Чевляновичи — мы слышали звуки и рев моторов автомобилей.

Олово, наверное, типичная позиция в сараевских окрестностях, во внешнем полукольце, где идет изнурительная, позиционная война на истощение. Без эффектных атак, без крупномасштабных наступлений. Середина лета 1994 года, но все врут календари. Похоже, что время здесь остановилось. Москва кажется уже бесконечно далекой. Все в другом мире, в прошлой жизни.

Осматриваюсь. Приличная видимость впереди нас была метра на четыре — далее шел густой молодой ельник, неровно постриженный пулями и осколками. Из этого зеленого моря и надо ждать нападений — мусульмане, «бали», могли подойти незамеченными совсем близко. Правда, этот ельник местами заминирован, но карт минных полей, даже собственных, нет. Впереди наши разбросали связанные проволокой попарно консервные банки, чтобы крадущиеся в темноте невольно поднимали шум. Полевая сигнализация. По ночам куницы и прочая лесная живность, пытаясь достать остатки мяса и жира из банок, заставляла бойцов нервничать и держать на прицеле невидимку, бренчащего в десятке метров от них. Вправо обзор получше, но не мешало бы и здесь всю эту зелень как-то выжечь.

Так как наши положаи когда-то занимались мусульманами, мины встречались и в нашем тылу. Так что ходить надо было осторожно. Но как? По натоптаным тропинкам? Но там-то, будь я на месте диверсантов противника, и поставил бы новые мины — дешево и сердито. Позиция наша была важной, но крайне неудобной. Загадку

представляло и то, как сербы в свое время ее захватили, — никаких следов огненного вала, артаступления, смещающего небо с землей и подавляющего волю противника, — здесь не было. А штурмовать позиции на крутой горе — дело нелегкое.

Наш пологий, громко именуемый бункером (и окрещенный мною «Форт-Рос»), представлял из себя бревенчатый сруб, врытый обращенной к противнику стеною в землю. Боковые стены — деревянные, четвертой не было. Наши эксперименты показали, что автоматная пуля калибра 7.62, выпущенная с небольшого расстояния, прошивает толстое — сорок сантиметров в диаметре — бревно насквозь, поэтому в бою надежной была именно стена, врытая в землю до предпоследнего венца. Крыша бункера представляла из себя мягкую подушку из веток и хвои в расчете на то, что футасная мина гранатомета не взорвется. По бокам от бункера расположились еще две небольшие позиции — полукопчики, в которые и ныряли бойцы во время боя, а ночью несли дежурство. Связи с другими бункерами не было, телефонный провод шел мимо нас, но аппарата мы не имели. Рядом яма для костра, с тентом — чтобы ее не заливал дождь. На этом положе, который в Сараево добровольцы называли только нехорошим словом за его хлипкость и неудобство позиции, было всего четыре русских бойца, неплохо, правда, вооруженных. Кроме автоматов Калашникова (трех югославской сборки и одного китайской), у нас был один РПД — старый советский «Дегтярь» 1942 года сборки с одним диском. Посланный, наверное, одним «дядей Джо» — другому. Он составлял основу огневой мощи полая. Был у нас и югославский

вариант СВД, снайперской винтовки Драгунова, но калибра 7.92 мм. Патроны к ней подходили от немецкого пулемета MG (ЮГО-M53), но с ними оказались проблемы. Довершал наш арсенал югославский гранатомет РБ (версия советского РПГ) и совершенно разбитая «папавка» — симоновский карабин СКС с насадкой, используемый для запуска ружейных гранат — тромболонов. Их, гранат и мин, основательно не хватало.

Наше советско-российское оружие в Боснии ценится очень высоко. Воевать же пришлось югославской версией автомата Калашникова — «Заставой» М64, указывающим на год принятия системы на вооружение. Невероятно, но многие сербы считают его именно югославским изобретением, позже улучшенным русскими!!! Впрочем, преимущество российского очевидно. Родной «Калашников» сработан из легированной прочной стали, «Застава»

— из углеродистой, ломкой и легко ржавеющей. На дуло югославского автомата навинчивается «стакан», при помощи которого можно стрелять тромболонами, используя холостые патроны как метательные заряды. Но можно перепутать патроны в горячке боя, а боевой — это смерть стреляющего: тромблон взрывается прямо в стакане. Надо не забыть также специальным рычагом перекрыть газовую камеру. А чтобы отдача от мощного холостого патрона не вырвала крышку ствольной коробки, югославский автомат снабдили кнопкой, удерживающей пружину и крышку коробки. Бессмысленная советская игра, почти народная традиция — разборка автомата за ...дцать секунд здесь стала невозможна. Все равно при стрельбе тромболонами из скверно сделанной «Заставы», ее механизм перекашивает, отчего при перегреве автомат клинит. Капсюльная краска набивается в усики затвора — и тот тоже отказывает. Так что частая чистка и смазка этого оружия — дело выживания.

Все мы одеты в разномастный камуфляж: Крендель — в темнозеленом комбинезоне, я — в видавшей виды югославской пятнашке. На ногах у всех «чизмы» — тяжелые шнурованные полуботинки югославского производства. Один противозащитный.

В сербских бункерах ополченцев больше — до восьми-девяти человек. Всего же на линии засело около трехсот сербов, а им противостояло около шестисот мусульманских бойцов. Секрета в этом не было. Обе стороны знали, когда идет пересменка у противника. Видимо, мусульманам было хорошо известно, что наш пологий обороняется именно русскими, а к нам

претензии оказались особые. Противник чувствовал себя уверенно и был активен.

Ночь прошла тихо. Дежурили все по очереди. В первое же утро на положе «тревога». Крендель, идя к сербам на левый бункер, наткнулся в редколесье на мусульманина. Сняв атомат с предохранителя, попробовал дать очередь, но сделал только один выстрел — впопыхах выжал предохранитель, переводя автомат на одиночный огонь. Только одним выстрелом ответил и «турок». После этой дуэли без секунданта бойцы исчезли, растворившись среди елок. Счет ноль-ноль. На этом все тогда и закончилось, но нам не понравилось, что мусульмане здесь так нагло чуть ли на заходят в гости. Возможно, рассчитывают на то, что именно в это время (утром) бойцы и спят.

В тот же день я с Денисом прогулялся к сербам на левый бункер. Хотелось посмотреть, как устроились сербы. «О, брача-русы!» — нас пригласили испить кофе бородачи в кепи и пилотках с оловянным эмблемами — сербскими двухглавыми орлами. Ну, что ж, сербы и на войне сербы. Пара бревен в роли скамеек и ящик вместо стола здесь заменили кафану. Кофе варили в турках рядом на небольшом костре. Мы отвечали на стандартные вопросы. Первый и главный из них: «Ельцин — католик?» Ну, кем он еще может быть с точки зрения православного серба, враг России и Сербии? Наши собеседники дивятся тому, что Хасбулатов, который «за Россию», — мусульманин. А меня сербы поражают тем, что наслышаны и о Потемкине, и о Екатерине Великой. Интересуются, были ли мы в Афганистане, кто по профессии. Им все интересно. Кое-как объяснив хитросплетения российской политики, возвращаемся назад — уже в темноте. На полпути между такими желанными, спасительными островками бункеров нас врасплох застала бесполовая стрельба где-то поблизости. Мы почти на открытом участке. Где враг было неясно, на мгновение показалось, что мы двигаемся в направлении серьезного боя, бушующего огненного смерча. Мы «отметились», выпустив несколько пуль в сторону противника. Денис, имевший ранее боевой опыт, попросил меня стрелять, выбрав только свой сектор. Стрельба, как летний ливень, внезапно началась и вскоре также резко прекратилась.

На мою долю не выпало «крутых» операций. Были вещи неприятные, но я ограничусь лишь парой эпизодов, ведь герои

— это те, кто остался в Боснии навечно, о них и стоит петь песни.

Шли вторые сутки на положаях. Нас решили проверить «на шивость» — как-никак новая смена. В начале одиннадцатого вечера по подозрительному шороху в кустах русский выпустил очередь. В ответ склон залился огнем — противник подошел метров на двадцать-тридцать. Обмениваемся бросками гранат. Их «гостинец» падает где-то рядом, за позицией. Бункер находится на крутом склоне — поэтому попасть в него очень тяжело, перелеты обычны. Слышу двойное тонкое пение осколков возле правого уха, бункер заволакивает дымом.

Я выхожу из бункера и занимаю позицию рядом с Троллем. Вскоре перестрелка ослабевает. Кромешная тьма. Неожиданно внизу сзади четко слышны шаги — шуршит листва. Окружены? Это возможно, так как до соседнего сербского бункера около двухсот метров. Стреляем на звук. Шорохи шагов периодически затихают. Откуда-то сверху-справа слышен громкий гортанный протяжный крик. Араб?... Афганец?... И совсем близко. Мы знаем: до утра никакой помощи не будет — в темноте ведь легко перестрелять своих.

Ночь проходит в тревожном ожидании последнего броска мусульман. Тьма кромешная, выколи глаз, я вижу только фосфор мушки моего автомата. Сажу в небольшом окопчике справа от бункера. Ощупываю руками взрыватели двух мин направленного действия и воткнувший между бревен маузеровский штык-нож, чтобы сразу их найти как только... Пара таких мин — «мруд», напоминающих формой маленькие телевизоры, были установлены примерно в метрах десяти от бункера и соединялись с окопом проводами. Так, один «мруд» установлен в месте, откуда мусульманам удобно вести по нам огонь. Есть вероятность, что они придут в эту ловушку. Я должен замкнуть провода в момент их рывка. Бьет дрожь,

которая проходит лишь от выстрелов, на какие-то мгновения успокаивающих и разливающих тепло по телу. В голове крутится мысль: «И зачем я сюда приехал?» Но оптимизм берет верх: «Все будет хорошо, я же знаю, когда и как я умру.» Пули калибра 7.62 почти не свистят, а лишь, рикошета, издадут звук оборванной струны, остающийся в воздухе несколько секунд. Позже я вспоминал это, по-моему, они берут ноту «ми». На самом деле, пули свистят, но когда в тебя стреляют с нескольких десятков метров, свист не слышен.

В четыре утра перестрелка разгорается посильнее. Ветер разогнал облака и стало чуть-чуть видно. Меня сменяют, я ухожу в блиндаж, но заснуть не могу. От какого-то пустяка разбирает смех. Катаюсь по полу в бункере, затыкая рот шапкой — ведь могут и услышать. Все, перекись... Я теперь другой. На последний рывок «бали» не решаются. Под покровом темноты они отошли.

...Ночью на посту, весь превратившись в слух, чтобы не упустить где-нибудь звук звякнувшего металла, полностью сливаешься с лесом. Меня как бы нет — даже лесная мышь смело бежит по моей ноге. Иногда думаешь, что нечестно охотиться на зверей. Они ведь беззащитны. Это просто какое-то убийство. А вот охота с примерно равными шансами, человека на человека — где-то тут и есть высший азарт. Вспоминаются строки Киплинга из «Закона Стаи»: «Мойся от носа и до хвоста, пей с глубины, не со дна. Помни, что ночь для охоты дана, не забывай — день для сна.»

Фантастически красивый горный лес в момент рассвета — из черного он постепенно становится серым с едва заметным синим отливом, свет пробивается сквозь кроны деревьев и вся эта звенящая тишь окрашивается в цвет хаки. Тишь, готовая взорваться очередями и взрывами...

Война идет вялая. Стрельба спорадическая. Я потерял счет дням. Дежурим, ходим вниз к ручью за водой, в штаб (на «везу») за боеприпасами и продуктами, заготавливаем дрова. Развлекаемся, рассказывая друг другу житейские истории. Нашли с Денисом общих знакомых по СНГ. Боже, до чего мир тесен! Оба значения этой фразы верны. Денис вспоминает, как вынул где-то с год назад самоубийцу из петли и, чтобы привести его в чувство, спросил: «Пиво будешь?». На что экс-жмурик, только что вернувшийся из дороги в иной мир, ответил: «А какое — баночное

Нечужая война

или бутылочное?» Услышав «бутылочное», согласился и пояснил: «Баночное плохое... его не люблю».

Через несколько дней предпринимаются активные действия. Достаточно простая операция: я должен огнем из пулемета с пятиминутным интервалом расшевелить мусульман, а ушедшие влево и чуть выше (на позиции кассиндольского батальона) из гранатомета и тромбонами накроют передовой мусульманский окоп. Старый «Детяр» захлебнулся и дал три осечки. Отбросив его, стреляю из автомата. Через пять минут снова хватаю РПД, но он опять подводит, снова три осечки. Позже, перебирая на ладони патроны-осечки, Денис говорит: «Считай, что эти шесть патронов сидят в твоей голове». Так и было бы (боец с заклинившим пулеметом — прекрасная мишень). Но противник тоже ошибается. Иногда.

На следующий день — повторение операции, на этот раз — без сбоев. Эффект есть: мусульманское радио характеризует наши действия как «зверский этнический напад». Вообще-то это клише — стандартный оборот, но странный. Так же как и убийство иногда называется зверским. А что в нем зверского? Убили легко, всадив очередь. Причем же тут зверушки? Вообще, всякие там зверства не в русских военных традициях. Противник — дело другое. Вроде бы тоже славяне, но вобрали в себя утонченный садизм Востока. Известно немало подобных случаев. Не минула сия чаша и русских — Крендель рассказывал нам о

елями фигурки. Судя по звукам, стреляют из пистолет-пулеметов — звуки их выстрелов заметно отличаются от «Калашей».

Сербам очень нравится «русский чай» — так они зовут черный чай, потому что сами пьют или кофе, или травяной настой. Настоящего же чая у них нет. У нас бывают гости: командир правого бункера черногорец по имени Младен и его помощник Милан. В отличие от многих ополченцев, они не носят бород. Младен — серьезный плотный мужчина с широкопосаженными глазами. Ему за сорок. С Миланом мы познакомились еще в автобусе на Олово. «Маккензи» — так зовут его все. Это — веселый стройный двадцатисемилетний с парень со сросшимися у переносицы бровями. Голову выше левого виска украшает белая полоска шрама — след от чиркнувшей по черепу пули. Милан ранее воевал в юречном (ударном) отряде и туда же собирается уйти, когда активная война возобновится вновь. О боевом пути Маккензи говорит факт, что дома у него полтора десятка автоматических стволов-трофеев, «ратного плена». Сам он предпочитает использовать в бою

ко судьбе. Та ночь была черно-синей, и луна стояла в стороне противника. Крадущийся мусульманин мне не был виден на фоне черной ели, а Троль, ушедший на другую позицию, увидел силуэт в просвете между черными пятнами деревьев и открыл по ней огонь, но, видимо, не попал. Троль в некоторые моменты похож на лешего — растрепанные волосы и пронзительный взгляд, это тоже сыграло роль в выборе его клички. (Леший же по-сербски — «шумски дух»).

Везенье — это когда к ногам трех человек скатывается тяжелая оборонительная граната. Разговор о восточной философии прерван. Широко раскрыв глаза, оцепенев, сидим. Гипнотизируем этот цилиндр в шесть глаз — я, Денис и Крендель. Мысленно считаю секунды до взрыва — не знаю, сколько их, шесть или десять. Шесть секунд, полет нормальный... Я знаю, у некоторых людей в такие моменты перед глазами проносятся все их жизнь. У меня же такого не было... Я покался ранее или был готов? Мгновения растягиваются — успеваю подумать: «Зачем выскакивать и бежать? Все равно разорвет. А может, она не взорвется? Она не должна взорваться... Не должна...» Не взорвалась.

Было много всего еще, но то ли забылось, то ли вспоминать не хочется. Эти воспоминания я вытягиваю из себя словно клещами. Да, это все мелочи жизни и мало значащие эпизоды боснийской войны.

На обратном пути (тридцатого июля) сербы в автобусе дружно поют какую-то балладу. В смене нет убитых, только раненые. Странная эта война, люди привыкли и ездят словно на работу.

Вскоре после нашего отъезда с Олово (дня через три) мусульмане подловили сербов на какой-то ошибке — на соседнем, не нашем, участке. Мусульманский спецназ «Црна Ластва» («Черная Ласточка») сбил ополченцев с позиций. Те потеряли убитыми, пропавшими без вести и пленными полсотни бойцов. На Грбавице был объявлен траур, новые «смертовницы» зашелестели на ветру в сербских районах Сараева.

В мировоззрении русских господствует фатализм, без него на войне нельзя. Перед началом боя спокойно выясняем друг у друга, кто сколько будет жить. Правда, пуля-дура гороскопов не читает.

судьбе врача Тептина, захваченного в плен больше года назад. Он долго не прожил — мусульмане выместили на нем всю свою ненависть к русским. Потому каждый из нас и носит с собой «последнюю гранату».

Коротаем время за разговорами. Крендель делится опытом своего пребывания на этой войне. Обсуждаем, например, гуманитарный маргарин из Норвегии. Находим, что он не универсален: им можно разжигать костер и чистить сапоги, а вот смазывать автоматы или танки заправлять нельзя. Раскаты хохота вводят противника в заблуждение относительно нашей трезвости или просто сильно раздражают — следует попытка нападения. А может быть это был их ответ на тот пресловутый «зверский напад». Атакуют парни в черной форме — их спецназ. Молча. Но безрезультатно. Вообще, увидеть противника в этих условиях не очень легко, но в тот момент Троль был на левом бункере — и ясно видел мелькавшие между

РПК без сошек и носит противоосколочный бронежилет. Кличку же он получил за то, что выстрелил когда-то из гранатомета по УНПРОФОРу. МакКензи — так звали канадского генерала, в тот момент командовавшего ооновским контингентом.

В мировоззрении русских господствует фатализм, без него на войне нельзя. Перед началом боя спокойно выясняем друг у друга, кто сколько будет жить. Правда, пуля-дура гороскопов не читает. К тому же смерть — не самый худший вариант, поэтому мы все в разгрузочных жилетах носим гранаты-самолетки. Я — эмпирически — посчитал себя везучим. А что такое везенье? Когда по ночам в лесу играешь в прятки с оружием в руках. Я раньше думал, что человек, если он не двигается, в темноте не заметен. Но в лунную ночь мои очки бликуют — и я вижу две вспышки недалеко от себя, чувствую горячую волну от пуль, на меня сыпется кора. Но тут спасибо не толь-

Дмитрий Сухоруков

Подполковник. Участвовал: Африка, Югославия

http://artofwar.ru/s/sukhorukow_d_a/

ПУЛЯ

Своё рождение — превращение из единого, целого, податливого, не имеющего никакой формы в острую твёрдую сущность — я помнила смутно. Раз, и готово.

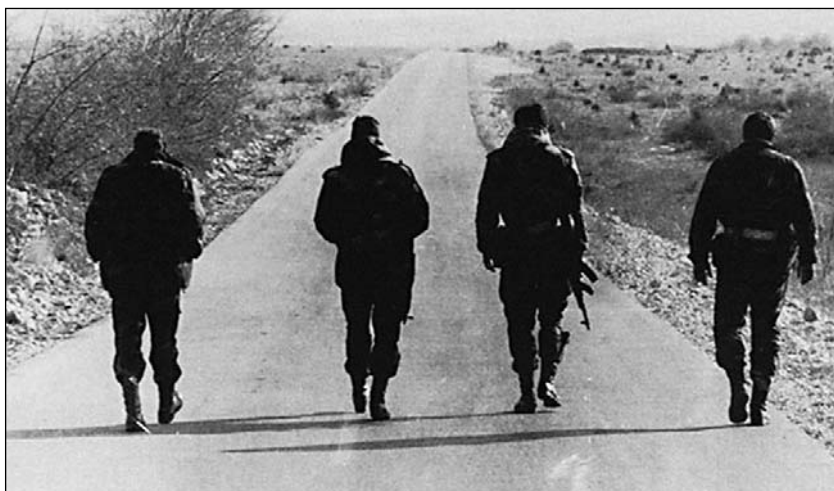
В отличие от миллионов других созданий, с самого рождения я знала своё предназначение в жизни. Поразить цель, не просто улететь куда-нибудь со свистом и, рассекая воздух, отколоть кусок цемента или дерева, нет, я должна поращить цель, попасть в яблочко, ведь недаром я снайперская пуля.

Соседи по пачке у меня были такие же целеустремлённые, молодые, злые и весёлые. Только одна, лежавшая с краю, капсюлем гильзы вверх, была озабочена двойной навеской пороха. Как насыпчанная машина умудрилась сыпануть в неё две порции, как она прошла весы и ОТК — не знал никто, никто особенно и не волновался.

Жизнь в пачке была не особенно веселая, но и не скучная, все знали, что рядом лежат ещё пачки, а все они надёжно запечатаны в железный ящик — «цинк». Цинк мало разговаривал с положенными в него боеприпасами, на нём было много чего написано, он много чего видел и чувствовал себя старшим.

На заводе цинк надолго не залежался и отправился в долгий путь железной дорогой, ящики где-то выгружали, где-то загружали, что-то писали на них мелом и краской. И, в конце концов, выложили на бесконечные стеллажи.

Тусклый свет и запах сосновой доски, который не перебивал даже острый запах латуни от гильз, — это слишком скучно, если это на всю жизнь. За стенами арсенала со свистом летела жизнь: люди рождались и умирали, изобретались новые механизмы, приходили в негодность старые, начинались и заканчивались войны. Мимо стеллажей как в ускоренной перемотке пролетали люди в форме — усаженные и безусые, худые и толстые, старые и молодые. Иногда они брали ящики с полков и делали отметки в журнале, но цинк стоял неприкосновенно, и все его обитатели уже отчаялись начать жить.

Как всегда, то, чего ждёшь годами, происходит неожиданно и слишком буднично. Поздно вечером, когда никакой смены караула быть уже не должно, в арсенал пришли люди. Среди них были и обычные военные — «командиры старых учётных журналов», — и новые, в необычной форме, нервные, напряжённые, от них пахло жизнью и делом, тем делом, которое с рождения было знакомо каждому обитателю любого цинка. Пришедшие говорили на непонятном языке. Вместо росписи в журналах они доставали маленькие прямоугольные пачки бумаги, передавали их «командирам журналов», снимали со стеллажей цинк за цинком, относили их на улицу, грузили в кузов большой машины и возвращались снова. Жизнь закрутила цинк водоворотом, он трясся в грузовике, сверху на сосновых досках ехал разобранный комбайн. Мимо светлячками летели огни станций и городов, сёл и таможен. Незнакомая речь, непривычные отметки в незнакомых бумагах и, наконец, пункт прибытия. Приехали поздно ночью, выгружались из машины весело, со смехом, возбуждённо. Цинк сразу всем сказал:

— Скоро у каждой пачки будет свой хозяин, — и замолчал, не отвечая на вопросы, видно думал, чем будет заниматься дальше: собирать окурки или разо-

гревать тушёнку королевскими порциями. Вскрыли его наутро, с десяток глаз уставилось на пачки, руки потянулись, и пачки начали переключиваться в карманы и подсумки. Так я оказалась одной из двадцати, хотя до этого была одной из миллиона.

Жизнь оказалась штукой сложной и непостижимой. Молодой хозяин, звали его Энвер, был человеком невоенным, что вызывало у меня серьёзные сомнения. Как же мне выполнить своё предназначение с этим студентом? Энвер был на войне недавно, три месяца, прошёл базовую подготовку снайпера отделения, получил снайперскую винтовку Драгунова румынского производства, четыре подсумка, жилет-разгрузку и сильно задавался. Зрение у него было отменное, такое же, как у его отца и деда, и прадеда. Вместе с хорошим зрением Энверу передалось и основное дело всей его жизни — жить надо праведно, вовремя совершать намаз, строить крепкую большую семью с девушкой из его мест и передавать заветы предков дальше. Ну, и, конечно, убить серба. Без этого никак, его прадед убивал неверных, дед убивал, а отец мечтал об этом всю жизнь.

На самом деле, Энверу очень хотелось мотоцикл, ну, и видеокамеру, как у однокурсника, и, конечно, во Францию и

Нечужая война

заниматься там сексом со всеми девушками, пока ноги не отнимутся. Но этого он сказать, конечно, не мог, да и некому всё это рассказывать.

На вопрос:

— Меткий орёл, убьёшь собаку-серба?

Энвер, не особо задумываясь, отвечал:

— Конечно, — а думал всегда о мотоцикле, ну, и немного о девушках. О таких девушках, которые рекламируют колготки или автозаправки или электроинструмент по итальянским телеканалам, которые так хорошо ловились в его местечке.

За границей Энвер был всего один раз, когда они с двоюродным братом ездили в Венгрию на день рождения дяди. Уже перед самым отъездом домой, в магазине, он услышал знакомую речь и очень обрадовался. Потом они ели горячие бутерброды с теми ребятами и орали песни, и решили, что Югославия получше Венгрии в сто раз. Да, они были, конечно, сербами, парень и девушка, такие же молодые и беспечные, как и он с братом. С ними было очень здорово, они были вместе за границей, они были югославы и очень этим гордились, и радовались одним и тем же вещам: тому, что русские уже вряд ли будут воевать с американцами, тому, что прогресс шагает огромными шагами. Сидели на берегу пруда в самом центре Будапешта и гадали: успеют ли они слетать в космос как туристы или нет, будут ли компакт диски стоить, как кассеты, и будут ли вообще кассеты, отменят ли все государства границы. Вернулись они с братом тогда домой весёлые, но ничего дяде рассказывать не стали, мало ли — всё-таки сербы.

С тех пор многое изменилось, занятия в университете прекратились ещё осенью, и хоть из его знакомых ещё никого не убили

и не изнасиловали, но Энвер уже много слышал об ужасных зверствах неверных. В мечети тоже всё время говорили о злых джиннах, вырвавшихся из бутылки, о сербских собаках и о руссах, которые век угнетали и держали в страхе полземли и до сих пор не угомонятся. Потом в их дом пришли авторитетные люди, и Энвер и отец ушли защищать свою родину. На их местечко пока, правда, никто не нападал, но к беде надо готовиться заранее, как говорили авторитетные люди. Так Энвер стал снайпером и воином Аллаха, и истребителем сербов.

Я в целом была довольна своей жизнью, меня и ещё девять моих сотоварищей уложили в рожок и держали в подвешенном состоянии. Я ничего не понимала, винтовка и подсумки были румынские и говорили на непонятном языке, хозяин тоже, целей вообще пока не было и всё опять становилось рутинно.

Вечером в палатку пришли командир и двое штатских. Энверу и ещё трём крепким ребятам приказали собраться и сесть в микроавтобус. В автобусе их кратко проинструктировали: цель — только немного навести шуму на миротворцев ООН в семидесяти километрах от их лагеря. Необходимо было передернуться в форму сербских полицейских и напасть на административную часть лагеря ООНовцев. Стрелять лучше на поражение, потому что среди ООНовцев правых верных всё

равно нет, а если и есть, то Аллах простит ошибку. Может, эта акция и не принесёт большого урона оккупантам, лезущим не в свои дела, но уж точно настроит их недружелюбно по отношению к сербам. Энверу стало как-то не по себе, одно дело поле боя, как он себе это представлял — стрельба со всех сторон, крики, дым и он, хорошо замаскированный холодной рукой снимает цели одну за одной.

Другое дело — на рассвете, когда все спят, ворваться в лагерь миротворцев и просто начать их убивать. Натягивая сербский мундир, Энвер всё время думал: «Это сон, это не со мной. А как же Париж? А мотоцикл? А девушки? Что я буду им рассказывать? Что расстреливал спящих людей, переодевшись в форму противника?» Приехав на место, командир, тоже одетый в сербскую форму выстроил их перед автобусом. Прошёл вдоль короткой шеренги и, похлопывая беретом по ноге, оглядел каждого. Потом достал из кобуры пистолет и сказал:

— Я знаю, как вы все ненавидите этих иностранных выродков, этих нелюдей, которые пришли на нашу землю, чтобы разрушать мечети и убивать детей и женщин. Также я знаю, что каждый из вас хочет показать себя героем, чтобы им гордились все его родные и знакомые. Я говорю это каждому: струсить сейчас — это предательство всего своего народа, сегодня я караю меч Аллаха. Есть вопросы?

Вопросов не было. Энвер почувствовал, что никогда не научится ездить на мотоцикле, и его ладони вспотели. Всем дали полчаса на последнюю молитву перед боем, Энвер судорожно сжимал цевья винтовки, перебирал чётки, но мыслями был очень далеко от правого дела. Он думал о разном: «Почему все воюют? Кто это придумал? Почему есть народы, которые вообще ни с кем не воюют? Почему он не один из них? Страшно ли умирать?»

В это время в блочном домике на станции ООН разворачивалась серьёзная батальная в «морской бой». Русские офицеры Алексей и Миша обучили этой хитрой игре своих испанских коллег ещё пару месяцев назад, те в свою очередь поделились сокровенными знаниями с египтянами, которые рассказали правила тайцам. В районе было

довольно спокойно, и месяц на станции жили припеваючи, спали до обеда, потом объезжали район, играли в волейбол, до полуночи смотрели телевизор и конечно не выставляли никакого боевого охранения. Всё круто изменилось с приходом нового комиссара станции — майора Брегна. Немец оказался немцем на все сто процентов, он застроил свободолюбивых арабских офицеров до состояния тихой ненависти, русские даже хотели научить их антифашистским песням, но и без этого сопротивление было сильнее, чем в Париже в 1943. Брегн просыпался в пять утра, проверял посты, принимал контрастный душ, будил всех в 6:00 по громкой связи и собирал на получасовую оперативку через 15 минут после пробуждения. Опоздание контрольной машины с маршрута на полчаса расценивалось как инцидент, и высылалась поисковая машина. Не удивительно, что майора «полюбили» все и со страшной силой и с нетерпением ждали, когда же он снова сильно понадобится фатерлянд и бундесверу. В эту ночь на боевом охранении должны были стоять четыре человека: Марко, Алексей, Мирослав и Алладин. Учитывая странный архитектурный замысел строителей станции — «ставить домики, как придётся» — приходилось бдеть на довольно большом друг от друга расстоянии. С собой обычно брали радиостанцию, пистолет, фонарь и флягу с чаем, кофе или коньяком. Тот, кто стоял под фонарём на въезде ещё брал стульчик и журнал.

Я почувствовала, что именно сегодня мне предстоит самое интересное в моей жизни, я не могла ошибиться, я была первой в рожке. Я вошла в патронник тихо, как по маслу, без зазоров и увидела наконец-то мир таким, каким он и должен быть: длинный коридор, спиралью уходящий в небо, а там, в конце коридора — отверстие и за ним весь мир. Я застыла ледяной иглой, всё во мне напряглось, мой стальной сердечник гудел от нетерпения, порох ждал знака от капсулы, капсуль от бойка, боек ждал ударно-спусковой механизм, УСМ ловил малейший сигнал от спускового крючка, ну, а тот — в свою очередь — от Энвера. Вот такая длинная цепочка, а замыкается в долю секунды.

Алексей даже не почувствовал удар, он просто оказался лежащим на земле, всё случилось мгновенно, ещё падал, шурша

страницами, журнал, с грохотом откатывался стульчик, а красная тяжёлая мокрая ткань уже упала на лицо и потянула вниз. Очнувшись он от пинка, короткое недвусмысленное слово «мертвец», и побежали дальше. С трудом повернул голову, тело не слушалось, их немного, пятеро, бегут к домикам, все с автоматами. Рука сама нашла в жилете радиостанцию, он зажал палец на тангенте, а сказать ничего не смог, только захлебнулся кровью, закашлялся, попробовал привстать на локти. Увидел, как через проволочный забор лезет ещё один, снайпер, вон СВД тащит, как девушка весло. Рука пистолет держит, он весь липкий, как дослат патрон в патронник, дослат.

«Снайпер заметил, всё... Стоит совсем мальчишка, смотрит перепугано. Да, сука, это ты меня, ловко, да, с первого выстрела. Ну, что вытарасился, доби-

об ключицу, конечно, сломав её. Миша прибежал через час после того, как из госпиталя позвонили о том, что я пришёл в сознание. Сказал, что на станции дурдом, нагнали солдат, оцепление. Завтра будут прощаться с Мирославом, тело полетит на родину. «Фашист» хотел лично меня навестить, но его не отпускают комиссия и журналисты. Миша уже засобирился уходить, когда я догадался спросить

— А кто снял снайпера того с СВД, что меня прибил?

— А никто, — ответил Миша. — Он сам себя снял, двойная навеска пороха в патроне или в ствол песка набрал, когда лез через забор, полбашни затвором снесло, винтовка румынская, гарантия ИЖМАШа не распространяется. Ладно, выздоравливай, погрёб я.

Миша ушел, тяжело громяхая по коридору, в связи с нападением всех «обули» в бронежилеты. Ребята со станции заходили два раза в день, мешали налаживать интимные контакты с медперсоналом. «Фашист» ввёл в контрольный маршрут «посещение раненого камрада», поэтому я дважды в день получал свою порцию похлопываний и пожеланий выздоровления на всех языках мира. Мне рассказали, что нападавшие были не сербы с вероятностью 100 процентов, потому как вряд ли среди трёх убитых христиан все трое были обрезанными.

Да, кстати, — патроны у снайпера советские ещё были, новосибирского завода. Не хочет, значит, русская пуля русского убивать. Пулю я, кстати, из госпиталя забрал, сначала носил в кармане в платок завернутой, но уж очень многие просили показать, пришлось немного обойти напильником, чтоб одежду не рвала, просверлить дырочку и надеть на шею.

Так я получила нового хозяина. Хозяин был такой же, как я — русский, говорил по-русски, улыбался, как русский, и напивался так же. Вот, где жизнь началась, не жизнь, а малина. Свежий воздух в лицо, солнце. Оказывается, человек, если выжил, начинает жить намного интенсивней, всему радуется сильнее: больше ест, больше пьёт, с девушками опять-таки знакомится, ну, просто со всеми. Так, что — привет вам всем с верёвочки, может, когда и встретимся, пива выпьем или водки. С нами, с пулями, иначе лучше не встречаться.

вай. Пистолет закрыл бледное лицо в берете. Где же Бог, не хочу умирать, не сейчас, ну что я им сделал, голубь мира. Снайпер привстал на колено, тяжело не попасть с 10 метров из СВД, глаза закрыл и жмёт на курок, шенок. А я не успел выстрелить, столб огня из дульного компенсатора ослепил, выстрел оглушил, здравствуй, смерть. Нет, опять тошнит, значит живой. А что же со снайпером? Вот он лежит, вокруг головы лужа маслянистая натекает в гравий, что это было?» И опять красная, мокрая, тяжёлая ткань потянула вниз.

Очнувшись уже в госпитале, нападение на станцию было отражено, было убито трое нападающих, троим, удалось скрыться, был убит Мирослав в упор выстрелом из пистолета в голову, и я ранен. На тумбочке рядом с кроватью лежала плитка шоколада, банка колы и маленький помятый кусочек металла. Пуля прошла по касательной к артерии и остановилась

Ирина Антанасиевич

Доктор филологических наук, фольклорист. Преподаватель русской литературы в Университете в городе Ниш (Сербия). Член редакции сербского литературно-художественного журнала Градина и университетского журнала Fakta Universitatis. Автор двух книг и многочисленных научных работ.

ЗОНА

Зона. Часть 1.

«Зона... — повторяю я и не могу остановиться. — Зона... Зона...»

Поездка в Митровицу стала рутиной. Каждые десять дней я еду, пересекая границу, которая, прежде виртуальная... (.. от моста до этого камня — наша... от этого камня до той канавы — нейтралка, от канавы далее — везде.... их), на глазах материализуется. Возле камня резво возводится ограда из мешков, набитых песком, аккуратные такие мешки, гламурно-маскировочные, всеми фибрами своей пеньковой души гордящиеся, что служат в НАТО. Но и их век прошел, и они плавно преобразуются в строение из бетона и пластики, похожее на все стандартные КПП. Граница... со страхом понимаешь ты... Настоящая... Вот и визы вводят. Пока для иностранцев. Но кто сказал, что и сербы не могут быть иностранцами на этой косовской земле. Граница... Таможня... Проверка документов. «Мердита!» — бодро приветс-

твует албанский полицейский (КЗК)... Мы все спим... «Мердита!» — вежливо упорствует он, желая поздравить нас с началом дня. Сон становится крепче... Имеем право... Ведь 6 утра всего. Спим... Дикие эти сербы, дети гор... ни здарсьте приветливому представителю албанского народа. Переключка. Фейс-контроль... и... «Все, Зона!» И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и до сих пор я не знаю, то ли это так Зона меня встречает, то ли нервишки шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других бывает то же самое или нет, и каждый раз забываю.

Прошли ... Едем, избегаем населённые пункты, держимся трассы... еще хорошо на хвост полицейской машины сесть. Они разноцветные здесь — красно-белые. Кока-кола их зовут. Обманчивое представление о них как об охране... хотя знаешь... у них запрет на стрельбу и установка... в случае столкновений... спасать, прежде всего, свою жизнь.

«Ох, уж эта Зона! Так вот посмотришь на нее — земля как земля. Солнце на нее, как на всю остальную землю светит, и ничего, вроде бы, на ней не изменилось, все, вроде бы, как тринадцать лет назад...»

Едем. Места знакомые... скучно... рассматривать?... а чего там рассматривать... вон, руины — сербские дома... как были развалины... так и дальше... Вон, дом Живорада Игича... Красивый дом был, крепкий, видный... Стоит сейчас как иллюстрация к фильмам о войне... А вокруг албанские дома, как грибы после дождя ... новенькие, на его, на игичевой, земле... А что Игичу... повезло ему, умер и не видит, что дом его сносить будут, и мечеть на том месте возводить...

«Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком Зона, живете, как на вулкане».

Митровица. Северная часть. О... а это уже новенькое что-то... Французы снимают свою охрану!! Дураки? Провокация?

Или ...провокация дураков? Или дурацкая провокация? Митровицу спасал мост. Пять лет албанцы пытались проникнуть в северную часть Митровицы... 17 марта началось именно со столкновений албанцев с полицией УНМИК, которая не пускала албанцев с сербскую часть города. Завтра решит кто-нибудь сделать Митровицу «мультиэтнической», и... потекут колонны беженцев. Да, впрочем, кого волнуют сербские беженцы.

«Я, видите ли, давно уже отвык рассуждать о человечестве в целом. Человечество в целом — слишком стационарная система, ее ничем не проймешь.» — «То есть, вы предлагаете вмешательство во внутренние дела человечества?»

Университет... громкое слово... Бараки, надувающие дощатые щеки, выдавая себя за академическое здание, отсутствие библиотеки, маленький жалкий памятник Доситею Обрадовичу и... венков на заборе. На этом месте находилась полицейская станция... Ее разбомбили в лепешку в 1999. Венков обновляется чудесным образом. На вопрос — кто это делает — все пожимают плечами... ну... люди... кто-то... не официальные власти — люди. Ленивый малорослый тшедушный француз — охрана. Но даже и этот символический охранник, боязливо кидающийся на рослых сербских студентов взгляд из-под ресниц, дежурит здесь последний день... Охрана в Косово не нужна! И неожиданное предложение...

«Я знаю, рассказывают, что в Зоне будто бы кто-то живет. Какие-то люди. Не пришельцы, а именно люди. Будто Посещение застигло их тут, и они мутировали... приспособились к новым условиям. Вы слышали об этом, мистер Шухарт?»

Тут предлагали мне в комментариях поездку туристическую — Приштина-Печ. И... я еду! В Метохию! На территорию святую и запретную... Не автобусом, конечно...

«К гаражу, — говорю, — еще никто никогда с пропуском не ходил. Туда еще трасса не провешена, ты это знаешь».

Еду... мелькают села... города. Приштина. Зона бригады «Центр»: британцы, канадцы, греки, финны, венгры, ирландцы, норвежцы и шведы... ну, и прибалты, которых автоматом к скандинавам причисляют. В Приштине все спокойно... 85, живших до мартовских событий, сербов (из 40 000 — довоенных) уже не живут в Приштине...

«Да, будто здесь ничего не случилось. Вон, киоск стоит стеклянный, целехонек. Детская коляска в воротах, даже бельишко в ней вроде бы чистое...»

Город чистый... В смысле... ЧИСТЫЙ. Албанский. И выглядит вполне мирно. Террасы кафе, музыка, блеск рекламы, солидные матроны, бредущий понурый школьник с ранцем из серии «опять двойка», легкомысленные девушки в джинсах, которые обнажают пупок... а солдаты НАТО лишь добавляют пикантности... ну, типа, «жизнь в городе начинается, когда в него входят гусары»... Люди живут своей жизнью... и вдруг думаешь... Зоны — нет. Ее придумали. И я спокойно могу выпить кофе и

вающим одну деревенскую улицу? Пить пиво... пробовать наркотики, которые дешевле грибов... спорить о том, что будет... вспоминать то, что было... грозить Богу и надеяться только на Бога... устраивать «встряску» солдатам КФОР и... мечтать уехать. Туда, где в школу не нужно ехать под охраной, где дискотека — не старый сельский амбар, где не страшно, если заболит зуб или случится приступ аппендицита — есть скорая помощь и врачи-специалисты... где можно мирно похоронить близких... зная, что могилу не разрушат, не загадят. И... и не... похитят труп...!!

Некоторым удавалось поступить в институт, самым толковым и грамотным, годным хотя бы на должность препаратора, а остальные вечера напролет просиживали в кабаках, дрались из-за расхождений во взглядах, из-за девчонок и просто так, по пьянке, совершенно остервенили городскую полицию и комендатуру.

Нет работы... Это первое, на что жалуются... нет работы. А и где работать?

Главное они знают досконально — бензин, оружие и наркотики... Три кита косовской экономики. И торговля людьми. Проституция и современные рабы. По данным «Гардиан» ежемесячно Косово в Европу поставяет 5 тонн героина.

почти говоришь водителю — поехали к «Боржчу» ... б-р-р к «Грандхотелу» и... вспоминаешь, что на углу Видовданской улицы, которая сейчас имени Билла Дебила... убили болгарина, служашего УНМИК... ну... по ошибке убили... думали, что по-сербски говорит. И думаешь... да ну его к черту с вашим кофе... А лишь выедешь за город и... вот она... зона.

До самого поворота он ехал, не включая фар. Слева тянулась могучая трёхметровая стена, ограждающая Зону, а справа были кусты, реденькие рощицы, иногда попадались заброшенные коттеджи с заколоченными окнами и облупившимися стенами.

Сербский анклав. Грачаница. Село и монастырь. Работы — нет. Цели — нет. Перспективы — нет. Света — нет. А для жителей Чаглавицы, Лапле села, Липляна, Бресья... Грачаница сейчас — город. Так и говорят — идем в город! А что делать в «городе», насчитыва-

читаю газету — приватизация предприятий в Косово... КФОР продает сербские предприятия... албанцам. Электростанции Косово Б, Косово А, склады и бензозаправки Югопетрола, транспортные предприятия Космет-Приштина, Косово-транс, Аутоприштина, Юготранс, а еще фабрика амортизаторов, энергоинвест... а еще больницы и школы, предприятия связи, административные здания, торговые комплексы... Халаява, сэр! Правда, на электростанциях работают приглашенные хорваты (вплоть до разнорабочих)! Албанцы не в состоянии уразуметь... как ток по проводам идет... да и не нужно им это... не барское это дело, Миторфанушка. Главное они знают досконально — бензин, оружие и наркотики... Три кита косовской экономики. И торговля людьми. Проституция и современные рабы. По данным «Гардиан» ежемесячно Косово в Европу поставяет 5 тонн героина.

Все правильно. Городишко наш дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, говорю, это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш паршивый мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра.

Но не все хотят уехать. Молодые чистые лица. Мы косовцы — не косовары. Эта наша страна. Сербское знаменитое

Нечужая война

упрямство. Сербское трижды благословенное упрямство. Мы вернемся! На будущий год!.. Эта наша страна. Они... здесь жить не смогут... слишком много сербской крови пролито. И любая сухая логика, цементная прагматика рушится под этим сербским угрюмым, уверенным, упрямым — Мы вернемся! «Куд куда креним теби се врачам поново, Ко да ме отме из моје душе Косово?» И так поют, что понимаешь... хрен отнимешь...

Про себя я так скажу: чего я у вас там, в Европе, не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла — к постылой бабе под одеяло, ублюдков плодить. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, говорю, занюханную.

— Ну, почему же обязательно Европа?

— А, — говорю, — везде одно и то же, а в Антарктиде еще, вдобавок, холодно.

Зона. Часть 2.

Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво... И ведь надо же, вроде бы и все так считали. Какие произносились речи, какие вносились законопроекты!.. А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая стальная решимость расплылась вдруг киселем. «С одной стороны нельзя не признать, а с другой стороны нельзя не согласиться».

Окончилась страна обелисков и бензоколонок... Оборвалась дорога выложенная желтым кирпичом... закончилась бесконечная вереница обелисков и бензоколонок (девиз Косово: каждому погибшему бойцу — по обелиску, каждому живому — по бензоколонке!), и мы очутились... в Метохии. Ох, как редко звучит именно это название — Косово и Метохия.... Именно так называется край еще с 14 века. Метох — греческое слово, означающее «монастырские земли». Тито запрещал название Метохия в свое время... Албанцы территорию называют только КосовА... а Метохию предпочитают забыть, называя эту территорию — Дукаджинит или Проклетие. Проклетие — горы, разделяющие Албанию и запад Косово. Проклетие!!! Хорошее название... правильное... Мы на западе. В западную бригаду входят итальянские, испанские,

португальские и аргентинские подразделения. Ее еще называют латиноамериканской бригадой. Или мыльницами.

Поселок тянулся вдоль западной окраины города. Когда-то здесь были дачи, огороды, фруктовые сады, летние резиденции городского начальства и заводской администрации. Зеленые веселые места, маленькие озера с чистыми песчаными берегами, прозрачные березовые рощи, пруды, в которых разводили карпов. Заводская вонь и заводские едкие дымы сюда никогда не доходили, также как и городская канализа-

ция. Теперь все здесь было покинуто и заброшено, и за все время им попался всего один жилой дом. Желто светилось задернутое занавеской окошко, висело на веревках промокшее от дождя белье, и огромный пес, заходясь от ярости, вылетел сбоку и некоторое время гнался за машиной в вихре комьев грязи, летевшей из-под колес.

Как там у Мандельштама — «... я список кораблей прочел до середины...» А список деревень, уничтоженных во имя демократии, в присутствии демократических сил, в присутствии их армии, отборной армии, составленной из представителей пятидесяти стран, вы читали?... Музичане (все сербские дома сожжены), Заимово, Деновац, Лесьяне, Горне и Доне Неродимле (все сербские дома ограблены и потом сожжены)... былшем поросло... Было 130 сел на территории Метохии. Осталось одно. Хороший счет в пользу албанцев: 130:1!!!! На месте сел — веселенькие лужайки... руин мало — села уничтожены на корню. Нет их... и как будто и не было. Нет ни домов, ни церквей, ни кладбищ... не жили здесь люди!!! Не было сербов!! Никогда!!! Албанская территория. Завтра поборник справедливости, тыкая карандашиком в карту, скажет — ну... топонимы, может быть, и сербские, но еще доказать нужно, что это была сербская земля... названия... «общеебалканские». Такая у них,

сербов, традиция: назовут территорию — и... дальше идут... добрым албанцам ее оставляют, чтобы те жили и размножались. Вот, пишет Фридрих Миллер (педантичный немец) о топонимах Албании и перечисляет названия — Требополье, Лужане, Тлсто брдо, Жрково, Слатина, Радогоста, Драга, Бор и др. Приходит к выводу — «90% населения было славянского происхождения»... Но кто читает эти книги ... и кого волнует отсутствие на сегодняшней карте Албании села Тлсто брдо(Толстая гора)... Что нам Текуба?... Мы — циники и прагматики. Мы не рыдаем.

— Молишься?

— спрашиваю. — Молись, — говорю, — молись! Дальше в Зону, ближе к небу...

— Что? — спрашивает он.

— Молись! — кричу. — Сталкеры в рай без очереди пропускают!

Средневековый монастырь Святой Троицы возведен в 14 веке. Разрушен до основания. Средневековая Церковь Успения Богородицы (с

фресками), 1315 год. Разрушена до основания. Средневековый монастырь Святого Марка, село Кориша. Полностью разрушен. Средневековый монастырь Святого Архангела Гавриила (с фресками), село Бунач, район г. Витине, 14 век. Разграблен и сожжен. Средневековый монастырь Девич Святого Йоаникия. Разрушен. Монастырь Святого Архангела, 14 век, район села Горне Неродимле. Подожжен и заминирован. Кладбище разрушено. Сосновый бор, посаженный в 14 веке, вырублен и сожжен. А сколько их... 16, 15, 19, 20 век... новые и старые. Имеющие художественную ценность или являющиеся лишь символом веры. Слово «разрушен»... нестрашное слово. «Разрушен» предполагает наличие руин... ну, по которым храм восстановить можно. А ... если «разрушен» — это гора битого камня, щебенки, где невозможно найти целый кирпич или камень больше кулака... А если «разрушен» — это экскаваторами выкопанная яма на месте, где был монастырь, а на его месте сделана депония — мусорная яма... Причем (обратите внимание!) это сделано не во время войны, не в аффекте... Сделано людьми 21 века, которые уничтожают творение века 13! Людьми ли... (что там у нас в дискуссии о «пришельцах»? А, Росица?)

Это что же у нас будет? А, луна-комплекс: лучшие в мире джазы и варьете, и

прочее — все для нашего доблестного гарнизона и для наших храбрых туристов.

Вот, в Париже недавно обещали все церкви в Косово восстановить. Ага-ага... И построим новые церкви — еще древнее, чем были... Вообще... Косово — мечта Остапа Бендера... Он был бы органичен здесь со своими Нью-Васюками. В Косово можно выбить деньги под любой проект... необходимо только написать на нем волшебное слово — «мультиэтнический»... О... это как ситечко для Элочи-людоедки... Все денежные мешки тихо стонут и развязывают заветную мошну. Памятником же подобных проектов можно считать рынок в Косовской Митровице — между его северной (сербской) и южной (албанской) частями. Идея была проста и элегантна — РЫНОК ДРУЖБЫ! К слову, сам выбор рынка, как связующего звена, великолепно характеризует сегодняшний демократический мир... Ну... значит... будут сербы и албанцы приходить на мультиэтнический рынок... мультиэтнически торговать и ... от дружбы некуда будет деваться... Ну, зацементировали клочок земли, украсили его железными прилавками, раскрасив в веселенький цвет правящих в Косово сил... ну... в голубенький... небесный цвет «голубей мира», согнали в день открытия сербов и албанцев, которые постояли часок в позе «стенка на стенку», утрумо «торгуя»... Так вот... под этот проект некие Остапы Бендеры из ООН получили... ну-ну... сколько стоит десяток ларьков и пару мешков цемента???... 750 000 ! Нет... я не ошиблась в нулях... нет... это не слухи... я сама видела бумажку... нет... бетон не был замешан на яичных желтках... Чистая работа! «Высокий класс, — сказал бы Великий Комбинатор. — Моя школа!»

Косовский пикник на обочине. Часть 3

Вон она, та канавка, где Слизняк пробалудся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Мослатый Слизняку: держись, дурак, от канав подальше, а то ведь и хоронить нечего будет... Как в воду глядел, нечего хоронить...

Нечего хоронить... Это еще страшнее, когда есть кого... Потому что оставляет надежду. Увели... сына... отца... брата... мужа. Куда? Прошло шесть лет, а сербских массовых гробниц почти не нашли. Где почти две тысячи сербов, которых увели албанские боевики, а чьи тела не нашли? Где директор Клинического центра Андрия Томашевич, который вместе с тремя сотрудниками албанцами вышел из своего кабинета, и... не вернулся? Он жив... считает его жена, повторяя фантастичные рассказы о том, что существуют лагеря в Косово, о которых НАТО не знает... которые находятся в труднодоступных районах... которые нахо-

дятся на территории Албании... Они живы... живы... повторяет она упорно... и я не знаю, что ей сказать. Как не знаю, что сказать родственникам остальных пропавших без вести... В Белграде, уставшем и отупевшем от демонстраций всяческого вида, наиболее страшно выглядела демонстрация родственников без вести пропавших... Они просто молчаливо стояли, держа в руках фотографии своих близких... 2 000 лиц смотрели на меня в упор... а ... хоронить было нечего.

Он был последним из старых стalkerов, из тех, кто начал охоту за внеземными сокровищами сразу же после Посещения, когда Зона еще не называлась Зоной, когда не было ни институтов, ни стены, ни полицейских сил ООН, когда город был парализован ужасом, а мир хихикал над новой выдумкой газетчиков.

Лирой Бондстил... хрен его знает, что он там героического совершил... Но имя его знает сейчас каждый житель Косово. Именем этого героически погибшего во Вьетнаме сержанта (может его героизм именно в том, что он погиб?) названа самая большая (и наиболее близкая к России!) база в Косово. Награда нашла героя и... тот, кто устанавливал демократию во Вьетнаме, получил величественный памятник в Косово. Именно в направлении Витина-Урошевац, там, где находилось сербское село Соево, и расположен теперь самый большой американский город на европейской земле... Лас-Вегас, Техас, Колорадо... нет... я не сошла с ума. Это названия придорожных кафе, украшенных в звездно-полосатом стиле... Ну... сразу видно, кто на этой земле настоящий хозяин. О-о-о... нет возможности сфотографировать! Магазин надгробных памятников — «Билл Клинтон»!!! Нет, я не вру... у меня бы фантазии не хва-

тило... Как и воображения представить все, что надвигается на меня с запада — 4 000 солдат, казармы, полигоны, аэродром, гаражи, ангары, стадион, спортивные площадки (даже для гольфа есть), кинотеатр, два торговых центра, бассейн, библиотека, две церкви, тюрьма... все, что нужно американцу, чтобы с честью нести бремя белого человека. В тюрьме Бондстила побывал мой студент — Сережа Запорожец... Его арестовали за то, что ... русский. Нет, обвинение было другим... За убийства мирных албанцев в Косово. Они думали, что он русский доброволец. Но Сережа, хоть и русский, но из семьи казака, который еще в 1920 году эмигрировал из Советской России. Сережин отец родился в Косово. Сережа тоже. В 1999 году ему было 15 лет. Да и в 2003, в свои 19, он выглядел намного моложе... ребятенок...

Арестовывали его, как американцы умеют... Вооруженные до зубов... заламывая и выворачивая руки, разбив лицо в кровь... А после двухмесячной отсидки и он, и его коллега «по ходке», Бобан Момчилович, вспоминают одно: «... ну, и едят они там... там в день готовят 25 различных комплексных обедов... на выбор. И сидящие в тюрьме тоже могут выбирать. А кроме обедов дают ланч-пакеты, когда захочешь... И их тоже около 20 различных... а самый лучший 17-24.. с соусом... или 17-13 с мексиканским рисом.. А еще два огромнейших магазина, где можно купить все.» И Сережа крестится и клянется, что можно купить даже диск Тату! Но посмотреть на чудеса цивилизации мы не можем — «Запретная зона!» — гласит табличка на шлагбауме... И даже не удивляет, что она запретная... для сербов... для них ВСЕ Косово запретная зона... или для албанцев... Но эта зона запретна и для автомобилей УНМИК или ООН. Нет, я знаю, кто в

Нечужая война

Косово хозяин... А на месте этого города было сербское село и церковь... Его снесли... и плевали на так «уважаемый» ими принцип частной собственности. Владельцам домов не заплатили ни копейки... Ну, и правильно... чего платить дикарям, пусть будут рады городу, воздвигнутому в честь светлой памяти сержанта Бондстила.

«Или, скажем, мутагенное воздействие Зоны, — прервал его Валентин. Он снял очки и устался на Нунана черными подслеповатыми глазами. — Все люди, которые достаточно долго общаются с Зоней, подвергаются изменениям как фенотипическим, так и генотипическим. Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами».

Радияция... О ней никто не знает точно... Она, как и пропавшие без вести, составляет страшную, полную легенд и мистики, тайну. Даже карты зон радиации... почему-то обязательно копии, сероватые, с резким и сырым неприятным запахом и с едва видимыми очертаниями местности... похожи. И вызывают такое же гнетущее чувство. Но карт и не нужно. Просто взять статистику — и... вот они... зоны... Призрен... Печ... Дечане... Итальянские таблоиды печатают ужасные фотографии родившихся детей, чьи отцы — итальянские солдаты — служили в Косово. А что касается детей аборигенов... да и хрен с ними... А то, что смертность от рака выросла почти вчетверо... ну, не в десять же раз... А то, что рождение телят с двумя головами или с четырьмя рогами — почти норма... ну, так ведь и нормальные телята иногда рождаются... А то, что американцы свои войска разместили в наиболее безопасных районах, предоставив итальянцам и немцам отдуваться... ну... это их разборки...

Здесь пахло дорогим табаком, парижскими духами, сверкающей натуральной кожей туго набитых бумажников, дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь, массивными золотыми портсигарами — всей этой дешевкой, всей этой гнусной плесенью, которая выросла на Зоне, пила от Зоны, жрала, хапала, жирела от Зоны, и на все ей было наплевать и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрется, нахает властью, и все, что было в Зоне, окажется снаружи и осядет в мире.

Разборки... речь, имеющая на Косово несколько значений... Это разборки между — шкия и

шуга. Шкия — свиньи. Так албанцы называют сербов. Шуга — чесотка. Так сербы называют албанцев. Шиптарь — не оскорбительное название, как думают многие. Это самоназвание албанцев. Они сами себя так называют, здороваясь — «Ча по бон, шипторе?! — Ска проблем!» (Как дела? — Нет проблем!) Косовских сербов еще называют дживджаны. Это тоже неоскорбительно. Это воробей — маленький и юркий. И терпеливый. Но разборки между шугами и шкиями — не главное. Главные разборки в другом месте... Харадинай сдали в Гаагу, брата убили, сожгли три бензоколонки, принадлежавшие его семье... а это не сербы... это лично сделали люди Змеи — Хашима Тачи. Кто он, этот Тачи? Этот потмок поарнауценного в начале 20 века серба? Политик... боевик... террорист... Нет, прежде всего, нарко-барон, которого в начале 1999 лично кум албанской мафии Муса Добози провозгласил авторитетом. Но даже это не разборки... в Косово происходит разборки высшего уровня... вон ... орет сирена, остановилось движение... Это на «стрелку» едет секретарь НАТО... «Господин Шухарт?» — спрашивает. «Ну?» — говорю. «Меня зовут Креон, — говорит. — Я с Мальги». «Ну, — говорю. — И как там у вас на Мальге?» Они чувствуют себя в Косово хозяевами. Они здесь надолго... Это видно по всему... По наглости, по особой истеричной хамоватости... резкой смене настро-

ения... по абсолютному, чистому, как слеза, вранью... Они знают, что НОРМАЛЬНОЙ эта ситуация не будет НИКОГДА. А все остальное — потемкинские деревни. Есть одна такая в Косово... Два десятка домов, которые показывали все телевизионные станции мира! А как же — это для сербов построила ООН!... И они вернулись в албанскую среду!... И живут там!... И — мир, дружба, жвачка... Речь идет о селе Бабине (район Штрпце, Брезовица). Два десятка домов... без штукатурки, с цементным полом, маленьких (самый большой, 60 кв. м, предназначен для семьи, численность которой, по стандартам, должна быть ... 10! человек... стандарты ООН — 6 кв. м на человека...). Со слезами на глазах репортер ВВС сообщил, что в каждом доме есть печь, которую нужно топить дровами... Потом показали кадры сербов, рыдающих над этим новым достижением цивилизации... Ну да, не в этом соль... И даже не в том, что дома поставлены впритык... без сараев, ограды и возможности иметь двор... дело в том, что в этом селе НИКТО не живет! Полгода село жило «от рассвета до заката»... т.е. днем его охраняли солдаты КФОР, а КАЖДЫЙ вечер собирали ВСЕХ жителей села и перевозили их ночевать в Грачаницу!.. Потом все залобались, и в домах сейчас живут представители флоры и фауны. Не знаю, правда... топят ли они печку.

Никогда я не думал, — говорил Артур с кротким недоумением в голосе, — даже представить себе не мог... Я, конечно, знал смерть, огонь... но вот такое!

Село Гораждевац. Единственное, оставшееся на территории Метохии. Село-гетто, 600 человек на территории в два квадратных километра. Живут. Живут? Не смея выйти за воображаемую границу... Ни колючей проволоки, ни забора, ни бетонной стены... Все гуманно. И почему бы не выйти туда, за поворот, где так славно плещется речка Быстрица... такая прохладная, такая знакомая... И вышел в 2002 десант мальчишек... Лето, каникулы, речка... и через час даже быстрые воды реки (недаром Быстрица) не смогли отмыть кровь, окрасившую ее берега... Трое погибших, шестеро раненых... маленькие десантники свободы... Сталкеры, которые шагнули в Зону. «Мы перевернули каждый камень, чтобы найти убийцу», — рапортовали службы УНИК. «Стрелявший по нашим детям просто переплыл на другую сторону и скрылся», — твердят жители... «А у меня даже рогатки не было...»

— плачет отец тринадцатилетнего мальчишки. Разоружение Косово — это разоружение сербских крестьян, отстрел которых, превратился в своеобразный спорт... Даже не экстремальный. Опасности нет. Иди... стреляй... уйди... а потом появятся солдаты, которые займутся эвакуацией тел и переворачиванием камней...

У нас этих сержантов больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, — им в Зону ходить не надо, и на мировые проблемы им наплевать.

Никак забыть не могу диалог... Пятнадцатилетний Богдан Букумирич и сорокапятилетний Зоран Живкович. Мальчишка, чудом переживший ад и пришедший в себя после комы и премьер Сербии, страны для которой Косово — не просто территория, кусок пыльной земли, а — душа, сердце и память, *anima serbica*. «Как дела?» — бодро басит премьер, заполняя палату своим присутствием, запахом дорогого одеколона, улыбкой человека, не привыкшего улыбаться, своей челочкой первоклассника, своими телохранителями и своими журналистами, своими сопровождающими лицами, рабочим шумом и благодушностью сытно позавтракавшего человека, уверенного в том, что и обед тоже будет не хуже.

«О, молодец, молодец! Ты еще девушкам покажешь... ого-го! У тебя есть девушка? Говорят, в Косово красивые девушки?» — игриво подмигивает он бледному мальчишке, лежащему в кровати. «Что будет с Косово? — спрашивает его мальчишка, срывающимся от волнения и подступающих к горлу слез, голосом. — Его отдавать нельзя...» — голос срывается... слишком многое хочет сказать... не может... Его отдавать нельзя... Его отдавать нельзя...

Нервно улыбается премьер... Гаснут камеры... В стране, где премьер думает о девушках, а мальчишка о Косово закончился выпуск новостей.

И вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, он ощутил отчаяние. Все было бесполезно. Все было зря. Боже мой, подумал он, ведь ничего же у нас не получится! Не удержат, не остановят! Никаких сил не хватит удерживать в горшке эту квашню, подумал он с ужасом. Не потому, что мы плохо работаем. И не потому, что они хитрее и ловчее нас. Просто мир у нас тут такой. И человек в этом нашем мире такой.

О-о-о! Боже, как она плачет... На одной ноте... Горе... Настоящее, страшное... и невероятное! Горе, которого в начале двадцать первого века быть не должно... не может быть... не красовское горе... В семье Цакича убили корову! Вы можете представить себе семью, где смерть коровы означает... голод! Где корова — кормилица! Где женщина заливается слезами в крестьянском горе девятнадцатого века... О-о, как же я теперь детей

прокормлю... о-о-о... И сход крестьянский постановляет — собрать деньги всем миром и... идти к голландцам... Пусть они купят корову (на скотный рынок сербу лучше не ходить) и приведут. Рассказываю историю эту в Метохии — вздыхают завистливо... — Хорошо им, в Косовском Поморавье... У них есть, ГДЕ пасти корову! А нам остается гуманитарная помощь... да и ее все меньше и меньше... Ведь в Косово все в полном порядке. В этом уверились и два серба из Клокота (возле Гнилана), на которых добрые соседи албанцы, настучали службам КФОР-а (... типа... был, участвовал, состоял... и т.д. и т.п. ... ну, как положено, короче...). Их арестовали, отправили в Бондстил на месяц... для выяснения... И пока «выясняли» ... добрые соседи вырубили, принадлежащий им лес на корню... (в этом и заключался тонкий тактический ход)... Через месяц сербов выпустили с базы... Ну... пустили... буквально... Открыли ворота и сказали... идите. Типа... Косово теперь свободное... садитесь на автобус и по домам... ошибочка, мол, вышла, вы не военные преступники... Гага из-за вас не рыдает... не хрен отъедаться на американских харчах... Взяли их албанцы в аккурат возле базы. Отвезли в ближайший лес. Одному удалось сбежать (неделю пробыл в доме по горам!), другого нашли с перерезанным горлом...

Надо было менять все. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы, каждый винтик этого подлога эдзинего смрадного мира надо было менять.

Ах, как речисты дипломаты!... Вернем сербов в Косово... Построим им дома! И... И, даже если албанцы не будут нападать на сербские анклавы, как будут жить сербы? От чего? Как прожить в селе, в котором приезд передвижного магазина — праздник? Как заработать деньги на соблазны передвижного магазина — от колбасы до

леденца на палочке? ...да-да... передвижной магазин... думали вы, что такого уже в мире нет?... наивные. Да, в Косово есть все!... И даже поезд, будто приехавший напрямик из США начала 19 века. Поезд с вагонами для белых и черных, пардон... сербов и албанцев, где между вагонами стоят вооруженные до зубов часовые, не позволяя смешение агнецов и козлищ... Где по тамбурам ходить запрещено, а у окон стоит стража, готовая отразить нападение диких индейцев... Самый охраняемый поезд в мире!

А сейчас эта надежда, уже не надежда, а уверенность в чуде заполнила его до самой макушки, и он уже удивлялся, как мог раньше жить в таком беспроектном, безысходном мраке...

Село Бинач недалеко от Гнилана. В трех километрах от села находится монастырь Бозовик, построенный в 14 веке. Монастырь сожгли, а потом уничтожили окончательно — минировали 7-8 раз (хорошо строили в 14 веке). Несколько гектаров векового монастырского леса вырубили. Классика... для Косово обычное дело... Но далее... жители утверждают, что в тот же день, когда монастырь стерли с лица земли в соседнем селе — в церкви св. Николая — на стенах появились фрески уничтоженного монастыря. Правда это или нет — не знаю. Но разве это важно? Главное то, что этим людям нужно чудо... только чудо их может спасти... только на Бога надежда... только в вере — спасение.

Золотой шар есть легенда, — скучным голосом доложил он. — Мифическое сооружение в Зоне, имеющее форму и вид некоего золотого шара, предназначенное для исполнения человеческих желаний. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»

Олег Валецкий

Родился в 1968 году на Украине (СССР). Участвовал в боевых действиях в период войны в Югославии девяностых годов. Место жительства — Сербия. Работал с сентября 1996 года по апрель 2007 в организациях выполнявших задачи по охране и разминированию на территориях Боснии и Герцеговины, Сербии и Ирака.

http://artofwar.ru/w/waleckij_o_w/

Автор книг «Югославская война» (Издательство АГРАФ, www.ru.net/~agraf.lta) и «Волки Белые (Сербский дневник русского добровольца 1993–1999 годов)» (Издательский дом Грифон-М, www.grifon-m.ru), а также и ряда статей по теории и практике боевых действий в бывшей Югославии, Ираке и Афганистане и по вопросам применения инженерных боеприпасов.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИСЛАМСКОГО МИРА В ВОЙНУ В ЮГОСЛАВИИ.

Поставки оружия. Движение моджахедов: идеи и практика.

Босния и Герцеговина стала первым местом в послевоенной Европе, где ислам появился не только как религиозный, но и как политический фактор. Разумеется, «ислам» понятие широкое, и для его объяснения нужна отдельная работа.

Без сомнения, оригинальным и успешным шагом мусульманского военно-политического верха было создание сил моджахедов. Изучению этой темы уделено мало внимания. Причины подобного невнимания лежат опять-таки в догматизме в идеях и политике современного западного мира, частью которого, пусть и со многими оговорками, была как Югославия, так и Босния и Герцеговина. В югославской войне джихад впервые после балканских войн (1912–1913 годов) опять появился в Европе, но в данном случае он вспыхнул с куда большей силой в постсоциалистической Боснии и Герцеговине конца XX века, нежели в полуфеодальной распадавшейся Турции начала XX века.

Первый официальный отряд моджахедов «Эль-Моджахедин» создан приказом начальника Генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины от 13 августа 1993 года в составе 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины.

Возникает вопрос, каким образом тысячи моджахедов были перебросены в Среднюю Боснию в разгар мусульмано-хорватской войны, так как очевидно, что ни сербы, ни хорваты видеть их там не желали.

Если исключить период начальной неразберихи, тяжело найти иной путь сюда, нежели

через хорватское побережье. С сербской стороны путь был герметически закрыт не только Югославией, но и сербскими землями РС и РСК. Возможность прохода групп моджахедов там была практически равна нулю. Даже если бы кто-то из местных «шверцеров» (военных спекулянтов) за большие деньги и смог бы выбить где-то желаемую поддержку у местной власти — все равно кто-то бы проговорился, а это вызвало бы такой взрыв, что перебили бы и спекулянтов, и их «защитников» из властных структур. Вряд ли моджахедам был смысл рисковать, пробираясь сотни километров по незнакомой территории, заполненной вооруженными людьми, знающими все тайные пути и дорожки. К тому же, коль исходной точкой была бы Албания, то она находилась под контролем западных спецслужб, да и в саму Албанию моджахедам можно было попасть только Адриатикой, где находились ВМС НАТО и Евросоюза.

Ответ дал бывший командир 206-ой «Витешкой» бригады, действовавшей в

данном районе, полковник Шемсудин Муминович. В интервью телепередаче «60 минут» от 28 февраля 2005 года он обвинил «Запад» за данное моджахедам разрешение прибывать в Боснию и Герцеговину. В американских источниках упоминалось, что один из официальных партнеров Пентагона, фирма MPRI (Military Professional Resources Inc.), бывшая очевидно тесно связанной со спецслужбами Запада, считала, правда, в Косово и Метохии в 1998–99 годах, весьма удачным шагом привлечение моджахедов в ряды албанских партизан. Видимо, подобный вывод у них мог возникнуть на основе опыта Боснии и Герцеговины, хорошо изученного их британскими коллегами. Как раз в Средней Боснии и были дислоцированы британцы (усиленный батальон) в составе миротворческих войск ООН. Впрочем, британцы с исламским вероисповеданием присутствовали и в отрядах моджахедов, а в бригаде ХВО «Краль Томислав», сыгравшей большую роль в начале войны, было много британских наемников, а также добровольцев из западноевропейских праворадикальных движений, в том числе британских.

То влияние британских спецслужб, которое они оказывали в создании отрядов моджахедов, свидетельствовало об их «всеядности» — готовности сотрудничать с кем угодно и как угодно.

Понятно, что британцы не могли напрямую руководить моджахедами, поэтому можно предположить, что речь идет о политике договоров двух силовых структур — британской и исламских фундаменталистов.

Последним было проще договориться с местными мусульманами, тем более, что, сменивший Халиловича, Расим Делич, как и группа бывших офицеров ЮНА, отличались полной послушностью СДА (Мусульманская Партия Демократической Акции).

Ведущей личностью в СДА, ответственной за сотрудничество с исламским миром, был Хасан Ченгич, распоряжавшийся полемым аэродромом, созданным под Високо. Именно под Високо находилось отделение Генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины, чьим начальником до июня 1993 года и был Расим Делич. На этот аэродром самолеты прибывали только с ведома командования южного крыла ВВС НАТО, и поэтому путь моджахедов в Боснию и Герцеговину, оказывается, был и не столь сложным.

В Боснию и Герцеговину прибывали так же иранские инструкторы и советники, главным образом, из состава корпуса «Стражей исламской революции», и довольно сложно определить, кем они были — инструкторами и советниками или моджахедами. Иран здесь вел свой джихад и все его военные, попадавшие в Боснию и Герцеговину, становились моджахедами.

Однако, главную роль в организации движения моджахедов в Боснии и Герцеговине играли фундаменталистские суннитские организации из арабских стран (Египет, Палестина, Сирия, Иордания, Алжир), в которых они находятся на нелегальном положении, ведя с мусульманскими властями свой джихад. Для них Босния и Герцеговина была «святой землей». Их нельзя называть ни наемниками, ни агентами спецслужб, хотя и такие в их рядах встречались. Две их самые известные организации — египетские «Гама-эль-ислами» и «Джихад», а также алжирская «ГИА» — были представлены в лице высшего круга своих руководителей: Абу Талат и Анвар Шабан (Гама-эль-ислами), Салиман Мехерзи (ГИА), Айман Завахри (Джихад). В Боснии и Герцеговине они нашли базы, оружие, опыт, знания и связи и этим показали, что являются реальной и весомой силой, способной напасть на любую страну.

Характерно, что большую активность в Боснии и Герцеговине проявляли моджахеда из Египта и Алжира, чьи сотни тысяч эмигрантов заполнили Европу, в особенности Францию и Италию. Это говорит о том, куда и откуда будет нанесен новый удар джихада.

Многие из нескольких тысяч моджахедов, находившихся в армии Боснии и Герцеговины, после войны остались жить в районе Зеницы, Какня, Травника и, в первую очередь, в бывшем сербском селе на Озрене-Доня Бочина и в нескольких соседних селах, ставших до середины 2001 года их базами и одновременно местом жительства. Организованное движение моджахедов (Организация исламской омадины) смогло не только сохраниться после войны, но и организовать посылку новых добровольцев сначала в Албанию и в Косово (1998-99 гг), а затем и в Чечню (1999-2002 гг).

В Боснии и Герцеговине в 1992-95 годах в боевых действиях участвовали члены различных фундаменталистских движений из

чительной вещи, а к их деятельности — как к авантюризму или бандитизму. В еще большей степени это относится к иранским моджахедам, посылавшихся государственной организацией Ирана — Корпусом стражей исламской революции, прямо проводившим государственную политику Ирана по разжиганию в мире исламской революции, что не исключало противоречий шиитского Ирана с суннитской Саудовской Аравией, достигавших большого размаха в Боснии и Герцеговине.

При этом с завидным постоянством употреблялся термин «наемник», хотя даже по статье 47-го Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 года, принятому в 1977 году, наемник является

лицом, не имеющим местного гражданства и получающим материальное вознаграждение значительно большее, в отличие от того, что получают бойцы одного с ним ранга в местной армии, при этом не является постоянным военнослужащим воюющих армий, ни посланным собственным государством, прямо не участвующим в данной войне.

Между тем, определенная часть моджахедов во время войны была официально послана Ираном, а более значи-

тельная их часть была местными мусульманами и, как и остальные, не имели в армии Боснии и Герцеговины материального вознаграждения больше положенного их рангу, если вообще его получали.

Моджахеда ни во время войны, ни после нее особо не скрывались от глаз ни миротворцев ООН, ни военнослужащих SFOR, а по завершении войны особо активно действовали как раз в «американском секторе» Боснии и Герцеговины. Деятельность ЦРУ (CIA) и американской военной разведки (DIA) в отношении моджахедов была пассивного характера, хотя правительство США официально объявило исламский фундаментализм и терроризм одним из своих мировых противников. Войска IFOR (SFOR), правда, смогли закрыть 10 мая 1996 года лагерь АИД (тайной полиции Изетбеговича) Погорелица под Фойницей, арестовав нескольких иранских инструкторов, а ОНР (международное западное представительство — фактически правительство в Боснии и Герцеговине) часто оказывало давление на мусульманскую власть с целью ограничить деятельность моджахедов, но все это не было серьезной борьбой, и отдельные факты столкновений с моджахедами

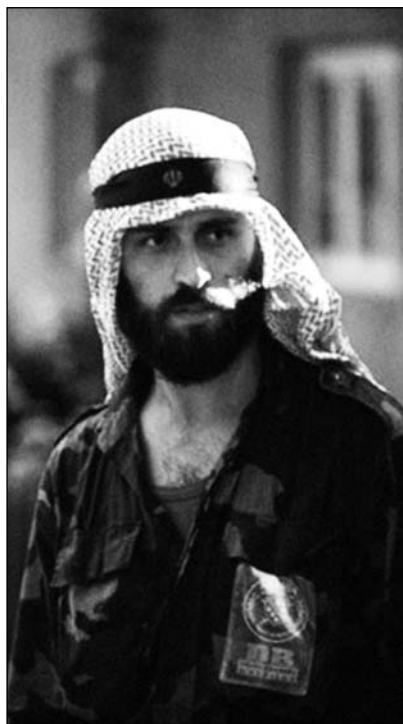

многих исламских стран: Алжира, Египта, Иордании, Сирии, Ливана, Пакистана, Турции, Ирана и др. И просто абсурдно было сводить побудительные мотивы всех этих движений к деньгам, как, например, в отношении организации «Исламское бюро» из весьма богатой Саудовской Аравии, чьи члены действовали как в Боснии и Герцеговине, так позднее и в Косово. Типичный пример — отряд «Абу Бекир Сидик», действовавший в районе Дреницы в 1998 году под командованием Экрема Авдии, местного албанского моджахеда, бывшего бойца отряда «Эль-Моджахедин» из Тешня, бывшего в составе армии Боснии и Герцеговины, одновременно с тем успешного закончить исламский университет в Медине (Саудовская Аравия). Такие организации, как Исламское бюро (чей вождь Абдулах Духайман был одним из командиров отряда «Эль-Моджахедин» в войну), главным образом, вкладывают деньги и весьма внимательны в выборе людей. Наконец, алжирская ГИА и палестинский HAMAS, чьи люди были в рядах армии Боснии и Герцеговины, ведут слишком серьезную борьбу в своих странах, чтобы относиться к их появлению в Югославии, как к малозна-

сил IFOR(SFOR) ничего в этом не меняли. Борьба с исламским фундаментализмом велась силами IFOR/SFOR настолько несогласованно, что нередко «фундаменталисты» оказывались информированными лучше, нежели офицеры миротворческих войск.

За провал (или сдачу) лагеря Погорелица заплатил 1996 г. жизнью Недžad Углен, тогдашний шеф АИД (мусульманская спецслужба, позднее распущенная). Поверившие ОНР социал-демократы были с помощью шефа ОНР Пэди Ашдауна лишены власти, а их человек — руководитель ФОСС (новая спецслужба всей федерации) Мунир Алибабич — был снят с должности. Американское командование распространяло среди своих военнослужащих в Боснии и Герцеговине листовки с предупреждениями остерегаться американского моджахеда Исы Абдулаха Али (Кевина Болта), ветерана войны в Афганистане и Ливане. Однако, ни его, ни кого-то другого из известных моджахедов арестовывать американцы не стали, хотя местных обвиняемые международным трибуналом в Гааге (почти одни сербы и хорваты) арестовывали (если те не успевали, договорится с западными спецслужбами) без особых проблем в результате организуемых «миротворцами» операциях, несмотря на то, что те имели право на аресты этих обвиняемых лишь в ходе «случайных» встреч. Не надо было особо разыскивать и многих бывших египетских моджахедов, что находились в списке разыскиваемых полицией террористов, посланных правительством Египта, так как многие из них были сотрудниками египетской медицинской «гуманитарной» организации «Международная гуманитарная помощь», действующей в Боснии и Герцеговине. Даже требования американского представителя к Изетбеговичу выслать десять иранских агентов, лишь помогли тем быстрее скрыться. После войны в Боснии и Герцеговине стараниями как местных, так и приезжих моджахедов возникла «организация исламске оmlадине» (Организация исламской молодежи), завоевавшая достаточно прочное влияние в среде местной молодежи и подключившаяся к отправке добровольцев сначала в Косово и в Чечню, а затем в Афганистан и Ирак.

Содействие моджахедов НАТО в Албании и Косово в 1998–99 годах ни случайностью, ни сиюминутными финансовыми и политическими интересами кого-то на Западе объяснено быть не может, оно является проявлением «генеральной линии» всей западной политики, хотя абсолютное большинство военнослужащих НАТО этого, может, и не знает. В конце концов, само прибытие моджахедов в Боснию и Герцеговину проходило под полным контролем Запада. Первое время в 1991–92 годах отдельные группы наемников и добровольцев из

исламских народов шли через Болгарию, Македонию, Грецию, Албанию, Косово и дальше через Санджак или Хорватию, но этот путь был довольно опасен, и посылались по нему, вероятно, «дешевые» боевики, набранные на скорую руку. К тому же, далеко не все из них были моджахедами из фундаменталистских организаций, ибо было отмечено появление в рядах мусульманских сил членов националистических движений албанцев и «боснийско-санджакской» эмиграции, турок из Турции, а также подобных организаций бывшего СССР. Упоминались боевики из Азербайджана, Чечни, Татарии, а то и из самой Москвы, но чаще говорилось о туркменах. Правительство последних в конце 1991 года — в начале 1992 года участвовало в оплате поставок оружия мусульманским силам «Патриотской лиги» (московское представительство сараевской фирмы Унион-инвест, а возможно, и московское представительство тоже сараевской фирмы «Враница»). Разумеется, почти все приезжавшие мусульманские боевики, употребляли в речи понятие «джихад», близкое любому мусульманину, но к организованному фундаменталистским исламским движениям они принадлежали не всегда.

К концу 1994 года в мусульманских вооруженных силах находилось до 3–4 тысяч (возможно и больше) моджахедов, собранных, главным образом, в несколько отрядов, дислоцированных, в основном, в районе Зеницы (7-я бригада или отряд «Эль джихад» и отряды (рота-батальон) «Зелена легия» и «Герила», Тешня (отряд (батальон) Эль-Моджахедин), Коницы (отряд (рота-

батальон) «Мудериз») в составе 3 корпуса (командующий бригадный генерал Энвер Хаджиомерович). Однако существовали отряды моджахедов и на других фронтах, в том числе в «защищенных» ООН зонах Сараево и Бихача. В этих частях со временем все большее количество составляли местные мусульмане, проникавшие с ходом войны духом ислама, видевшие высокую боеспособность моджахедов и желавшие воевать подобно им.

В «сухом остатке» войны в Боснии, кроме 200 тысяч погибших и создания явно нежизнеспособного искусственного образования, реально управляемого Евросоюзом, лежит констатация очевидных фактов:

1. Сама возможность резкой радикализации мусульман Боснии была бы невозможна без влияния и прямого физического участия моджахедов из стран Северной Африки, Афганистана, Пакистана и Саудовской Аравии. В свою очередь, это участие обеспечивалось явной благосклонностью и прямой поддержкой Запада, небезуспешно разыгрывавшего исламскую карту против сербов. Как ранее Запад использовал исламскую карту в Афганистане против Советского Союза.

2. Несмотря на мирные Дейтонские соглашения 1995 года, предусматривавшие выезд всех иностранцев из БИГ, значительная часть моджахедов, прежде всего из состава мусульманской бригады «Эль-Моджахедин», осела в МХФ (мусульманско-хорватской федерации, входящей в Боснию).

3. Именно они, эти моджахеда, явились прямыми участниками конфликта в Косово на стороне УЧК (Армии освобождения Косово). Причем косовских албанцев удалось быстро, в отличие от большинства боснийцев, в значительной степени вовлечь в джихад.

4. В настоящее время на территории МХФ существуют тренировочные лагеря моджахедов. В которых моджахеда передают свой боевой опыт и, что не менее важно, проводят идеологическую обработку молодых мусульман. Как боснийцев, так и представителей самых разных стран, включая косовских албанцев, Чечню и бывшие южные республики СССР. По оценкам Независимого военного обозрения, в 2002 году организацией «Активная исламская молодежь» (АИМ) обучалось в подобных лагерях около 5 тысяч человек.

5. То, что Босния сегодня является европейским плацдармом «Аль-Каиды» — бесспорный факт. Парадокс в том, что, несмотря на боснийские паспорта, участниками подготовки и проведения терактов в Европе и создания сетей ячеек являются все-таки в основном выходцы из стран Северной Африки и Пакистана.

Где объявятся моджахеда в следующий раз?

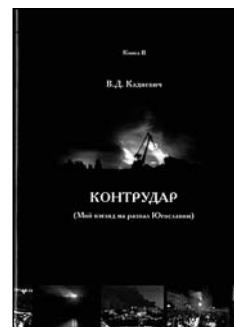

Велько Кадиевич

Министр обороны Югославии (1988–1992 гг.)

ГРАНИЦЫ ПИШУТСЯ КРОВЬЮ

Беседовал Илья Плеханов

КАДИЕВИЧ ВЕЛЬКО ДУШАНОВИЧ

Родился 21 ноября 1925 года в селе Главина Имотского района Хорватии (СФРЮ). Отец — серб, мать — хорватка, национальность — серб и югослав, гражданство — Сербия.

Перед Второй мировой войной закончил 5 классов средней школы. Во время Второй мировой войны Велько Кадиевич был активным участником народно-освободительного движения Югославии. В январе 1941 года в Белграде он вступил в Союз коммунистической молодежи Югославии (СКОЮ), в феврале 1943 года добровольцем ушел в 4-ую Далматскую бригаду Народного освободительного войска (НОВ), а в мае 1943 года вступил в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ). Конец Второй мировой войны встретил в борь-

бе за освобождение Триеста (Италия) и Юлийского края. После Второй мировой войны находясь на службе в ЮНА, последовательно занимал различные высокие должности. С мая 1988 года по январь 1992 года являлся министром обороны СФРЮ в чине генерала армии.

Велько Кадиевич опубликовал около 20 статей по проблемам военной науки, является автором нескольких учебников для Академии генерального штаба и Командно-штабной академии ЮНА: «Наша военная наука», «Оперативная наука», комбинированный вид вооруженной борьбы», «Стратегия ЮНА», а также книг «Войско без державы. Мой взгляд на развал Югославии» (1993 г., Белград), «Контрудар. Мой взгляд на развал Югославии». В 1949 году Велько Кадиевич женился. Имеет дочь Миряну и внука Аделу Караси. В 1995 году он овдовел.

— Ваши юные годы совпали со Второй мировой войной. Стало ли это определяющим в Вашей судьбе? Как Вы решили пойти добровольцем на войну?

— Начну с последнего вопроса. Добровольцем на войну я пошел, потому что у меня был патриотический настрой. Я своими глазами видел, что делали оккупанты на моей родине. Второй причиной моего решения была идеология. К 15 годам я уже состоял в СКОЮ — Союзе коммунистической молодежи Югославии — и серьезно изучал марксизм.

Но не участие в войне определило мою судьбу. Хотя частично и это имело место. По окончании войны у меня был выбор: идти по линии науки (философии) или выбрать политическое направление. Я решил идти по военной стезе, так как уже обладал уникальным военным опытом, вынесенным из войны.

— Как удалось Югославии построить такую сильную армию, не входя в блоки? Каковы были основные трудности? Как строился ВПК? С кем было военное сотрудничество?

— На то были две причины. Первая: в течение Второй Мировой в Югославии была создана отличная партизанская армия, которая к концу войны имела 800 тысяч солдат. Она своими силами сдерживала 30 немецких дивизий. Из всех европейских движений сопротивления югославская армия была единственной, кто оказал достойный отпор врагу. Это была реальная материальная сила, которая и позво-

лила быстро сформировать Югославскую Народную Армию (ЮНА). Второй причиной стала мудрая и дальновидная политика Тито. У него была собственная специфическая военная доктрина. Помимо самого военного фронта была и отдельная оборона каждой территории.

Что касается запада, то у Югославии были проблемы с итальянской границей в районе Триеста. Ожидалось, что американцы применят силу. Скажу вам одну вещь, которую вы вряд ли услышите еще от кого-

либо. Когда западные союзники планировали открыть второй фронт, было намерение десантироваться на Балканах, хотя с Франции им начать было более логично. Черчилль намеревался начать интервенцию именно с Балкан, чтобы впоследствии поставить нашу территорию под протекторат Англии. На что Тито дал приказ, что, если Запад высаживается на Балканах, мы должны скинуть их обратно в море. Я сам служил в подразделении 4-й армии, у которой был прямой приказ Тито — уничтожать западный десант. И мы могли справиться с этой задачей.

Что касается проблем со Сталиным, то изначально была договоренность, что Красная Армия совместно с ЮНА освободят Белград и сразу вместе идут в сторону Венгрии, оставляя югославскую территорию югославам. Сталин был не согласен.

Таким образом, Тито решил вести независимую политику неприсоединения. Выбрал третий путь.

Изначально у ЮНА практически не было оружия собственного производства. Оружие было трофейное: итальянское и немецкое. Через 5–6 лет после войны мы начали поднимать собственное производство. В мое время, в 70-х, у нас уже было 80% комплектации собственным оружием. После СССР, Америки и Франции мы были четвертыми главными экспортёрами оружия в мире.

— Каковы были отношения между Югославией и Албанией во время обострений с СССР?

У меня есть проблемы с Хорватией, они дали запрос на мой розыск Интерполу. Но с Гаагой — нет. Я туда и не поеду никогда, даже если будет оттуда запрос. Но я готов поехать на любой честный независимый суд.

— В это время Албания имела поддержку Сталина. Но ведь именно мы, югославские офицеры, мои друзья, создавали албанскую армию и привели к власти Энвера Ходжу. Но уже тогда албанцы и албанское государство были настроены против югославов, хотя мы им и помогали.

— В каком году закрались первые мысли, что Югославию ожидают тяжёлые времена?

— Первые мысли появились в 1966 году. Я стал свидетелем приватного разговора Тито и генерала Любичича, когда Тито с делегацией возвращался своим поездом из Болгарии. После этого мои сомнения еще больше усилились. Кульминация произошла в 1988 году. Тогда не было принято ни одного предложения по изменению Конституции СФРЮ, которые готовились с целью усиления федерального государства.

Между прочим, предложение об изменении Конституции было подано и ЮНА. В нем говорилось о роли Президиума СФРЮ и о финансировании ЮНА.

После этого я готов был уйти в отставку, но генштаб мой рапорт отклонил.

— Когда вы начали дружить с Язовым?

— Я был в составе делегации ЮНА в Москве в 1988 году. Потом Язов приезжал в Югославию.

— Как вы отнеслись к вводу советских войск в Афганистан?

— Я считал это большой ошибкой. Ещё живы свидетели того, что происходило. До ввода войск в Афганистан только США считались агрессором, который может напасть на любую страну в мире. Ввод советских войск в Афганистан дал повод США сбалансировать свою вину советской ошибкой. Я считаю, что все вопросы в Афганистане надо было решать политическим и экономическим путём. Я излагал своё мнение маршалу Язову, но это уже было в конце войны.

— Как офицер ЮНА оказался в американском Вест Пойнте?

— Было соглашение между Югославией и США, подписанное во время обострения отношений с СССР. Американцы, а также Англия и Франция, приглашали югославских офицеров на обучение и обмен опытом. Но у нас был свой критерий, по которому определяли, кого посылать за границу. Наши офицеры не должны были попадать под западное влияние, поэтому брали настоящих проверенных коммунистов. Расскажу

про себя. Вест Пойнт закончили многие большие военачальники, в том числе и Эйзенхауэр. Один конгрессмен от республиканской партии США буквально напал на министра обороны Роберта Макнамару, мол, почему югославские офицеры, «русские шпионы», учатся в Вест Пойнте. По этому вопросу даже было организовано специальное слушание в Конгрессе. Макнамара отвечал, что «если мы не можем завербовать югославов, то хотя бы сделаем их нашими друзьями». Конгрессмен же возразил, что никакого влияния на них американцы оказать не могут, так как скорее югославы сами пропагандируют коммунистические идеи в Вест Пойнте.

— Были ли настроения в ЮНА присоединиться к Варшавскому договору?

— Нет, не было. Советским руководством не делалась такая попытка, да и нам уже было ясно, что Пакт разрушится. После прихода Горбачева к власти, через пять-шесть месяцев стало ясно, что дела плохи.

— Как решался национальный вопрос в ЮНА? Были ли какие-то направления, где преобладали офицеры одной национальности?

— Все были равны. Не было никаких национальных предпочтений. Концепция обороны подразумевала, что была армия

и были территориальные оборонные округа, укомплектованные резервистами и полицией. Территориальные округа были созданы в каждой республике. В ЮНА же не было ни одного подразделения, укомплектованного бойцами только одной национальности. В военном билете графы «национальность» нет. Но, конечно, мы вели статистику, сколько военных каких национальностей служит в армии. У нас также было принято, что в руководстве страны происходила ротация национальностей. В Президиуме СФРЮ было 8 представителей: по одному от каждой республики и автономной области. Причем вне зависимости от того, какова численность той или иной национальности в стране, кто в большинстве, кто в меньшинстве. (На моем опыте однажды в Президиуме был даже албанец.) Председателем Президиума назначался по очереди каждый из восьмерки сроком на шесть месяцев. Скажу кстати, был зафиксирован случай, когда Турпуковский (представитель от Македонии, завербованный ЦРУ), присутствовавший на заседании Президиума, в перерыве передавал информацию о ходе заседания американцам, даже когда я ещё не закончил свой доклад (так торопился).

Во время смены Конституции Югославии мы предложили изменения в формировании руководства страны, выступали против ротации республиканских представителей. Нас обвинили в унитаризме.

— Как происходило формирование армий Хорватии, Словении? Параподразделений? Уходили целыми частями туда? Вы же наверняка обладали информацией.

— У нас была вся информация. Эти армии формировались по территориальным военным округам из резервистов и из местной полиции. Мы контролировали поставки оружия им с югославских военных заводов или складов, но зарубежные поставки мы контролировать не могли, так как пограничные части и таможня были под началом республиканских сил. Оружие они везли самолетами. Что-то мы арестовывали, но не всё. Ватикан потратил на вооружение Хорватии баснословные суммы. Из Венгрии шло советское оружие. Я даже отказался встречаться с венгерским министром обороны, пока он не прекратит поставки оружия в Хорватию.

У меня было предложение, как решить эту проблему. Нужен был указ Президиума, чтобы армия вступила в действие. Но приказа не было. Мы не могли выступать силой против политических проявлений национализма, но мы могли бы контролировать все нелегальные военные формирования, торговлю

оружием. Это можно и нужно было прекратить силой.

— Были ли какие-то конкретные предложения советской стороны по разрешению назревающего кризиса?

— Нет, не было.

— Чем объяснить провальный штурм и осаду Вуковара?

— Операция в Вуковаре не была провальной. Вуковар был, так сказать, хребтом хорватской армии. Взяв в результате этой операции Вуковар, ЮНА нанесла хорватской армии большие потери.

— Почему была провалена мобилизация в ЮНА?

— Причины следующие: 1. Югославия уже не функционировала как единое государство, поэтому некому было обеспечить мобилизацию ЮНА. 2. Руководство Республики Сербия постоянно говорило: «Сербия не воюет.» 3. Сербская прозападная оппозиция развернула активнейшую агитацию против мобилизации в ЮНА и призывала тех, кто уже был в строю, бросить оружие и разойтись по домам.

— Почему Вы ушли с поста министра обороны?

— Когда уже было понятно, что Словения и Хорватия ушли, когда был выполнен так называемый «план Венса» и обеспечен специальный статус сербов в Хорватии, я предлагал создать государство сербов. Маленькую Югославию. Из сербов Боснии, Хорватии, из черногорцев и всех, кто хотел бы войти в неё добровольно. Предлагал провести референдум. Я гарантировал, что 90% военной техники останется под контролем ЮНА. Мы на тот момент оставались самой большой военной силой на Балканах, и мы могли спокойно обороняться от американцев или кого бы то ни было. Формально Милошевич принял моё предложение на заседании Президиума, но на практике ничего не произошло. Я

решил уйти. Мне делали предложения, чтобы я стал Премьером, и предлагали возглавить и провести военный переворот, но я также отказался. 7 ноября 1991 года я подал в отставку, а 6 января ушёл официально. Они не приняли моё предложение, а вместо этого стали устраивать торг интересов сербов из РС и РСК.

— Почему Сербия не помогла РСК в 95-м и РС ранее?

— В это время я уже был на пенсии. Но мнение свое имел. Это огромная ошибка Милошевича. У него был план защитить сербов в Сербии, а интересами сербов в Боснии и Хорватии он торговал. Если бы ЮНА вступила в действие, никаких «Олуя» и «Блесак» бы не было. Милошевич предал и продал сербов в РС и РСК. И этим же показал, что он плохой политик. Я его предупреждал, что «если ты не поможешь, то сербский народ будет разбит, держава наша будет разрушена, и будешь ты проклят сербами».

— Как вы лично относитесь к Младичу, Караджичу и Ражнятовичу (Аркану)?

— Очень разные люди. Аркан — представитель мафии. Пока я был на посту министра обороны, он не пытался наладить контакт с военными, но работал на сербскую политическую полицию, которую контролировал Милошевич. Я спросил однажды Милошевича, кто этот Аркан. Милошевич сказал, что не знает. Но у нас была информация, что Аркан работает с полицией. Я убежден, что должна быть мера в том, каких людей использует для своих целей государство.

Младича я сам назначал командующим корпусом в Книне. Как командир

да выполнял. Но когда он увидел, что Милошевич торгует интересами сербов в Боснии, тогда он поменял своё отношение, начал вести свою собственную политику и начал делать многие ошибки. На преступления хорватов и мусульман, которые первыми начали творить злодеяния, он позволил ответить тем же. Он не знал, что делать. В голове у него была полная каша. Он всё же не политик, а психиатр по профессии. Но он был и остается сербским патриотом. Если бы они оба прислушались к моим предложениям, у Караджича и Младича не было бы такой печальной судьбы.

— Знаете ли вы о русских добровольцах, воевавших за сербов? Как Вы, кадровый офицер, к ним относитесь?

Аркан — представитель мафии. Пока я был на посту министра обороны, он не пытался наладить контакт с военными, но работал на сербскую политическую полицию, которую контролировал Милошевич.

корпуса он был способный офицер, но, к сожалению, его военные таланты не превосходили уровень командира батальона. Вот на этом уровне он и гулял по Боснии. Он мог командовать тем, что видит глазами. Он был тактик, а не стратег. А как человек и как солдат, он был очень храбрым, настоящим патриотом, искренним. Что касается военных преступлений, я не обладаю такой информацией. Как выходец из ЮНА, он не мог замараться в таких вещах, по моему мнению.

Караджич — специфический человек. Я предлагал поставить его Премьером. При этом, я бы оставался министром обороны. Одно время он был очень послушен Милошевичу. С другой стороны, все наши с ним договоренности он всег-

— В ЮНА их никогда не было. Лично я с ними не знаком. Я слышал, что они воевали в Боснии, но их было слишком мало. Но, сколько бы их ни было, я благодарен каждому из них. Они пришли бороться за нашу свободу. Каждый по своему разумению воевал за свободу. Всякому русскому человеку, который воевал за нас, я благодарен. Нам изначально нужны были гарантии СССР, что НАТО на нас не нападет. В марте 91-го года я прилетел в Москву и разговаривал с Язовым. Он поддерживал меня и как военный, и как друг, и при мне позвонил Горбачеву. Горбачев в резкой форме отказался со мной встречаться. Язов же сказал, что СССР ничего не может гарантировать нам.

— Изменилось ли после этого отношение сербов к русским, а в 99-м?

— Народ, конечно, ожидал поддержку от России и тогда, и в 99-м, но её не было. Мы могли бы ожидать, что российский черноморский флот мог бы сделать некие подвижки. Но ничего не произошло. К нам приехал Черномырдин, который, по сути, исполнял волю американцев. Не надо забывать, что все армии, которые шли на Восток, буксовали на Балканах. Мы всегда давали вам время подготовиться к войне и вторжению.

— Может, это спасло мир от Третьей мировой?

— Да нет, конечно, не было никакой опасности третьей мировой. Это был слишком маленький кризис. Но если бы Россия выступила сильнее, то очень помогла бы и Милошевичу, и вообще сербскому народу.

— Почему НАТО не начало наземную операцию в 99-м?

— Они знали, что погибли бы все, если бы вошли наземными войсками. Они даже на своих вертолётах «Апачи» не могли залететь к нам. Целых 24 вертолёта они сконцентрировали, но испугались наших ПВО. У нас был такой хорватский генерал Туз, который бежал в Хорватию и сдал все наши ПВО американцам. Но когда его спросили американцы, сколько вертолётов вернется, если они зайдут в Югославию, он ответил, что ни один не вернется.

Наша ПВО позволяла нам выбирать цели и сбивать «Томагавки» по выбору. Когда позже началось нападение на Косово, в том числе и с воздуха, и потом, после заключения мира, западные военные были в шоке от того, что им не удалось поразить ни одну из стратегических наземных целей. Павлович и Лазаревич, наши генералы ВВС, показали, насколько неэффективны и неспособны войска НАТО вести войну. Показали, что войну самолетами не выигрывают.

— Так, сколько в итоге сббили сербы в 99-м самолетов НАТО?

Я точно не знаю, но считаю, что официально заявленные Югославией данные соответствуют реальности.

— Что Вы делали после 92-го года?

— Писал книгу и наблюдал политическую и геополитическую ситуацию на родине и за рубежом.

— Россия вела войну в Чечне с сепара-

тистами. Сербия вошла в Косово, повторяя российские ошибки? Учитывался ли наш опыт в Чечне?

— Нет, мы не рассматривали Ваш опыт, потому что в то время, когда я был министром обороны, у нас войны не было.

— В своей книге «Контрудар» Вы говорите о том, что в идеале, когда Сербия встанет на ноги, Косово предоставят широкие полномочия автономии в составе Сербии. Вам не кажется, что это не решит проблему, ведь демографически албанцев там всё больше и больше?

— Я убежден, что рано или поздно американцы уйдут оттуда, и албанцы будут принимать всё, что решит Сербия. Туда вернутся все бежавшие ранее сербы, вернутся любым способом. И предъявят официальные права на свои дома и свою землю. Честные албанцы, которые жили там раньше, будут оставлены в покое. С

— Какую роль играла церковь в ЮНА, если играла, и как церковь проникла в армию позже?

— Я никогда не был против свободы вероисповедания. И так было всегда. У нас не было запрета против Церкви. Когда начался распад, я, пытаясь найти пути решения проблем, приглашал для консультаций и представителей Церкви. У нас даже есть должность полковых священников, ввели ее два года назад.

— С какого года Вы в России? Преследует ли Вас Гаага? Есть ли какие-то проблемы?

— С 2001 года я живу в Москве. У меня есть проблемы с Хорватией, они дали запрос на мой розыск Интерполу. Но с Гаагой — нет. Я туда и не поеду никогда, даже если будет оттуда запрос. Но я готов поехать на любой честный независимый суд.

— Как Вы думаете, должна быть одна Югославия или все по отдельности? На что Вы надеетесь сейчас, какой видите Серию в будущем?

— Югославия была удивительным примером того, как может спокойно жить такое многонациональное государство. Но, к сожалению, во времени эта модель оказалась недолговечна. Был запущен вирус взаимоуничтожения, когда брат шёл на брата. В будущем восстановление югославской модели невозможно.

— Стабилизировал ли ситуация на Балканах, или будет новая война? Каково современное состояние сербской армии?

— Сербской армии больше нет, нынешние политики в Сербии пляшут под дудку Запада. Всё ещё нестабильно. Еще может развалиться и Сербия, может отколоться Воеводина, Санджак. Вирус распада ещё не закончил свою программу. К нашим территориям есть интересы мультинациональных компаний. Во время бомбардировки ни один промышленный объект, важный для мультинациональных компаний, не был тронут. Сейчас западные войска стоят там, где эти интересы сохраняются. Новая война будет. Нынешние границы не останутся долго таковыми. Сербь, например, не смиряется с границами современной Хорватии. Как они могут с ними смириться, когда они жили там ещё за 400 лет до Туджмана?

Границы прописываются кровью народа. Границы, проведенные политиками, недолговечны.

пришлыми же надо будет разобраться.

— В книге Вы пишете о большой роли Ватикана в развале страны. Для нашего читателя это удивительный момент. Не могли бы прояснить вашу позицию.

— У вас нет такой проблемы. Ваш Патриарх не позволит, чтобы Папа ступил на русскую землю. У нас же всегда были попытки со стороны хорватов католизировать нас и довести границы католического мира до Дрины. Когда начиналась война и распад Югославии, первые деньги хорватам шли из Ватикана. У меня есть официальный документ о переводе крупной суммы денег из Ватикана хорватским боевым подразделением. Мы подали на Ватикан в суд. Что любопытно, это именно те деньги, которые были награблены во время Второй Мировой у сербов. Видите, какой круговорот интересный получается?

Дмитрий Бабкин

Участовал: Афганистан

http://artofwar.ru/b/babkin_d/

ФЕВРАЛЬСКИЕ БАРАКИ 1984 ГОДА

Из сборника рассказов «Афганистон»

1

Смысл операции был скрыт от простых солдат. Приехала бригада. Еще загодя, за день. Батальон тоже, за исключением девятой роты, на следующее утро, подъем в три, построился в колонну, и пошли на Кабул. Все дембеля сменились, и в роте не осталось ни одного приличного механика-водителя. Молодые, «обученные» в разных учебках. Дубин вспомнил свою: единственная в СССР учебная дивизия ВДВ. В Гайжюнае, в Литве. Он учился на оператора-наводчика. Стрелял из БМДх там три раза по три кумулятивных гранаты на стрельбище. За полгода. Остальное время разбирали посадочные полосы времен войны. И собирали картошку. Ну, да, с парашютами ещё прыгали, бывало, спецкомплексы отрабатывали — с оружием, без оружия, строевая, физо... Советская Армия — то же говно. Что?

В Афгане за первый же выезд расстрелял половину боезапаса — 17 гранат, к тому же осколочных, с которыми в учебке познакомили только теоретически (есть разница в прицеливании). А не девять за полгода.

А во второй, вызвали на поддержку, Дубин видит противника, а их БМД подъехала только одна, справа и слева БТРД, без пушек, и видит в прицел автоматчиков вражеских, а мысли из пушки вжарить в голову не приходит. Тоже из пулемета поливает, пока Серега не заорал в шлем:

— Ты чё, муда! Нахрен мы приехали! Пушку заряжай! Дебил!

Вот эти водители из учебки так же ездили. Никак. А тут сразу операция. Зимой. Мины. Слава Богу, на пути туда не посеяли много. Сапёры разобрались.

Одного, правда, потеряли. Дембель, осенний. Приехал оформить документы на увольнение из госпиталя в феврале. И, а дай, при-

колюсь, на последнюю операцию: сам вызвался.

Не собрали его совсем. Мощный был фугас.

Бригада въехала в Кабул.

2

Бригада въехала в Кабул.

Передвигаться по населенному людьми городу этих придурков — молодых механиков — совсем не учили, это было понятно уже потому, как они двигались по дороге. Колонна шла как-то неуверенно и мерзко. Город. Пешеходы на пешеходных переходах разбегались, как тараканы. Справа показались пятиэтажки — район проживания наших — он звался Советский район. Навстречу колонне вышли женщины и дети, и чё-та кричали, и чем-то махали навстречу нам.

Флагами махали. Платками, там.

Дубин помахал им рукой, а всё думал только об одном: как бы эта сука, молодой водила, кого не задавил. Тревожные глаза Димы, который уже стал замкомвзводом, и сидел на месте пулемётчика, только укрепили его...

Чё укрепили?

Командиром машины выступал Давыдин, замполит роты. На месте командира.

Женщины и дети Советского района Кабула проплыли мимо. Пешеходы больше не попадались — видать, проехали центр, а на окраинах другая жизнь... Слава Богу, выехали без задавленных пешеходов.

Пошла дорога. Дорога как дорога. Чистая. Без подрывов. Было уже часов 10 утра, Дубин решил поспать. Ничего не понимая, — куда едем, солдатам никто не объяснял — он напрягался последние часы, и вдруг сморилась усталость. Опустился в башню и... всё.

Проснулся уже на входе.

Было далеко за полдень. Сколько, который час — непонятно.

Слева была крепость.

Справа — огромное поле, и за ним сопки, сопки и горы. Впереди, он вылез на башню, впереди и позади — колонна. Своя, батальонная. Бригады видно не было. Впереди было целое столпотворение дувалов — но, кишлак и кишлак. Кто ж знал из солдат, что это Баракибарак...

Тронулись.

Справа — сплошной ряд дувалов, Дубин повернул пушку по привычке в сторону наибольшего радиуса обстрела — влево, в сторону лысой зимой зелёнки, что тянулась вдоль дороги за поначалу редкими домами, в низине, ногами повернул, сидя на башне. Он давно уже привык разворачивать башню ногами — чисто обезьяна.

На каждом, на каждом доме висел небольшой плакат: мужчина с окладистой белой бородой. Вроде узнаваемое мурло: Хекматияр, что ль? Да кто угоден! Он был на каждом доме.

Афганистан

Такого же полгода назад замочили. Человека в белых одеждах Костя со товарищи закинули в зад БМДхи, и мы поехали. Батальон специально за этим человеком операцию устроил. Аж в Хуши заехали. Там его и ... нашли.

Нас обстреляли после этого дважды. Безнадёжно. Мы их тут же замочили. Из вторых кого-то еще взяли живыми. Костя на БМД замкомбата, поднимая немыслимую пыль, догнал их, как пантера, скрутил, и бил потом этих двоих. Долго.

Они умерли.

Показалось движение, Дубин слетел в башню: метрах в ста, за деревьями, параллельно колонне бежал дух с АКМом. Дубин прицелился, но тут что-то... Орудие ударило об угол встречного дувала и развернуло башню, орудие ударило по десантному люку, а люк — по голове одного пацана в десанте. Проступила кровь, он отрубился. Дубин вылез на башню, блин, виноват, вот.

Корнеев долго тряс головою, придя в себя через минуту. Блин, вот тоже, мужику 23 года, отец троих детей, а то ж — молодой во взводе. Как человек попал...

Я не самый здесь последний идиот, подумал Дубин и вернул башню в нормальное положение.

Лица на стенах смотрели умно и зло, как по-доброму смотрел Лукич с портретов детства. Хотелось снять автомат с люка и каждому портрету в лоб. Пулю. Но это был не повод для стрельбы, и в рации — полная тишина, проехали.

Восьмая рота, взвод АГС и взвод связи прошли километров восемь по Баракам, без выстрела и разговоров. Дальше город, хотя городом назвать это огромное количество дувалов тоже было нельзя, делился сопками. Прямого проезда для техники то ли не было, то ли он был в другом месте. Дорога кончилась.

Седьмая рота осталась на въезде, во главе с замполитом батальона, который с самого начала операции и до самого конца её, так и не показал головы из своего БТРа. Чё-та со страхом был мужик.

Комбат же был на коне. Синкович, замкомбат, остался за старшего в расположении, и командовал всем этим комбат лично.

Давыдин, гад, нагрузил Дубина рацией (где этот взвод связи?), которая весила килограмм тыщу, вкуче с боезапасом патронов и гранат в РД, новоявленным чешским бронезишлетом, автоматом, нагрудником, ну, и там, панамой, шутка, шапка полагалась зимой — треух, всё это весило... много. Дотавив батальонную рацию на горку, где устроили импровизированный КП батальона, Дубин предстал перед комбатом, но ничего по-русски сказать не смог, глотая ртом воздух. Комбат по-отечески сказал: «вольно», и отпустил в горы. Уже вынуженный из башни, Дубин не смог вернуться обратно: группы строились и расходились по окрестным вершинам. Его засунули в одну из них, где он никого своих не узнавал, только пелена в глазах и вкус крови на зубах — кость белая, наводчик — не пехота. Он только заметил бедных АГС-овцев.

нами ложился в углубления, по которым рассредоточились и мы.

В ближайший для обзора дом, не дом — а крепость, километрах в трех, если не считать высоты, вошёл человек. С оглядкой вошёл. Потом ещё. Потом вошёл белый человек — похожий издали на тот портрет. Потом ещё и ещё. Они заходили, опасливо оглядываясь, — сходняк, явно, — подумал Дубин. Местных главных мужчин — все, похоже, были немолды.

Когда в небе вновь появилось солнце, поступил приказ сворачиваться. Царандой прочесал оцепленный участок, и — ничего. Двигаемся дальше. Уже близится вечер.

Спустились мы быстро. И легко, несмотря на крутость спуска. Но этот же крутой подъем был ужасен.

Дубин залез в башню как в дом родной. Повесив автомат на люк, он достал затаренный сухпай и жадно стал есть галеты. Потом открыл и тушёнку. Облизав остатки со стенок банки, расслабился.

Понос. Застарелый. Не прошло и ...

Бумаги, кроме обертки от галет и промасленной, из цинков от патронов, не было. Взял что есть. Бегом вниз.

Скрывшись от своих, сел прямо напротив большого дувала. В десяти мет-

Дима заорал, дергая за ногу: «Вон он, вон он — в подвальном окне!» Где? Вижу. Граната влетела прямо в окно, в окошко. Такой меткости Дубин от себя совсем не ожидал. Дима заорал, как на футбольном матче, — гол, ПОПАЛ!!!

Подъем был крутой, и тащить эту бандуру, даже в разобранном виде...

Потом, уже на вершине, он сквозь мутную, кровавую, затмевавшую глаза — как ее зовут, хренотень эту? — разглядел рядом Мазукина и Левика, понял, что не один тут из своих, а — вот и Давыдин лежит.

Поначалу не было понятно ничего: гора. Мы на этой горе. АГС собрали. Рядом снайпер рыщет. Но не Дима. Дима уже старшей сержант...

Через какое-то время Дубин оклемался и стал наблюдать вниз.

Позади осталась броня, впереди — бесконечные Бараки. То, что мы проехали, было только пригородом, хотя и дальше видны были лишь дувалы, город представлял собой огромное скопище дувалов, не более. Дувалы с садами и больше ничего. Возможно там, дальше, были другие строения, обозначавшие город, но холмистая, и даже гористая, местность всё скрывала.

В небе сгустились тучи. Слабо посыпал снег. Стало мокро. Снег проплещи-

рах. Полегчало. Там, в дувале, никого быть не должно. Царандой же всё прочесал.

Медленно поднимаясь вверх, Дубин релаксировал (слово из будущего). Было хорошо — по-русски говоря. Понос отпустил. Весь вышел.

Он медленно залез в башню и снял автомат с люка, что-то показалось... В дувале этом. Как будто — глаза.

Дима спал на месте водителя. Мазукин и Левик — в десанте. Давыдин отсутствовал, как, впрочем, и несколько бойцов. Дубин посмотрел на остатки сухпая. В коробке. И проверил электропривод подачи гранат. Поводил пушкой вверх-вниз. Посмотрел в прицел. Всё работало. Давешний инцидент внушал тревогу, но, видимо, напрасно.

Первая пуля, как и положено, убила. Смертью храбрых, убитый прямо в лоб, пал солдат взвода АГС. Не прошло и трех минут с того момента, как Дубин, избавившись от поноса, надел штаны. Пожалели что ль... Духи. Его...

Огонь, и очень плотный, вёлся именно из этого дувала. Да он и был ближе всех к нашим позициям.

Дубин, как ждал, немедленно вставил гранату, и, почти не целясь, стрельнул в стену. Следующая полетела уже на крышу, где мелькнула чья-то тень. Следующая, следующая, следующая, Дубин развернул башню — сзади стоял ЗИЛ связистов, на всякий случай полил из пулемета по окрестным домам, но там всё было тихо, и он заметил, как к машине медленно ползет замполит роты Давыдин, и поразился за него. Туша жирная — работай, давай!

Дима заорал, дергая за ногу: «Вон он, вон он — в подвальном окне!» Где? Вижу. Граната влетела прямо в окно, в окошко. Такой меткости Дубин от себя совсем не ожидал. Дима заорал, как на футбольном матче, — гол, ПОПАЛ!!! Давыдин уже сидел, прибитый, на своём командирском месте.

Повернул башню на своих — все вроде на месте, никто не подбит — через прицел, долбим дальше.

А — ВОТ ЕЩЕ ОДНОГО.

Азарт боя убил страх напрочь.

ОТХОДИМ — в шлеме. Комбат со своей шарогой, наконец, свернулся. Кто тащил эту рацию взад?! Бедолага.

Прошло минут 20 полного кайфа, ой, боя. Отделение целиком лежало в десанте, гранаты в системе подачи были на исходе — штук восемь осталось. Первой двинулась БТРД минометного взвода нашей роты, которая вползла на позицию последней при входе.

Дух, весь в чёрном, выскочил прямо на дорогу, побежал за ней, ху***л им в мотор из гранатомета и упал, убитый.

Граната разорвала поднятый десантный люк, но пролетела сквозняком, никого особо не покалечив осколками.

Дальше двинулись все — назад, на въезд.

Хороший день, весёлый. Что-то верещал Давыдин, а Дубин водил пушкой по окрестностям. За рычагами остался Дима, что и к лучшему, сзади солдаты палили одиночными, механик скрылся в ногах.

Уже потемнело слегка. И вот погода — как стая бесов, взбунтовалась. Метель. Пурга. Ураган. Темень, наконец, полная — от жуткого снегопада. В прицеле — только белая пелена. Вдруг — вспышка, гранатомёт, Дубин сразу поймал источник вспышки и накрыл — вторая вспышка в прицеле.

— Ещё один, — доложил весело.

— Молодец! — вякнул Давыдин.

«А пошёл ты, — подумал Дубин, — козел».

Выползли на исходные. Сохраняя оставшиеся гранаты, стрелял только из пулемета. Тем более что преследовать нас особо и не старались.

Все окна крепости на въезде Дубин из своего пулемета тщательно искрошил, потом надоело. Тут Дима:

— О, гляди — вон они.

Развернув башню на 180 градусов, в наступившей почти полной темноте, Дубин смутно разглядел сопку, там наша «НОНА» — Самоходная Артиллерийская Установка, и метрах в ста пятидесяти от неё огонь из пулемета — да, видимо это был противник. Но определить расстояние не было никакой возможности.

— Дима, я в них не попаду. Далеко и высоко. Нереально, как бы своих не закосить.

Успокоиться пора.

3

— Дима! Я не попаду!

«НОНА» на горе подползала, отстреливаясь. Батальон сгруппировался в поле справа.

Тьма окутала Ершалаим. Только белый снег оттенял пространство вокруг.

Офицеры ушли на свой базар. Давыдин — тоже офицер, тоже ушёл. Что это было? Нас, как щенков выкинули взад, целую бригаду — у остальных, вроде, была та же история — по рации. И мы выкатились. Хотя, за собой Дубин чувствовал силу: я их поубивал!

А сам: тебя не убили, без оружия, пожалели. Что ль? Не стреляли в мудака

с поносом. Они люди, они человеки. Вот, история, понимаешь.

Чёрт.

Осташко — дембель из взвода АГС. Убит. В лоб. Все его чморили. Не дождался жизни. Я — почему опять жив?!

Матвеев.

Вот теперь Осташко.

Они что — умерли вместо меня?

Получается.

Зачем?

Зачем!!!

Бог?

А Матвеев. И Осташко.

Смуть в мозгу заменила азарт боя окончательно.

Тьма окутала Ершалаим.

Вернулся Давыдин. Ночуем в поле. Ничего начальство не решило. Заняли позиции посреди — в безопасном отдалении и от гор, и от домов, вкруговую.

Снег сыпался реже. Всё реже и реже. И сник. Поставив машину в поле, Дима стал распоряжаться ночлегом: расстелили тент БМДшный, на него положили бронжилеты, каски вместо подушек — пригодились, наконец, железяки ненужные, накрылись плащ-палатками. Дубин полз первым на пост — в башню.

Что такое?... Электропривод сдох! Включил тумблеры — и ничего. Ничего не работало. Гранаты, все шесть, оставшиеся, зависли в системе подачи — с той стороны не достать, прицел отсутствовал, всё плохо. И стрелять вручную неудобно, даже тяжело — из пулемета... А пушка осталась без гранат. Ужас! А коль ползут, гады? Высунул — все спят. Что делать? Кто виноват?

Это взбодрило. Два часа караула провел в поисках поломки, иногда оглядываясь вокруг. Хрен там. Перебило что ль где, пулей какой, аль тот угол виноват. Я что ль виноват, с тем духом... И не повоюешь теперь полноценно, дальше — цензурно разговаривал с собой. Замена — Корнеев.

— Витя, полный писец. Нихрена, Е....., Б....., П....., НАХ..., не работает.

Афганистан

Как башка? Ладно, залазь, крутить вручную — здесь. Это вверх-вниз, это влево-вправо. Пулеметом знаешь как, если вдруг курок на крутилке, вот он, тоже не работает? Ну, гляди — на заднице у него такая херня — в виде полусердца, гы, он заряжен, если что, дави на эту хрень. Всё, давай

Подняв голову с каски наутро, первое, что увидел — проехавший мимо БТР с Арутюновым. Сержант из первого взвода, армянин из Баку, был ранен. В руку. Легко. И остался — не поехал в госпиталь. Отказался, перевязанный. Герой! Тут же стал кандидатом в члены, замполит батальона, шугаясь, лично вылез из своей машины — сказать.

Хотя, в боевом плане этот жест никакого значения не имел. В батальоне убит был только Осташко — тем, первым выстрелом — были раненые и ушибленные, но, немного. Если вспомнить вчерашнее — потери никакие. Дубин вечером, поливая окна из пулемета, когда уже надоело это делать, и появилась возможность соображать, думал, что положили тут немало. Ан, нет. Метель спасла, похоже. Ураган тот не дал моджахедам организовать еще более крутой отпор.

Все встали.

Что дальше?

Собрали бронежилеты, свернули тент. Каски покидали в машину — под ноги. Что дальше?

Что дальше?

Ничего. Ждем. Подвезли завтрак.

Седьмая рота дернулась куда-то. На что-то навалились. Постреляли — вернулись.

Бригада вдалеке тоже лезла в дыры. Наверное, они это называли «разведка боем». Эти стратеги. Все уже было понятно. Нас окунули рылом в дерьмо. И армия, и духи — совместно. Одну бригаду — да на Бараки...

Подвезли обед.

Подвезли боекомплект. Хотя пушка теперь не бесполезна. Набрал гранат полную башню.

Начальство чё-та суетилось — передвигалось на своих машинах. Мы, как стояли, так и стоим.

Подвезли ужин

Опять та же ночёвка. Достали спальные принадлежности — тент, бронежилеты, каски, плащ-палатки.

Подъем — ни свет, ни заря.

Поехали.

Назад. План провалился. Снова движемся на Кабул.

10 афганцев поменял на три жвачки у бачи в Майданшахре на выезде. Кабул обогнули на сей раз по окраинам. Стратеги хреновы. Кинули бригаду в дерьмо. Бараки взять — бригадой?! С царандоем, правда. Да, что с него взять, убогого.

Проехали мимо инфекции, мимо кабульского аэродрома, вышли на дорогу.

Вот уже Мухамед-Ага. Зелёнка пошла.

Началось.

Обстреливали без перерыва. Они издевались. Дима вылез из башни — он сел наводчиком: как стрелять?

— Чуть выше.

— Ага.

— Пушку подыми!

— Ага.

Прицел сдох. Из автомата — говно. Хорош АКС, но поди — достреляйся. Так, смешно. Все палят, конечно, но больше для массовости. В зеленку палим, в ответ. Чё встали?

Мины.

Мины уже не убрали. Только обозначили. Их было так много, как никогда. Вот, из-под правой гусеницы вылезла итальянка, вот другая — из-под левой. Чё-та рвануло впереди.

Колонна шла, как не домой. Духи обкладывали отовсюду — только что издали, прикалывались.

Встречали.

Вот уже ориентир Школа. Разрушенное, двухэтажное здание. Дома?

Дома.

Вон он дом, километров десять осталось. Уже стемнело — зима.

Башня танка — ещё ориентир. Башня разорванного на куски танка.

Почти приехали.

Опять.

Опять.

Да они охерели.

О, батальон уже виден.

Приехали.

Фу.

ОНИ МЕНЯ НЕ УБИЛИ.

Лежал бы — в поносе. Без штанов. Дубин в красках представил свою несостоявшуюся, нелепую смерть.

Что сказать... Спасибо, враги.

Вячеслав Немышев

Вячеслав Валерьевич Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал фотокорреспондентом в ведомственной газете Министерства Атомной промышленности, оператором на кабельном телевидении г. Электросталь Московской обл. С августа 2000 г. корреспондент НТВ программы «Забывший полк»; с марта 2001 — спецкор программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» (о контрабандниках-саперах в Грозном) для программы «Профессия репортер». С февраля 2005 по июль 2006 спецкор ГТРК «Россия» (Вести).

БУЧА

Дорогие читатели. В этом номере мы начинаем публиковать отрывки из повести известного военного журналиста Вячеслава Немышева «Буча», написанную по следам его чеченских командировок. Продолжение в следующих номерах.

Глава первая

Буча — шумный переполох, суматоха.

В. Даль

...Старлей Данилин ростом был невелик, голос имел не так чтобы сильно громкий, командовал он саперным взводом десантного батальона, у начальства числился на хорошем счету, солдаты его уважали — грамотный был старлей.

Как-то раз забуянил во взводе здоровяк Петька Калюжный. Петьке на дембель идти, меняться с передовой скоро: ему на «сохранении» положено быть — сидеть в окопе и дырку ковырять под орден. Петька и подпил с тоски да скуки.

Залет конкретный.

Петька попался старлею на глаза, тот его хват за отворот бушлата — принялся. Петька — герой! Он на гору с разведкой ходил, они сорок «духов» — в пух и прах! Петька и попер на старлея. Тут Данилин его и уделал, а как — никто и не заметил, будто так и было. Лежал Петька мордой в окопной луже и хлюпал разбитым носом.

— Знамов, — Данилин ткнул согнутым пальцем Бучу в центр груди, — бронжилет надеть. Оборзели?.. Этого убрать с глаз. Он у меня теперь до самой дембельской вертушки сортиры будет рыть.

Солдаты, кто был поблизости в окопе, притихли. Задние прячутся за передних, а этим деваться некуда — сопят, каски натягивают на лоб.

Свистят пули.

Река впереди, за рекой город Аргун. Лесочек градусов на семьдесят. Пригород. Домики одноэтажные. На отшибе заводик недостроенный — промзона. Оттуда, с нейтральной полосы, снайпер и бил...

На войне Иван научился копать. Война — это земляные работы «в полный рост».

Копали и сержанты, и лейтенанты.

На передке рота залегла и плотненько так долбит через речку — кроет, боеприпасов не жалеет. Другая рота долбит континент. Первым делом — ячейки. От ячеек — ходы сообщения. Головную роту сменяют — раненых, убитых заберут, — вторая выдвигается на передний край, а те, что отстрелялись, копать.

Вьется полотнище над позициями: небесного цвету, с парашютными стропами, изрешеченное, истерзанное ветром и пулями, развевается над холодной степью десантное знамя. Знамя — символ. Через три недели позиционных боев роту переодели в новое хэбэ, а знамя как было, так и осталось. Его даже из гранатометов «духи» били — дыры получались с кулак.

Смотрят солдаты — на месте знамя.

Глянет ротный, скажет — деревяшку-флагшток поменять. Не ровен час, рухнет, стыдоба тогда десантуре!

Петька Калюжный лазил менять.

Свистят пули...

Петька закрепил — слазить нужно, а он еще минуту покуражился. Пульки близко-близко засвистели. Скатился Петька в окоп, дышит, как паровоз, глаза безумные, матерится страшно:

— Я их маму имел, я их папу имел и гвоздик, на котором висит портрет ихнего дедушки, тоже имел! Эй, малой...

Петька всех, кто ниже его ростом, так звал, всю роту. Он же самым высоким был, на парадах красовался в первой шеренге. Петька — герой! Таких бабы любят.

— Слышь, Буча, давай пыхнем, мочи нет... — Петька черным ногтем потер под носом, мечтает вслух: — Приду домой, всех баб перетрахую... а потом начну с первой!

Иван протягивает Петьке папироску-косяк.

— Взрывавай. Спичка есть?

— Есть, — отвечает Петька и вдруг глаза вытупляет и страдальческим голосом просит:

— газету-у... Ой, приперло! Дай бумаги... давай быстрее, что ли. Ой, мама дорогая! — запричитал Петька, замаялся, затанцевал на месте.

— Засранец ты, — не то с укоризной, не то со смехом говорит ему Иван. Тебе рулона в день не хватает. Жрешь все подряд.

— Да че едим-то? — Петька приморщительно хохотнул. — Тушняк, да галеты. Днище пробивает не с обжорства, а с микробов...

— С каких это микробов? — удивился Буча.

— С этих самых, с местных. Тут их, прям, море... Я те отвечаю!

«Сральников» накопал Петька три штуки — это по тому залету. Данилин утром, когда Петька проспался, поставил ему задачу. Ямы должны быть глубокие, такие, что вся рота опорожнялась бы в течение года и все равно не смогла бы заполнить доверку.

За позициями роты был до войны не то хутор, может, ферма. От нее остался фундамент, да забора кусок высотой метра два. У этого забора Петька и пристроился с газеткой посидеть, уж больно ему надоели эти чертovy ямы — захотелось, как говорится, на природе.

Война, война, что ж ты, сука, всех без разбору?

Убило Петьку некрасиво. Петька — герой! Петька на гору с разведкой ходил! А ты его, сука, как последнего шелудивого пса...

Петька умер, сидя на корточках, со спущенными штанами и мятым тетрадным листком в руке. Пуля «в грудь» бросила его на бетонный забор, он завалился на спину, бесстыдно раскинув белые ноги.

Таким и нашли его.

Убитого отнесли туда, где коченел Бурмистров, где уже укрыло мягким снежком еще полдесятка «двухсотых». Буча прикрыл синюшное Петькино лицо солдатской шапкой; шнурки на ушанке развязались: одно серо-зеленое шерстяное ухо оттопырилось, и черная веревочка, измусоленная Петькиными пальцами, беспомощно болталась из стороны в сторону. Ветер принес колючие снежинки. Они таяли на Бучиных щеках, превращаясь в капельки: стекали к подбородку и с треугольного кончика его улетали вниз, в землю.

Чечня

За неделю снайпер из нейтральной полосы убил еще троих.

Данилин сидел в палатке на пустом снарядном ящике, водил фонариком по карте минных полей. Рядом горбился Буча.

— Да, вы меня тока отпустите. Я его вычислил. Я наблюдал. Он с того заводика работает. Не дух это. Он — профи, наемник. Я слышал про таких...

— Не гомони, людей разбудишь. Ну, ладно... Пойдешь вот здесь, — Данилин посетил на карту. — Смотри. Здесь и здесь два минных поля. Между ними проход полтора метра. Ориентир...

До темна шел снег.

К ночи ударил минус, землистый пластик прихватило, приморозило. Иван попробовал — продавил сапогом тонкий грязевой наст. Захрустел ледок.

Данилин протянул ему фляжку.

— На, Знамов. Бурмистрова. Спирт там.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант. Да вы не волнуйтесь. Срастется, — сказал Иван и кинулся через бруствер в черноту...

Конторка был в три этажа.

Поодаль чернела полоса забора. Иван разглядел подъемный кран, взрывом сложенный пополам, вроде, котлован с фундаментом. Забрался Иван на третий этаж, устроился так, чтобы лестница просматривалась. Слышно будет, если кто пойдет: в пустом помещении человек ступит — шаги отзовутся гулким эхом. Не пропустишь.

«Главное не уснуть, — думал Иван, — не уснуть...»

Сначала он замирал от каждого шороха, но скоро научился распознавать звуки. Ветер гудит в проходах меж окон — музыкально гудит как в трубе — то сильнее, то затихает вовсе; крысы, вроде, скребутся — шур, шур.

Артиллерия далеко забила. Содрогнулась контора — близко лег снаряд.

Иван вжал голову в плечи. Но больше не прилетало. «Ух, пронесло! Шальной...»

К рассвету он окончательно замерз. Глотнул из фляжки. Спирт почти не чувствовался, но внутри сразу потеплело, захотелось курить и спать. Достал сигарету, понюхал и убрал обратно. Подложив под зад кусок фанеры, устроившись удобней, чтобы спина не затекала, Иван принялся ждать дальше.

Вспомнилось ему...

Торжественный день первого боя был хмур, из неба сочился скудный дождь.

Длинные бестолковые очереди хлестали по колонне с окраины села.

Запомнил Иван в своем первом бою урчащие воздушные потоки слева и справа. А больше ничего не запомнил. Он выпустил бестолковую очередь, увидел как его пули, а может, чьи другие, вспучили шифер над красным кирпичом. Батальон так дружно

По-настоящему войну ощутили, когда батальон заходил в Грозный. Иван, когда вспоминал этот бой, не мог назвать улиц и площадей, но всегда удивлялся: как их всех в тот момент сразу не поубивало?

ответил из всех стволов, что бой закончился почти сразу.

За селом, в поле, там, откуда просматривались заретушированные туманом сельские околицы, колонна встала. Пока сержанты считали, а взводные докладывали ротным, солдаты, переведа дух, как по команде, зажурчали под колеса.

Закурили казенные Примы.

Солдатик круглолицый, розовощекий сдвинул на затылок каску и говорит радостно:

— Ё-мое, че думаю! Смотрите, чудеса какие. Война, ведь, ё-мое, а птички-то как поют!

Иван слушал и ухмылялся про себя. А взводный Данилин не смеется, серьезно так говорит:

— Дурак ты, Прянишкин! Это не птички пели, а пули свистели над твоею головой.

По-настоящему войну ощутили, когда батальон заходил в Грозный. Иван, когда вспоминал этот бой, не мог назвать улиц и площадей, но всегда удивлялся: как их всех в тот момент сразу не поубивало?

Десантники прыгали с бортов, рвали на себя холодные затворы автоматов, искали глазами противника. Вся площадь грохотала и взрывалась. Иван стрелял. Кончились патроны. Но ему казалось, что стрелял он мимо, и в какой-то момент стало ужасно обидно, что мимо. Дернул на себя затвор — заклинило автомат — ствол задымился. Вокруг

стали падать солдаты. Он подбежал к одному — тронул, к другому. Не видел лиц, но понимал, что убиты они. Рвало боекомплект в той самой грязнувшей бмдшке. Двое еще живых, обгоревших до неузнаваемости разведчиков корчились под гусеницами: как рыбы засыпающие, разевали красные рты без губ, скребли скрюченными черными пальцами.

За сожженной бмдшкой пристроился пулеметчик-ефрейтор, Мишка Дорничев из Подмоскovie. Второго номера убило. Ефрейтор отстегнул короб от пулемета, отбросил в сторону; вокруг пустые ленты змеями выются.

Взводный Данилин орет Ивану на ухо:

— Дорничева видишь? Бэка ему тащи, — и взглядом указал на второго номера, в руке у того коробка с лентами. — Позицию поменяйте. Я прикрою...

Иван схватил коробку с пулеметными лентами, чуть не с силой вырвал из окостенелых рук. Побежал через площадь. Зацокало по асфальту. Рухнул Иван под гусеницы, на Дорничева ноги. Дышит, дышит.

Ефрейтор от неожиданности, чуть не кинулся на Ивана, узнал, шмыгнул носом.

— Ленты? — ткнул грязным кулаком по коробке. — Куриво есть?

Перезарядили пулемет. Иван видит фигурки в конце улицы, у перекрестка. Дорничев та-да-дакнул разов пять в их сторону — сдуло фигурки. Но там, видно, засекли пулеметчика. Из гранатомета дали залп: первый — мимо, второй — прямехонько по машине. У Ивана звон в голове.

Он ефрейтора по спине лапанул, у того кровь из ушей струйками. Подхватил Иван ефрейтора. Только они поднялись, дернулись бежать, тут Дорничев как охнет, и сразу ноги у него подкосились.

Иван его за ворот тащит, не останавливается. Ефрейтор тихо так, тихо, Иван удивился, как он еще расслышал, говорит:

— Убило меня... — застонал, — мы-ы... не больно... ног не чувствую...

— Пулемет брось, брось!

Дорничев сознание теряет, но в пулемет вцепился, так что ладонь прикипела к горячему стволу, а он уж боли не чувствует, только мясом горелым пахнет.

— Ты, что?.. Я ж расписывался за него. А сдавать, когда на дембель... сдавать...

Бредит ефрейтор. Иван дотащил его, упал рядом. Шупает себя по бокам — не ранен он, не ранен! Везет ему как черту, как ста чертам!

Бушлаты, бушлаты вокруг. Свои! Лица, рты черные, глаза из-под касок...

Часа через два жестокого боя к окруженным и истекающим кровью десантникам провалилась родная пехотная мабута. Стали грузить раненых. Подкатили два бэтера. Наводчики ливанули крупным калибром во все стороны. Утих бой на время. В бою Иван то терял слух, то снова слышал рваные крики, команды:

— Мать... е... возьми этого...

Данилин, Данилин... на месте командир. Взводный машет ему — помощи! Вдвоем они подхватили раненого. Вдруг толкнуло Ивана, — раненого выпустил, почувствовал, что по лицу потекло у него. Но к удивлению своему не падал Иван, не подкашивались ноги. Он снова потянулся к истерзанному осколками бушлату. Тут и заревел Данилин:

— Все... все, брось... да не держи, брось, говорю... убить.

Пуля попала раненому в голову, разможило лицо. Кровью и забрызгало их. Данилин пригнулся, Ивану показывает, чтобы назад отползла.

— Теперь подождешь, торопиться тебе некуда, некуда... — бормочет Данилин.

Остаток дня эвакуировали раненых; на следующий — воевалось уже, как обычно. Вспомнить Буча остальные дни по отдельности не мог, как ни пытался: все одинаково было — одинаково, как на войне.

К вечеру сильно похолодало. Снег больше не шел. В оконных провалах синело небо. Ветер гудел — подлый ветер — все остальные звуки глушил. Днем сильно стреляли, к вечеру, будто отдыхать народ разошелся. Тишина, только: вуу... вуу-оо-ыи!

Иван ворот поднял, фляжку нащупал в кармане.

Эх, погорячились они с Данилиным. Надо было хоть день выспаться. Неделю, две — все время, что они стояли на позициях, спали так — урывками. Оттого голова тяжелая, глаза, будто песка в них насыпали. Дрожит Иван от холода: зубами стучит — так стучит, что слышно всему городу, да что там городу, всему миру! Сунул он меж зубов платок, стиснул зубы. Фляжку шупал, шупал — холодная фляжка, ледяная. Стал он

проваливаться в черноту, внутрь себя: будто затягивало, засасывало его тягучей дремой.

Лопухи, лопухи кругом... Странно — зима, а зелено вокруг. Иван сообразил — сон это. Опять, опять! Надо бы очнуться. Но он знает, что это всего на минутку. Чего случится, если он посмотрит сон всего минутку и снова станет ждать — ничего ж?

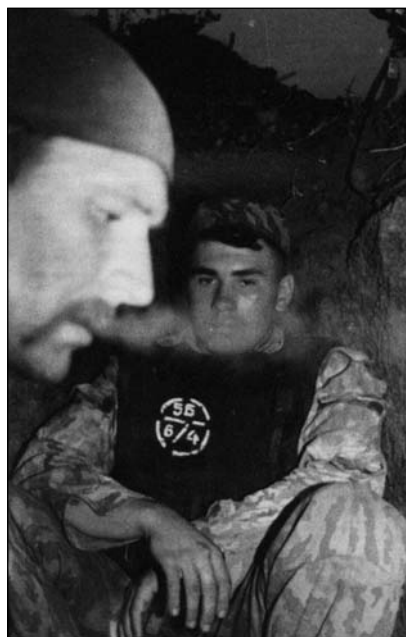
Холодный сон...

Сидит Иван в лопухах и курит. Лет ему десять. Смешно. А дело серьезное происходит в его жизни. Оно ведь как? Пацаны, дружки его, курили — пробовали уж, а он боялся отца. Узнает — запорот насмерть. Крут отец у него. И будто бы уехали родители из дома, остался он один. Папирсы отец не прятал, Иван знал — они или в серванте на кухне, или под скатеркой в столе. Достал себе папирску. Закурил. Дымок идет, огонек виден, а не пахнет. Думает Иван — правильно, что не пахнет, а то учует отец. Беда будет тогда. Вдруг тень над лопухами — Иван голову вжал в плечи, папирску прячет.

Отец черной тучей склонился над стриженной Ванькиной головой: лицо злое, рот открывает, говорит что-то, только слов не слышно, в руках у отца солдатский ремень с медной звездой. Отец ремнем трясет, шелкает как бичом. Иван ни жив, ни мертв. И звук от ремня — донн, донн...

Проснулся Иван.

Попшевелиться не может: так замерз, что ног, рук не чувствует. Тишина вроде, но вдруг слышит голоса, где-то внизу переговариваются. «Надо поспать перед выходом хоть часа три, надо было... Пришел стрелок долбаный. С эсведехи бьет, как я и думал». И вдруг нашло на Ивана такое верное, неудержимое, — когда знаешь, что все получится, что твой верх сегодня будет, что тебе нынче повезет, а не врагу твоему.

— Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить... Да, плевать! Как ста чертям везет, как тысячам!! Не бзди, Петюня, шас я его укатаю за тебя, за пацанов!

И укатал он...

Левее от того места, где сидел Иван, была дыра в полу — здоровенная дыра. Снарядом разворотило перекрытие на третьем этаже. Оттуда — из провала и доносились голоса.

Ах ты, ветер ветерок, вовремя задул, в самый раз. Гудишь себе и гуди. Как в трубе — ауууу! Там внизу не ждут, не чувят...

Иван вытянул фляжку и влил в рот горячего, обжигающего. Отпустило. Побежала кровь по венам. Сжал Иван кулаки, а когда разжал, сразу и решил, как действовать. Времени на раздумья не было у него. Иван пощупал себя по груди. Молодец он — все железное снял заранее, рядом положил. С насиженной фанерки завалился он на бок, автомат держит на весу. И пополз. Ползет — по миллиметрию вперед продвигается. Сумерки только начинали стучаться: бледнеет вечер, но здесь, внутри пустого, холодного дома, темень. Заглянул Иван вниз: стрелок у окна, второй в охране — сзади в трех шагах. Подумал, что на этажах могут и другие быть. Не было времени на раздумья. Он прицелился. Когда стрелок прильнул к окну, Иван плавно, как на стрельбище, нажал на курок.

— Тухх, — грохнул выстрел, и вслед один за другим: — тухх... тух-тух-тух!

Только в кино так бывает: смотришь в глаза своему врагу, выцеливаешь из себя слова, страшные слова проклятий, а потом холодный ствол направляешь прямо в лоб и стреляешь. Дрожит враг, страшно ему умирать. Вот она расплата — сладкая, желанная месть! Только не было у Ивана времени. Первая пуля досталась тому, кто допозился сзади, — тот как куль сразу и повалился. Стрелок успел только головой дернуть, — вторым выстрелом разнесло ему позвоночник, аккуратно, попало между лопаток. Он захрипел и сполз на пол. Иван сверху делово, по очереди всадил в каждого еще по три пули, тогда только уронил автомат и ткнулся лицом себе в рукав.

Трясло его, колотило.

Он перевернулся на спину, достал из кармана флягу и все, что было в ней, остатки спирта, влил себе в рот. Попало на лицо, защищало расцарапанный нос.

Целая вечность прошла, Иван теперь знал, что такое вечность...

Он сидел на краю пролома и жадно курил. Тело согрелось, прояснилось в голове, даже жарко стало. Нужно было уходить, но Иван медлил.

Что-то случилось в мире...

Гудит ветер. Он стихнет, когда ночь раскидает по небу звезды, и луна прольет на землю свой мертвенный свет.

Первый раз он убил явно. Так близко лежал поверженный им враг, что не смог Иван сдержать желания увидеть его лица

Чечня

— лица убитого им человека. Еще трепетало где-то внутри его сердца. Он поджег вторую сигарету, докурил и эту, присел, перевернул к себе тело стрелка. Посветил Иван фонариком — чубчик белесый, серебряное кольцо в ухе. Глянул в мертвеющее лицо стрелка и сразу решил. Оттянул ворот его добротной куртки, — голова безвольно откинулась, глухо стукнувшись о бетон, — достал из ножен клинок с широким лезвием. Не раздумывая и не сомневаясь более, стал резать.

Замерло, екнуло сердце и снова ровно застучало в груди...

Он долго полз по снежной грязи.

Давил на шею автомат. Мешался и свалился все время в сторону, в бок рюкзак с добротными натовскими берцами и головой стрелка.

Скатился Иван в свой окоп, в глинистую грязь, вскочил — ноги подкосились.

Он сел, прислонившись спиной к холодной земляной стенке окопа. Его трогали за плечи, трясли, совали под нос фляжки, чиркали зажигалками. Он ничего не слышал и не видел — он снова оглох, как тогда, в первом своем смертельном бою.

Он был не пьян! Но он впервые в жизни ощутил себя мертвецки пьяным: так, что все понимал и думал беспрерывно, но сделай он шаг — и рухнет лицом в жижу под ногами, и не встанет, захлебнется в этой вонючей слизи...

Ивану выдали новое хэбэ и бушлат.

Ротный старшина ворчать стал: чего это солдату такое исключение, только ж меняли, три дня как! Данилин сказал, что по личному приказу командира батальона.

Солдаты катили голову по крышке снарядного ящика. Савва, Бучин дружок, веселый узкоглазый калмык говорит:

— Слышь, братан, дай я ухо отрежу — а? Нож тебе подарю, — он вертел перед Иваном трофейный клинок с кровостокком, кричал: — Буча — пацан! Пацан сказал — пацан сделал! Это этот, да... лыжник, финн?

— Иди, ты Савва, со своим ножом, — беззлобно посылал его Иван. — Прибалт это, дурья твоя башка, биатлонист.

— Э, брат, ты у него нашел деньги? Им, говорят, за нас платят долларами? Делись, да, — гогочет Савва.

— Ботинки я снял с него. Вон стоят. Добрые ботинки. Режь Савва... А ботинки на память себе возьму.

Они стояли на позициях еще три недели. Потери были, но незначительные. Скоро войска взяли Аргун.

В газетах писали, что война ненадолго: боевиков придавили на всех направлениях, и они хотят замириаться. Иван плохо разбирался в политике; к весне его сняли с передовой и отправили дослуживать в родную часть.

Перед отправкой позвал Ивана взводный Данилин. Иван вдруг заметил, что глаза у старлея голубые-голубые, небесного цвета — такие бывают у детей.

— Ты, вот что, Знамов... — Данилин задумался, будто собирался с мыслями. — Представить тебя решено к ордену.. — и вдруг совсем не по-военному, не по-уставному, просто, как друг и товарищ фронтовой, сказал: — Ты только помни, Буча, всегда помни! Озвереешь, не сможешь жить среди нормальных людей. Оставайся человеком даже здесь — на войне...

Старший лейтенант Данилин погиб за две недели до Ивановой демобилизации.

Когда ехал Иван надембельпро Данилина не думал и о словах его не вспоминал. Мечтал о бане — как затопит отец. Как на пасеку они с соседями Болотниковыми поедут, раков на Дон ловить. Вообще, о новой жизни думал.

А старое?

Что ж, отпустит потихоньку: молодой он — чего ему...

...

Как вернулся Иван домой, стали его расспрашивать про войну.

Иван — герой!

С материной работы приходили женщины, с отцовской — мужики-механизаторы. Подошьет народ и к Ивану — Расскажи, что ж там на самом деле было?

С мужиками понятней объясняться. Женщины, они что ж — сразу печалиться, плакать. Мужики по-деловому выпрашивают — все служивые в прошлом — про тактику, вооружение современное.

Хмельно Ивану — хорошо.

Но будто тяжесть какая внутри у него появилась, даже рукой провел по груди, словно хотел проверить, не забыл ли он

снять бронежилет. Одно время таскали бронники и днем, и ночью, так привык, что, когда скинул на первую после боев помывку, чуть не взлетел, такая легкость ощутилась.

Теперь же, наоборот, тянет и тянет...

За первый месяц после дембеля Иван «наел сала», как старший Болотников выражался, раздобыл, округлился в плечах. Попьянствовал пару дней — надоело. Стал с отцом копать в делах, хозяйстве: руки мозолями ободрались — заросло, зарубцевалось быстро.

Жорка, младший, почти догнал Ивана в росте.

Худющий.

Не спросилось у них. Жорке с братом бы потолкаться, поспорить о том, о сем. Старший же, да солдат-воин! Сторонился младшего Ивана.

Надумал себе чего-то там Жорка — отстал, затаил на брата обиду.

Так они и жили — каждый о своем. Только за столом и сидели рядом. Мать льет с половника одному, другому, вздыхает про себя.

К концу октября пришла на Жоркино имя повестка из военкомата.

Ивану — орден.

Иван вспомнил Данилина: «Значит, дошло представление, дошло... через три года».

Гуляли сразу и за орден, и что младший уходил на службу. На проводах собралось полсела. Отцу все говорили — сыновья у тебя — орлы! Отец принял «граненую», расчувствовался — одной рукой тянет к ключочке щеки Ивана, другой Жорку за костяки на плечах мнет. Тот еще вытянулся, но худой был, не рос вишь.

— Ах, сынули, и я, и дед наш, покойник... служили мы честно. Прадед в казаках

воевал... у Деникина!

— Бать, ты ж говорил, у Буденного, — Иван прячет улыбку.

— Это потом... а сначала у Деникина!..

Эх, сынули, да какая разница... все мы казачьего племени. Эх, да по До-ону.. да казачина-аа маладо-ой... — запел отец. — Да шашечка булатная... да коник вороно-ой...

Ушла молодежь в солдаты.

Вскорости пришло письмо, но не от Жорки, а от товарища, с которым их должны были направить в одну команду. Прибежала его мать, письмом трясет:

— Гляньте, чего пишет...

Писал ее сын, что служит он на границе в Карелии, озеро рядом большое, чухонцы местные.

— Не то все. Вот про вашего, — и читает: — «Жорка Знамов от нас отстал, увязался на

сборном пункте за каким-то офицером, говорят, что напросился в Дагестан, вроде, тоже на границу. А еще сильно хочется спать...»

Потом уж Жорка и сам написал. Писал, что красиво вокруг — горы, пастбища, леса. Небо как будто над самой головой, а когда дождь, гроза, страшно с непривычки — молнии близко сверкают, грохочет. «Служу нормально, как все, — писал Жорка, в конце передавал приветы, брату Ивану особенно.

Почти год отслужил Жорка к тому времени, когда в августе девяносто девятого боевики напали на Дагестан.

Больше от Жорки Знамова писем не было...

Писала мать и в часть, где он служил, в военкомат. Отвечали ей, что сведений нет, данные уточняются. Смотрели они с отцом новости, там, где говорилось о боевых действиях, потом перечитывали Жоркины письма.

День был, солнце было, ветер был.

Обычный день...

Дома вроде тишина, только часы тикают.

Иван с города приехал, бросил сумку в угол, нагнулся к рукояйнику лица с дороги ополоснуть. Слышит голоса, вроде вскрипы. Кран не закрыл, рукавом стер воду с лица и пошел в комнаты.

Мать лежит на диване. Отец у телефона.

— Скорая... восьмой дом. Знамовы... приезжайте... сердце.

Иван закрутил желваками — зубы хрустнули, раскрошились... как тогда под Аргуном, будто снова ползти ему через мины, по хрусткому насту.

Отец смотрит жалким испуганным взглядом. Иван никогда не видел его таким. Отец — кремь, а тут...

— Там, на столе, кассета...

Иван не понял.

— Что, батя, какая кассета?.. Письмо пришло, про Жорку сообщили?

— Кассета, кассета... — только и смог выговорить отец. — В аптечке лекарство...

Мать увезли в больницу. Отец уехал вместе с ней. Остался Иван дома один. Подумал, что надо бы сообщить сестрам.

Обе жили в Степном со своими семьями. Он уже поднял телефонную трубку, но увидел на столе кассету: обыкновенная кассета — черного пластика, видеоманитонная.

Сначала ничего не было видно — серое поле на экране. Иван догадался — надо перемотать. Нажал кнопку, подождит и включил на изображение... и отскочил

от телевизора, словно ошпарился а горячее, обожгло огнем живым! Уши оттопыренные, лоб крутой, затылок стриженный. Кадыка нет, по кадыку сталь, широкий нож — туда-сюда, туда-сюда! Хруст! И красное брызжет, струями течет. В полэкрана — крупно было снято — так, что все можно рассмотреть: рука волосатая, нож в руке и глаза зажмуренные насмерть. Жоркины глаза!

Заметался Иван.

На столе стаканы, лекарство. Сшиб ногой, звякнуло стеклянное; рванул он из комнаты на улицу. Стоит на крыльце, дрожь его лупит: трясется руки, как от пулемета грохочущего. Шарит по карманам — курить, курить!

У Болотниковых он выпил залпом стакан водки. Ничего не объясняя, снова налил трясущимися руками. Опрокинул...

Когда Иван уронил голову на стол, Витька с Игорем подхватили под мышки обмякшее тело. Вдвоем оттащили его на кровать. Уснул Иван, забылся мертвецки пьяным сном, не как тогда — в сыром окопе — по-настоящему.

В пустом доме Знамовых старший Болотников один сидел перед телевизором. Иван, пока тащили его, что-то бормотал невнятное. Игорь понял, что есть кассета, а на кассете снято как режут брата Жорку. Записи было минут тридцать. Действо происходило на широкой поляне, вдали, на задних планах, виднелись деревья, дальше пологие, покрытые лесом, горы. Снято было неумело, но откровенно. По поляне снуют бородачи. Картинно поднимают автоматы, стреляют в воздух. Летят гильзы. Слышатся голоса: «Аллаху-у... акба-апп! Алла-аху!»

Смотрит Игорь.

Четверо лежат на земле со связанными за спиной руками. Бородач схватил крайнего, оттащил на пару метров, вынул нож с широким плоским лезвием.

Мальчишка-солдат в защитной выцветшей хэбшке только ногами засучив, когда бородач вдруг с силой, осклавившись во весь рот, воткнул ему нож сбоку в горло. Брызнула кровь алым фонтаном. Перерезав

шею, бородач потряс окровавленным клинком. Потом так же второго, третьего...

Последним был Жорка Знамов.

Жорка не умирал дольше всех. Он, уж с перерезанным горлом, подогнул под себя колени, вскочил на ноги, но повалился вбок, долго бился в агонии. Бородач что-то сказал на своем языке другому, такому же черному, небритому, опоясанному пулеметными лентами. Оба захохотали.

Тогда тот, второй, наступил Жорке ногою на хлипкую дрожавшую грудь и пригвоздил его выстрелом из автомата.

— Пожалел, сука... — процедил Болота.

Иван проснулся глубокой ночью.

Открыл глаза и некоторое время вглядывался в темноту вокруг себя. Сел на кровати. Закружилось. Он поднялся, тихо, стараясь не разбудить никого в доме, стал пробираться к выходу.

На кухне горел свет.

Отец набил пепельницу Беломором, увидев Ивана, потянулся к пачке.

— Откуда кассета? — глухо спросил Иван. — Мать что?

Отец сильно осунулся: заметно было, как вытянулось его лицо, посерело под глазами.

Пахло водкой. Стакан на столе. Спички горелые.

— В город увезли. Инфаркт. Подозрение... Вот так сынок, не уберег господь, — отец глянул с тусклой надеждой в глазах. — Может не он это — а?

— Он, батя. Откуда кассета?

— Откуда... Да принесли бандероль с почты. Маруська, Болотниковых мать, и принесла. Мимо, говорит, шла и захватила. Матери отдала. Я на дворе был... Она как давай кричать... посмотрела же сразу!

Иван присел на табурет к столу, заметил под ногами почтовую обертку. На обертке штамп, адрес написан от руки синими чернилами, число. На штампе прочитал: Махачкала, отправлено тогда-то. Машинально смял обертку, сунул в карман.

— Я на первой маршрутке поеду.

— Куда, сынок, куда? — отец испуганно посмотрел на него.

— Туда, батя... Видно, судьба, — задумчиво произнес Иван.

Хотел отец сказать, да не сказал, хотел водки налить — уронил тяжелую натруженную руку на столешницу. Рассыпалась под рукой пепельница.

Заплакал отец горячими мужскими слезами...

Покидав в дорожную сумку вещи, не попрощавшись с Болотниковыми, соседями, как рассвело, вышел Иван на шоссе, дождавшись первой маршрутки, забрался на переднее сиденье.

И поехал...

(Продолжение следует)

Александр Кравченко

Русский доброволец. Участвовал в войне в Югославии с 1992 по 1993 гг.

www.srpska.ru

ЗИМНИЙ ВОЗДУХ ВОЙНЫ

Редчайшая фотография. Одна из немногих, сохранившихся, с изображением Второго Русского Добровольческого Отряда... Это конец января 1993 года. На фотографии изображены майор Эдуард (слева, командир РДО с декабря 1992 года, десантник-афганец), Ас (в черной беретке), и Женья-одессит (крайний справа внизу в комбинезоне, в черной беретке). Эдуард, кавалер ордена «Красной звезды» и медали «За отвагу», стоит отметить, был одним из лучших, ярких командиров всего добровольческого движения, по окончании войны он вернулся к себе на родину в Петербург. Потом он еще принимал участие в боевых действиях на Косово. Жив-здоров, слава Богу. Женья-одессит попал к нам в конце ноября 1992 года, до этого занимался челночной торговлей. Познакомившись с нашими ребятами, бросил свой товар, оставил торговую деятельность, фактически до конца войны состоял в РДО. Честнейший, искренний человек. Он тоже вернулся на Родину. Ну а Ас — Александр Мухарев, личность легендарная во всех отношениях. Он был первым командиром отряда, назначенным еще в Москве. Проявил недюжинную храбрость и организаторские способности.

Фотография была сделана непосредственно перед отправкой в город Рудо. Для переброски была собрана целая колонна, в которую входили сербский и казачий отряды, РДО. Оружие, в том числе тяжелые минометы, уже было в грузовиках. Фотографировали нас сербы. У русских-то фотоаппаратов не было. В тот момент, совершенно неожиданно, мусульмане прорвали фронт в районе города Руда. Наш отряд тогда находился в Вышеграде, в городе Восточной Боснии. Действие на фотографии проходит именно там. Руда же находится намного южнее Вышеграда, в долине реки Лим, притока реки Дрина. Мусульмане прорвались на том участке фронта, захватили большое количество трофеев. Было много убитых. Руководство бригады из города Рудо обратилось к вышеградской бригаде с прось-

бой о помощи. Оперативно было принято решение о переброске нашего отряда (2 РДО — Русский Добровольческий Отряд) и сербских частей на фронт. Погрузились в грузовики, прямого сообщения через территорию сербской республики не было. Пришлось ехать в обход, через города Ужица и Прибой, которые находились на территории Большой Сербии. С той стороны были отряды зеленых беретов, довольно хорошо подготовленные. Сербь располагались на очень сложной местности, это было их большой ошибкой. Шла дорога серпантинного типа, с одной стороны крутые, почти отвесные, горы, с другой — резкий обрыв над рекой Лим. Сама дорога была пробита сквозь горы, в тоннелях. Тоннели были опорными пунктами обороны сербов. Мусульмане прошли поверху по горам,

на одном участке спустились вниз и тем самым перекрыли дорогу целой группе сербов, начали их методично истреблять. Была паника: многие погибли, пытаясь прыгать, многие просто сдались в плен. Трофеи у мусульман были очень богаты: несколько 155-мм орудий, зенитная установка «Прага», множество боеприпасов. Получив их, мусульмане практически сразу ушли. Мы поднялись на горные кручи и пошли по ним, мусульмане вяло отстреливались и отступали...

Сейчас смотрю на эту фотографию... что я чувствую? Чувствую чистый воздух, бодрящий зимний воздух войны. Вижу опять синие горы вдаль... и чувствую запах того времени, запах военного Вышеграда.

Илья Плеханов

http://artofwar/p/plehanov_i_s/

КРЕСТ РУССКИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ

Так случилось, что летом 2002 года я впервые проездом оказался в Армави́ре. Сразу после страшного наводнения, которое чуть не затопило сам город и разрушило его окрестности. Вода только ушла, устоявшие дома по окнам вязнут в толще грязи. Многим хозяевам не повезло: их дома разворотило или просто унесло. В станице много грязных и перепуганных людей. Они ковыряются в жиже, ищут уцелевшие пожитки. Слез нет. За трое страшных суток выплакали. По данным МЧС, в Краснодарском крае погибло тогда шесть человек, причём некоторые от разрыва сердца. Везде видны следы бедствия. Поваленные деревья, полуразрушенный мост. На холме развёрнут военный госпиталь, там принимают раненых. Много людей в форме, «скорые». Стоят полевые кухни, военные кормят людей. Замечаю и БТРы, которые эвакуировали станичников. По словам местных жителей, 14-тонные БТРы сносило течением, как щепки. Мутная Кубань до сих пор ревет у Старой Станицы, где проживает около пяти тысяч жителей. Не так далеко от города расположен военный аэродром, там обучают лётчиков. То и дело в воздухе с грохотом проносятся Су-25. Ощущение такое, что находишься в зоне боевых действий.

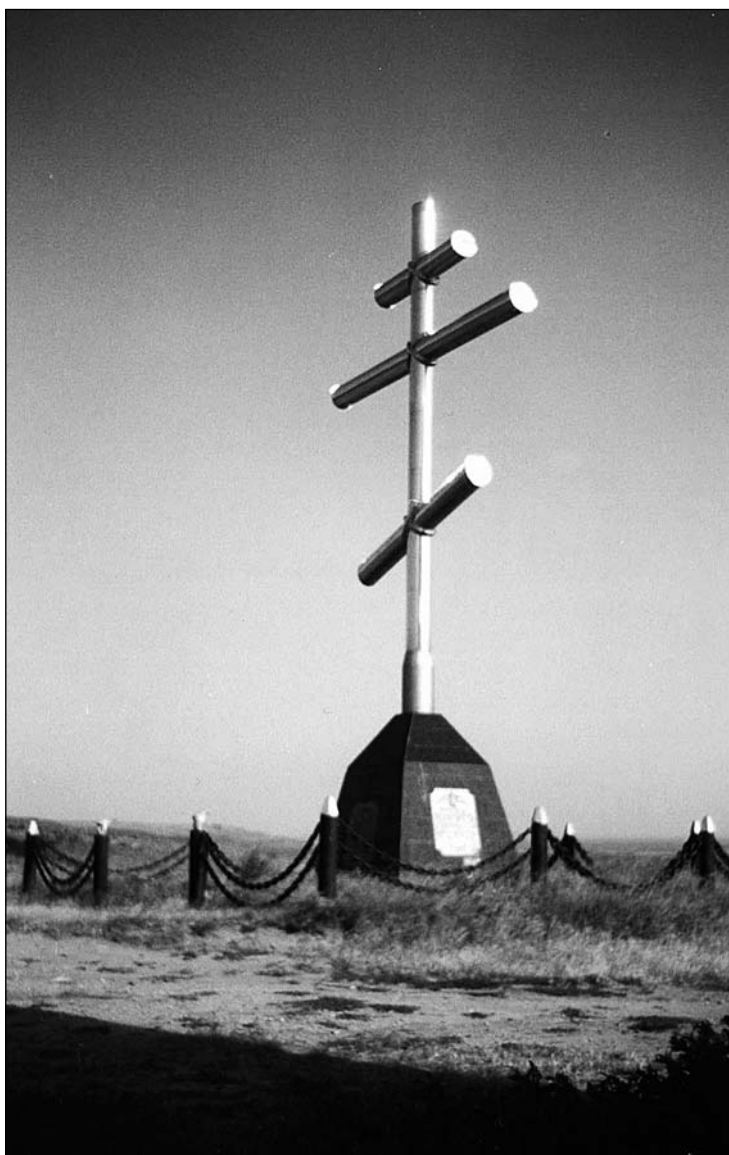
Вдруг что-то слепит мне глаз. Какой-то блик. Я отрываю взгляд от разрушений, от земли и

людей и вижу гигантский золотой крест на горе над Старой Станицей. Глазам своим не верю. Смотрится сюрреалистично. Спрашиваю у местных, что это. Говорят, что это крест строящегося мужского монастыря Александра Невского. Я решаю подняться на гору. Сказано — сделано.

Через минут сорок я оказываюсь у креста. Открывшаяся картина становится ещё более фантастической. Стоит строящаяся каменная часовня, а вокруг собрана советская военная техника. Артиллерийские пушки, зенитные комплексы, ракеты! И чуть в стороне, ближе к краю горы, возвышается огромный позолоченный крест. Вера и оружие вместе. Я подошёл к кресту, и сердце моё ёкнуло. На одной из четырёх сторон на памятной плите написано: «Посвящается погибшим в Югославии русским добровольцам». Не может быть! Здесь, в России, на малоизвестной южной горке помнят наших добровольцев! И по сей день, скорее всего, это остаётся единственным памятником, посвящённым добровольно поехавшим помогать сербам в 1991-2000 гг. в Югославию русским людям.

Я спустился вниз, в станицу. За очень большие деньги купил у местного жителя бутылку водки и дефицитный чёрный хлеб. Поднялся обратно к кресту. Выполнил вокруг него сорняки, очистил площадку, убрался. Налил полный стакан, поставил рядом с основанием и положил сверху кусок хлеба. Помянул погибших братьев. Надо мной вдруг вскрикнул пролетающий высоко в небе орёл...

А потом ещё долго я смотрел сверху на закатную панораму Армави́ра и на разрушенную станицу, на людей и военных, которые восстанавливали жизнь...

Александр Крылов

Доброволец.

Участвовал: Приднестровье, Югославия

http://artofwar.ru/k/krylow_a_e/

НЕТ, В ПАЛЕ ДАВНО УЖ...

Нет, в Пале давно уж не летний курорт,
Туристов там нет — есть солдаты.
И кладбищем стал бывший теннисный корт,
Где наши остались ребята.
А каждый отель — лазарет или штаб,
Казарма или просто руины...
Так, в жизни, порой, наступает этап,
Когда мы пред Богом едины!
Я помню, отель назывался «Коран»
По окнам — полоски бумаги...
В нём госпиталь был. И стонали от ран
Мальчишки. А проще — салаги
Один всё шептал, задыхаясь в бреду:
«Помози, помози мати, Русия!»
Но голос солдата, что умер к утру,
Услышишь ли ты, земля русская?
Ведь с сербами рядом на разных фронтах
Дрались сыновья твои тоже...
И русские их имена на крестах
Земле той, наверно, дороже!
Но мы «Мати-Русия» в себе сохраним,
Как память мальчишки-солдата...
Он умер от ран. И салютом над ним
Гремела в горах канонада.

1994 г.

Илья Плеханов

Салют, Сашок, салют! Ну, как там ты?
Прошло двенадцать лет,
И вот на дне моей пробитой головы
Скопился нужный конденсат чернил.
А может, всё же Бог меня простил?
Я не забыл, поверь, я не забыл.

Давно хотел тебя спросить:
Сашок, тебе в раю вернули ногу?
Там разрешают видеть сны?
А наливают с гулькин нос или помногу?
У нас всё так же — ложь и грязь, война.
А впрочем, ты, уверен, сам всё знаешь,
Отсюда к вам не иссякла река.
Ребят наверняка ты там встречаешь?

А помнишь, как колонну МИГ-и жгли,
Хорваты нас и сербов убивали,
И ангелы, хрипя, не успевали
Души погибших нагружать в свои ЗИЛ-ы?
А помнишь, Саня, тот дождливый день?
Канадский миротворец пролетел,
Подброшенный взрывной волной, по небу,
И удивлённый взгляд застекленел...
А в пять утра добротный артобстрел?
А море разноцветных беженцев к обеду?

Нас не поймут «афганцы» и «чеченцы».
У них призыв-приказ-долг-злые дали,
А мы с тобой свободно выбирали.
На что мы шли — мы точно знали.
Им не понять, за что же за Дунаем,
На рубежах чужой для них войны
Ребята из России погибали.
Мы чудики для них, Сашок,
А кое для кого и мудаки.

Ну ладно, всё, Сашок, бывай!
 Тут что-то холодно становится опять.
 Ты, это, небо там топить не забывай,
 Чего-нибудь «за встречу» найди,
 И не скучай, и не грусти.
 Придём — расскажем всё.
 Давай!

**Юрий
Твардовский**

*Подполковник.
 Участвовал: Чечня*

Мне часто снится мой последний бой,
 Пусть на войне не любят это слово...
 И тот солдат, что закрывал собой —
 Он, как тогда, готов погибнуть снова.
 Упал мальчишка белый, словно снег,
 Он не кричал, не плакал, не ругался...
 Он умирает в каждом моем сне,
 Чтоб в каждом моем сне я жив остался...
 Я знаю, многих вынесли потом,
 Я ж сухожилья рвал, его цепляя...
 И в тот момент я думал лишь о нем,
 В дымящую воронку отползая.
 Опять мой сон уносит меня в бой,
 И всякий раз я так хочу проснуться...
 «Братишка, все нормально, ты живой...
 Теперь остался лишь пустяк — вернуться.
 А что в крови? — Так это ничего...
 Где только, брат, не пропадала наша?..»
 «Как звать тебя? — спросил я у него,
 И, умирая, прошептал он: «Саша»...

**Евгений
Попов**

*Полковник.
 Участвовал: Чечня*

ГОЛОС ТИШИНЫ

... А ко мне, как невеста, пришла тишина.
 Только ей, дорогой, расскажу я про это:
 Для меня не окончена злая война,
 Лишь на время умолкли орудия где-то.

Сердце носит рубцы от невидимых ран.
 На войне мы стареем душой очень быстро —
 Через месяц-другой ты уже ветеран,
 Если грудью в бою не нарвался на выстрел.

Что сказать про Чечню? В этот холод и смрад
 Мы врывались по горло, по самую душу.
 И глотали, как спирт, боль и горечь утрат,
 Помня тех, кто ушёл, тишину не дослушав.

Что сказать вам еще? Там такая весна —
 Разукрасит весь мир разноцветной пастелью,
 Но Чеченской земле не оставит она
 Драгоценных семян, щедро брошенных в землю.

Полусон-полуявь не оставит теперь.
 Не могу я забыться. Мой сон разгулялся.
 Наш разведчик шагнул в приоткрытую дверь,
 А вернуться не смог: в темноте затерялся.

И над полем печально скорбит тишина —
 Это павших зовет к себе теплое лето...
 Для меня не окончилась эта война,
 Лишь на время умолкли орудия где-то...

Владислав Шурыгин

Сербский С-300

Летом 98-го на меня вышли мои знакомцы сербы, с которыми я сдружился, воюя в 1995 году добровольцем в Краине. К этому моменту они уже занимали высокие должности в сербском Генштабе. Уже было понятно, что Югославия назначена военной целью НАТО, и изменить уже ничего нельзя. По данным разведки война должна была начаться в декабре-январе, когда в Югославии минимум зелени, и в горах лежит снег. Нужно было как-то оттянуть начало войны. Понятное дело, за работу взялись дипломаты и политики. Начались всякого рода переговоры и встречи. Но среди всех мероприятий было и несколько военно-демонстрационных шагов. Сербам надо было продемонстрировать свою боеготовность и решимость сражаться до конца. Начались всевозможные учения, пропагандистские выезды журналистов в югославскую армию. Тогда у меня и мелькнула мысль: а что, если «вооружить» сербов новейшим зенитно-ракетным комплексом С-300? Когда на ближайшей встрече я кинул сербам эту идею, они слегка опешили - такой вариант у них не возникал даже в самых безумных фантазиях. Хотя тема С-300 тогда была едва ли не самой злободневной. С-300 считался неким

«вундерваффе», способным в одиночку выиграть войну. Но купить его у России Югославия так и не решилась, хотя, отдав должное тогдашнему руководству страны и лично Примакову, такое политическое решение Россией было принято.

...Естественно, возник закономерный вопрос — как это сделать физически? У сербов С-300 не было, он был тогда только у России. Но как завести сербов в закрытую режимную часть, что бы сфотографировать их на технике? Идея родилась быстро — нужно просто переправить в Москву несколько комплектов сербской формы, и уже здесь я брался провести эту постановку. Не буду раскрывать всех перипетий с получением разрешения на работу в одном из подмосковных зенитно-ракетных полков С-300, скажу только, что мне сильно помогло то, что я почти семь лет отработал в газете Московского округа ПВО. В итоге, в первых числах сентября наша машина стояла перед КПП полка.

Нас было трое. Я, Вася Проханов (по виду чистый серб!) и Властемир Нешич, мой старый боевой товарищ, сербский фотокорреспондент, проработавший к тому времени в Москве уже больше 15 лет. Собственно, Властемир и должен был снимать. Была только одна проблема — Властемир был гражданином Франции и со своим паспортом никак не мог находиться на режимном объекте. Но и здесь мы нашли «отмазку» — у него была аккредитационная карточка российского МИДа с внушительной эмблемой и соответствующим текстом, где указывалось только агентство, на которое он работал. В общем, после проверки документов нас

пустили в часть. На наше счастье особист отсутствовал — догуливал отпуск, а режимом занимался ЗНШ, который в тот момент был больше озабочен проблемами трёхмесячной задержки зарплаты офицерам и на нас посмотрел сквозь пальцы. К тому же, надо сказать, что полк был «придворным» и его постоянно кто-то снимал то для телевидения, то для газет и журналов. На позицию нас привезли в полдень. Сопровождающий нас воспитатель к этому моменту уже распил с нами бутылку виски и был полностью в курсе дела. Я честно сказал ему, что хочу снять С-300 с расчётом в сербской форме. Отдам ему должное — он не дрогнул. И идею принял с сочувствием. Слово Сербия тогда значило в России много. Сложнее было уговорить сам расчёт, который никак не мог врубиться, за каким хреном ему нужно переодеваться в сербскую форму. К тому же возник и закономерный вопрос — а что будет, когда наши морды всплывут

в прессе? Мы же россиянки офицеры... В итоге сошлись на том, что в форму пришлось переодеться мне, Васе и одному солдатику-срочнику, чей дембель нависал, как снежная лавина над дорогой. Остальные просто согласились позировать на дальнем фоне.

Так мы и отщёлкали несколько плёнок. После съёмок мы в благодарность за помощь оставили ребятам пакет с несколькими бутылками виски, который им, при их хроническом безденежье был явно не лишним. В тот же день Властемир улетел в Белград, а мы изрядно нетрезвые разъехались по домам.

Этот журнал попал ко мне в руки почти через восемь месяцев, когда в начале апреля 1999 года я добрался до Белграда. В одном из кафе над Дунаем меня ждали полковник Бранко К. и Властемир. Бранко от имени Югославии поблагодарил меня за помощь и подарил мне журнал. По его словам в НАТО очень напряглись, когда до них дошёл этот журнал, и натовской разведке потребовалось несколько недель, чтобы выяснить, есть у сербов С-300 или нет. Когда мы пили третий тост, завывли сирены и забухали зенитки, почти прямо над нашими головами пролетела серая чушка «томагавка»

А потом на даче у Властемира мне подарили обломок крыла сбитого «Миража». К сожалению, его пришлось оставить на месте, вести такой большой обломок через три границы — сообщение с Сербией тогда было только через Венгрию — было просто нереально. Остался только этот снимок.

К сожалению, Сербия проиграла эту войну. Её политикам не хватило стойкости, и Югославия запросила мира на условиях НАТО. Но в том, что потери югославской армии оказались ничтожными — меньше четырёхсот человек погибших и всего 13 танков — есть, хоть и небольшая, но моя заслуга. Война началась тогда, когда леса начали одеваться в листву, укрывшую сербов от натовских средств разведки. Время мы выиграли...

Свой бесплатный стаканчик ракии в деревенском сербском кабаке я честно заслужил.

Владимир Пухов

Материал предоставлен редакцией сайта «Автомат и гитара»

http://avtomat2000.com/kosov_bat.html

МЫ ДЕРЖАЛИ, ДЕРЖАЛИ ТУ ПОЛОСКУ ЗЕМЛИ

Есть песни, в несколько строк которых укладывается срез судьбы целой страны, целого поколения, в которых все просто названо своими именами, без пафоса и надрыва... В них каждое слово — весомо, потому что оно — правда, неподкупная и бесхитростная суть, в которой нет места наносам показной жанровости... Эти песни не для больших сцен — их творят для себя и о себе, часто и не догадываясь о том, что пишут живую историю.

Как недавно все это было... Июнь 1999-го, раздираемая гражданской войной и внешней агрессией бывшая Югославия. Кровоточащая рана — Косово. Россия борется за право участвовать в международной миротворческой операции, но ООН в один прекрасный момент передает мандат на проведение операции в Косово Североатлантическому альянсу, что фактически сводит к минимуму шансы на сохранение Россией контроля над этим стратегически важным районом Балкан. Капитуляция Югославии в июне 1999 года после 79 дней бомбардировок НАТО

застает вопрос о вхождении нашего контингента в состав Международных сил по поддержанию мира в Косово (KFOR) на стадии рассмотрения. И тогда Россия внезапно изумляет весь мир, предприняв дерзкий политический и военный ход...

*Часто я вспоминаю
Той колонны петлю.
Горам вызов бросаю,
Пыль легла на броню...*

Подготовка к вводу российских сил в Косово началась в базовом районе российской миротворческой бригады SFOR «Углевик» уже в день прекращения боевых действий в Косово — 9 июня. Излишне говорить о том, что наши миротворцы находились под пристальным и неусыпным вниманием НАТОвских «товарищей», так называемые «офицеры взаимодействия» постоянно присутствовали даже в штабе российского контингента. Именно для отвлечения их внимания 10 июня был предпринят марш колонны БМД в сторону аэродрома Биелина. В это самое время в базовом районе уже готовились к маршу 2-

й батальон Боснийской бригады со своим командиром, полковником Павловым, и оперативная группа из 15-20 офицеров, осуществлявшая управление. В семь часов утра 11 июня группировка на БТР-80 и тяжелых грузовиках буквально под носом у опеших американцев на полной скорости проскочила боснийско-югославскую границу и начала свой стремительный марш в Косово.

На рассвете 12 июня, оставив за плечами более 700 километров, российские десантники взяли под свой контроль оставленную сербами авиабазу Слатина в районе столицы Косово Приштины — единственный в крае аэродром, способный принимать тяжелые транспортные самолеты. По сути, овладев этим стратегическим объектом, Россия превратилась в ключевого игрока миротворческого процесса на Балканах — весь мир понимал это...

*Мы держали, держали
Ту полосу земли,
Где российские Илы
Приземлиться могли...*

Антология военной песни

Десантники, захватившие аэродром, были готовы к незамедлительному приему «бортов» из России, однако, Москва тянула время, и вскоре батальон оказался фактически в осаде прибывших британских войск НАТО, оказывавших на россиян откровенное силовое давление с целью вытеснить их с этого важного объекта. Тем не менее, первые вертолеты НАТО смогли приземлиться в Слатине только тогда, когда решение о размещении российского контингента в Косово было принято на международном дипломатическом уровне, и наши десантники получили приказ «подвинуться».

Лишь 28 июня в Слатину, наконец, прибыл первый российский транспортный Ил-76 с подразделениями усиления на борту..

Кто мы, русские, здесь кем мы стали?

Старший брат, что, предав, обманул?

От России нас двести послали

На балканский кровавый разгул...

Военный врач Дмитрий Зубатенко вспоминает: «Все это время нам приходилось выполнять не только задачу по охране аэродрома, но и в какой-то степени дипломатическую миссию, как по отношению к местному населению, так и по отношению к НАТОвским военным, на которых наше присутствие не могло не действовать раздражающе. К сожалению, мы не оправдали надежд сербского населения Косово, которое встречало нас радостными толпами на ночных улицах Приштины, осыпало цветами, рукоплескало и салютовало в воздух автоматными

очередями... Нас было слишком мало, чтобы решить все их проблемы. С болью в душе приходилось наблюдать, как албанцы (вовсе и не косовские, а «перебежавшие» со своей исторической родины), словно саранча, заполнили край в считанные дни, после того, как сербские войска, согласно ультиматуму, покинули эту территорию. НАТОвцы попустительствовали этому наглому вторжению, закрывая глаза на грабежи, сожженные дома, вырезанные сербские семьи, разрушенные православные храмы, создавая видимость, что они творят великое дело на благо мира. Так, древнейший центр православного христианства сербов был отдан на растерзание исламским террористам, с одной стороны, и НАТОвским разбойникам, с другой, по сути дела, превратившись в арену политических игр. У нашего правительства, видимо, тогда не хватило мужества пойти до конца в отстаивании политических интересов, вот и вышло, что предали мы братьев-славян...

Но что бы ни творили политики, главное, что не опозорили наши ребята честь и славу ВДВ, выполнили приказ и еще раз показали всему миру, что мы можем!

Все это в словах песни и попытался отразить гвардии подполковник Сергей Александрович Березовский — начальник штаба нашей оперативной группы. Боснийский батальон пробыл в Косово чуть больше месяца, но это были великолепные дни. Мы чувствовали себя островами на маленьком клочке суши, и это был наш островок!

Перед возвращением в Боснию, в ночь, когда оперативная группа покидала косовскую землю, и родилась за бутылочкой сербской водки наша батальонная песня. Сергей Березовский записал стихи на бумажной салфетке, в руках у меня появилась гитара... Все, кто был рядом в ту минуту, по праву — наши соавторы, российские офицеры-десантники: Сергей Авдеев, Сергей Сулима, Иван Шафалович, Саша Разумовский...

Вскоре мы вернулись в Боснию, где подкорректировать «музыкальную часть» уже взялись профессионалы: автор-исполнитель из Костромы Володя Пухов и Кирилл Мартынов — участник псковской группы «Голубые молнии».

Знаю, это не песня-шедевр (мы и не претендовали на такое определение), — для нас это, прежде всего, песня-память, песня-откровение, песня-пророчество...»

Кто сказал, что балканское небо

Для славянина стало чужим?

Сегодня нас нет в Косово... История, как известно, сослагательного наклонения не терпит. Даже самые героические и трагические страницы ее неизбежно переворачиваются, впрочем, вполне закономерно запечатлеваясь в душах людских не газетным официозом передовиц — теми самыми песнями, в несколько строк которых укладывается срез судьбы целой страны, целого поколения, в которых все просто названо своими именами, без пафоса и надрыда.

ПЕСНЯ «КОСОВСКОГО БАТАЛЬОНА»

Музыка Д. Зубатенко, Слова С. Березовского.

Кто сказал, что балканское небо для
славянина стало чужим?
И кострами горят дома сербов,
и пожары разносится дым.

Кто мы, русские, здесь кем мы стали?
Старший брат, что, предав, обманул?
От России нас двести послали
На балканский кровавый разгул...

ПРИПЕВ:

Мы держали, держали
Ту полоску земли,
Где российские Илы
Приземлиться могли,
Где из ramпы открытой
Рядовой ВДВ
Гордо лязгнул по плитам
На своей БМД.

Часто я вспоминаю
Той колонны петлю.
Горам вызов бросаю,

Пыль легла на броню.
Через площадь Приштины
В ночь идет ВДВ,
Это едут мужчины,
Вызов бросив судьбе...

ПРИПЕВ.

Много видел на свете,
Видел слезы и кровь,
Засыпал на рассвете,
Забыл про любовь.
С автоматом в обнимку
Видел черные сны,
Черно-белые снимки
В мою память вошли.

ПРИПЕВ.

Кто мы, русские, здесь кем мы стали?
Старший брат, что, предав, обманул?
От России нас двести послали
На албанский кровавый разгул...

ПРИПЕВ:

Мы держали, держали
Ту полоску земли,
Где российские Илы
Приземлиться смогли,
Где из ramпы открытой
Рядовой ВДВ
Гордо лязгнул по плитам
На своей БМД.
Мы держали, держали
Ту полоску земли,
Где российские парни
Приземлиться смогли...

** Примечание (от Натальи Плотниковой) — в написании слов этой песни принимали участие также майор Авдеев (уже подполковник), подполковник Сулима, майор Шафалович; в написании музыки — Кирилл Мартынов.*

Юрий Трофимов

Младший сержант. Участвовал: Чечня.

http://artofwar.ru/t/trofimow_j_w/

НАСТУПИТ ЛИ МИР НА КАВКАЗЕ?

Покидаю Москву, чтобы донести до братишек нашу правду о войне без генералов и красот, которые так любят показывать в художественных фильмах и красочных гламурных журналах. Без показательных выступлений и строевых смотров, бескровных побед и заниженных сводок. Наш ратный труд от Афганистана до Чечни воплотился в альманахе «ArtOfWar — Искусство войны» и в изданных «Андреевским флагом» книгах. Всё это я везу им, младшим братишкам и отцам-командирам, чья нелёгкая служба ввиду многих причин остаётся без внимания или по определению не может быть разглашена.

Август. Броня на открытом кавказском солнце жутко нагрелась, и раскаленный воздух, не находя выхода из замкнутого пространства, жарил своих узников. Капельки пота скатывались по изнеможенному от жары телам и капали на заставленный личными сумками и гуманитарной помощью пол.

Моздок остался позади. Вглядываясь через бойницу в унылый кавказский пейзаж, я не мог поверить, что спустя 8 лет снова оказался здесь. Память короткими вспышками возвращала в тот далёкий 1999 год, когда осенью мы прибыли сюда отстаивать конституционный порядок. Так же как и тогда наша колонна переправилась по мосту через Терско-Кумский канал, следуя в обезумевшую Чечню. Однако, сейчас через бойницу всё окружающее казалось абсолютно мирным. Если, конечно, не обращать внимания на изрытую бесконечными траншеями землю, кое-где попадающиеся разрушенные войной строения и укрепленные блокпосты с вооружёнными автоматическим оружием милиционерами.

Где же танки, БМД и САУ? Ничего не видно, кроме изредка попадающихся «бэтэров». «А если вдруг война или какое другое мероприятие?» Кругом ведётся строительство частных домов, магазинов, административных зданий и учреждений. А угрожающие слоганы — «Добро пожаловать в ад» — утратили последние слова

или вовсе сменились на чеченские: «Дала бакъо толайойла!», что в переводе означает — «Да восторжествует правда!». Всюду ощущается присутствие клана Кадыровых, портреты которых (Ахмада и Рамзана) постоянно встречаются на пути нашего следования. Мужчин почти не видно, только женщины и дети занимаются своими делами. Цены на бензин «московские», на дорогах встречаются как отечественные автомобили, так и дорогие иномарки.

На остановках, привалах и блокпостах мы по возможности раздаем привезенные альманахи, книги и диски настоящим мужикам, выполняющим политическую волю государства. К сожалению, из-за ограничения веса перевозимого груза, удалось взять с собой только три пачки альманахов. Но всё же 90 номеров попали на Кавказ в руки тех, кто, возможно, в недалеком будущем увековечит себя на страницах ветеранского альманаха.

Вот и станица Николаевская. Снова привал. Дизельный поезд с трудом тащит за собой наполненные топливом цистерны, перекрыв своим удлинённым телом железнодорожный переезд. Артисты, следующие на запланированную акцию «Москва — защитникам Отечества», с удовольстви-

ем вылезают из машин размять затёкшие конечности. Выясняется, что во время пути одна из Газелей закипела, и, чтобы продолжить движение, водитель включил печку! И это в сорокаградусную жару!

Проехав станцию Червлёная, колонна, шелестя по грунтовой дороге, с лёгкостью миновала узкий мост, соседствующий с не до конца восстановленным своим собратом, состоящим лишь из сдвоенных опор, торчащих из мутной воды. Минувя предупреждение водителям о возможных закладках мин на мало используемых дорогах в объезд центра комплексной перекачки нефти, «коробочки» запетляли по горному серпантину, открывая взору вид на поселок Горячеисточенское.

Машина остановилась, но привычного хвоста колонны за нами почему-то не было. В томительном ожидании, не имея оружия и возможности связываться на открытом канале с остатками колонны, осматриваемся. Всё вокруг перерыто, из земли торчат куски искорёженного металла. Проезжающие мимо водители, притормаживая, с любопытством разглядывают одиноко стоящую Газель с военными номерами и невоенными, на вид, людьми. Вот уже и местные чеченские

Вне рубрик

милиционеры, находящиеся неподалёку в служебном УАЗе, проявили к нам интерес и связались с кем-то по рации...

Вот и окраины Грозного. То тут, то там видны разрушенные здания со следами обстрела из разнокалиберного оружия: бывший небольшой заводик, огороженный когда-то бетонным забором, от которого остались лишь руины, обезображенное жилое здание, наполовину обрушенное, с начисто снесенной крышей. О Боже! Там живут люди — из окон торчат печные закопченные трубы, в некоторые рамы вставлены стёкла, а кое-где — полиэтилен.

Повернув за угол, мы оказались словно в другом мире с новыми многоэтажками оснащёнными кондиционерами и спутниковыми тарелками! Увидев наши удивлённые лица, водитель пояснил, что этот квартал построен на месте полностью уничтоженного войной. Здесь шли ожесточённые бои.

Наконец-то прибыли по назначению. Разместились в отведённых номерах и примерно через час были готовы к работе.

На сцену гарнизонного дома офицеров вышел ведущий, заслуженный артист России Александр Орадовский. Он открыл концерт и благотворительную акцию «Москва — защитникам Отечества», посвящённую 860-летию столицы, и представил Галину Шалдикову — члена общественного совета при министерстве обороны России, председателя Совета родителей военнослужащих России, и Дарью Дробышеву, представлявшую Волгодонский комитет социальной защиты Российских военнослужащих и призывников. После тёплых слов зазвучали песни и стихи в исполнении заслуженной артистки республики Ингушетия, солистки эстрадного ансамбля культурного центра ВС РФ Анны Сидниной, автора-исполнителя, лауреата всероссийского фестиваля артистов эстрады и фестиваля песни боевого братства, полного кавалера крестов «Защитник Отечества» Георгий Лысенко. Также в программе выступили солист Дважды Краснознамённого Академического Ансамбля песни и пляски Российской Армии им. Александрова, лауреат премии ООН, международных конкурсов, телевизионного конкурса военной песни «Виктория» Андрей Романов, автор-исполнитель военно-патриотических песен Сергей Гаврилов, кавалер орденов «Служение искусству» и «Миротворец», заслуженный артист России Александр Орадовский, актёр театра и кино, поэт, член союза писателей России Артур Макаров, художественный руководитель эстрадного ансамбля культурного центра ВС РФ, лауреат международного

фестиваля «Виват, Победа!» Александр Топчий и актриса Центрального дома Российской армии, заслуженная артистка России, композитор Зинаида Сазонова. Последняя, кстати, приехала в Чечню в седьмой раз.

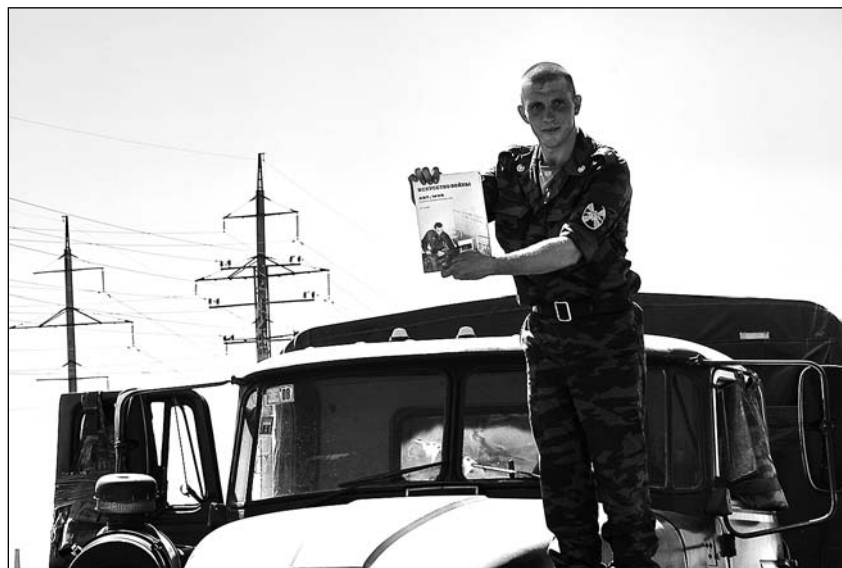
За пультом колдовал звукорежиссер культурного центра ВС РФ Михаил Бирюков, видеосъёмку вёл Дмитрий Трусов, ну, а фотосъёмка была на мне.

Закончился концерт вручением подарков, в число которых вошли книги, альманахи и музыкальный сборник ArtOfWar. Часть книг при содействии представительницы Московского Дома Общественных Организаций Ольги Пчелинцевой были предоставлены директором библиотеки № 34 Раменского р-на Москвы Кирой Марковной Макаевой.

По радостным лицам военнослужащих было видно, что пятичасовой переезд

Грозненские ворота до КПП, окружённого минными заграждениями и забором из колючей проволоки. К всеобщему удивлению на территорию гарнизона нас не пустили. Не было распоряжения, и всё тут. Никто о нашем приезде не предупреждён. Команды пропускать не было.... Так мы проехали ещё несколько КПП, пока не встретили ответственного за мероприятие.

Ханкала за последние семь лет изменилась. Уже не встретишь на каждом шагу глубоких воронок от мин и снарядов, вкопанных в землю по самую башню танков и самоходных орудий. И если бы не формирование колонн и ощущение напряжённости, висящее в воздухе, то это место трудно было бы отличить от любых других населённых пунктов РФ. Хотя, как мне показалось, войска там живут, словно в резервации: отгородились от местного населения, выставили боевое охранение

в передвижных «саунах» был ненапрасен. Нас ждали. И, конечно же, все артисты, коих заслуг, орденов и медалей не перечислить, получили высшую награду — благодарность зрителей!

Ночь погрузила в темноту весь гарнизон, скрыв в своей необъятной глубине казармы, офицерские общежития, детский сад, школу и местную часовню памяти воинов ВВ, отдавших жизнь за Веру и Отечество. Чувствовалось военное присутствие и, хоть по заверениям старших офицеров по гарнизону давно не открывали огонь, требование о соблюдении светомаскировки неукоснительно соблюдалось.

В 12 часов следующего дня колонна была сформирована и пошла на Ханкалу. Путь проходил по окраинам Грозного, мимо станицы Петропавловской, а далее — по грунтовой и магистральной дорогам через

и без необходимости за пределы гарнизона не выезжают. Ведь там, того и гляди, нарвёшься на «фугасника» или засаду. Словно в подтверждении моей мысли, мы узнали о подрыве бронетранспортера МВД РФ между селами Яндаре и Сурхахи Назрановского района Ингушетии, в результате чего один человек погиб и, по крайней мере, трое получили ранения.

Ночная мгла проглотила находящиеся вдалеке горы, отступив лишь от хорошо освещённой магистральной дороги ведущей в г. Грозный. Вот и закончились оба концерта, которые дала наша «агитбригада» в Ханкалинском госпитале и гарнизонном клубе. Мы шли в крошечной темноте по неровной тропе, ведущей из клуба в гостиницу, и мне казалось, что вот-вот из темноты выскочат матёрые разведчики и повалят нас лицом вниз до выяснения обстоятельств. Но всё обош-

лось, и мы добрались до временного убежища без происшествий.

Распарывая лопастями воздух, «вертушки» оторвались от бетонки в Ханкале и, накренившись носом вниз, устремились к намеченной цели — Моздоку. Однако вместо Моздока первым пунктом оказалась Назрань, где вертолёт сопровождения подобрал раненых. Видимо тех, что подорвались на бронетранспортёре 22 августа. Как только вторая «вертушка» поднялась в небо, обе машины взяли курс на Моздок. Внизу мелькали разрушенные сельскохозяйственные постройки, множество строящихся зданий, шикарные особняки и спортивные площадки, горы, «зелёнка», мутные реки, кладбища, свалки.... Хоть вертолёт и летел низко, разглядывать проплывающий внизу пейзаж было крайне неудобно. Поток воздуха, врывающийся под мощным напором через открытый иллюминатор, заставлял сильно сжимать губы и веки. Наконец показались знакомые места, а вскоре и аэродром. Под аплодисменты пассажиров наш вертолёт сел, второй, видимо, сразу пошёл на госпиталь. Там мы ещё отметимся. После того как все вещи и аппаратуру выгрузили, начались поздравления и, конечно же, подарки. От нас альманахи и CD диски, от Артура книжки со стихами, а от Георгия диски с его песнями.

Подъехали наши «коробочки». Всех женщин посадили в УАЗик, а мужиков в кузов УРАЛа. Ох, и прокатили нас! Чуть всю душу не вытрясли. А пылюки-то, сколько... Мама, не горюй! Благо, не так далеко ехать.

Пока артисты на плацу отрабатывали свою программу, в Буйнакском районе Дагестана вновь была обстреляна автоколонна ОМОН. Двое сотрудников милиции убиты, еще семеро получили ранения. Инцидент произошел около 15:30 по московскому времени на выезде из Гимринского туннеля, который соединяет горные и низменные районы Дагестана. Автоколонна возвращалась из Унцукульского района к месту постоянной дислокации.

Раненые, пятеро из которых находились в тяжелом состоянии, доставлены в буйнакскую районную больницу. Дополнительные силы милиции, подтя-

нутые к месту происшествия, прочесывают местность.

А в Грозном при проведении спецоперации убит боевик Рустам Басаев, который по оперативным данным, стрелял в чеченских милиционеров из пистолета для бесшумной стрельбы. В ходе операции погибли двое сотрудников милиции.

Вот вам и мир....

На следующий день мы дали концерты в одной из дислоцирующихся под Моздоком части и в новом госпитале, отстроенном на месте взорванного террористами-смертниками старого. Все замечательно выступили, как всегда на высшем уровне профессионализма. Завершились оба концерта торжественным вручением подарков.

А вечером концерт возобновился, но уже в казарме: артисты выступали для артистов. Безучастных не было. Привлекли и меня, выдав в качестве музыкального инструмента бубен, а Георгию — трещотку. Александр Топчий заголосил старую кавказскую песню, и все хором подхватили её, пустившись в пляс. Причём Артур это делал со штангой, а Александр Орадовский — надев на голову платок и стиснув в зубах нож, отбивал на столе чечётку. В ходе проведённого им-

провизированного мероприятия Александр Топчий, Александр Орадовский были награждены медалями, а Анна Сиднина — орденом.

Ночь была замечательной. Под шумок мы с Артуром вышли на улицу подышать свежим воздухом. Захотелось прогуляться вокруг казармы, и ноги вывели нас к строящемуся дому...

Заметив через открытое окно спящего охранника, мы беспрепятственно вошли внутрь и сели рядом с ним на кровать. Артур нарочно громко произнёс:

— Вот так и погибают на боевом посту.

Старик-кавказец вздрогнул. Еле очнувшись от сна, он растерялся, не зная, что предпринять. Ещё бы, один лысый, другой в камуфляже без знаков различия. Кто такие? Не понять.... На счастье старика, развязка наступила быстро... Артисты, мир, дружба... Разговорились. Дед оказался из Ингушетии, по национальности — ингуш. Артур выдал такую речь, о не допустимости межнациональной вражды, что мир содрог-

нулся бы, услышав его гневные слова. Но мир не услышал. Не услышали даже артисты, потерявшие нас. А посему, когда мы вернулись за книгами, альманахами, дисками и стихами, то получили нагоняй. Мы отнесли подарки деду, вернулись и, повалившись на свои кровати, моментально отрубались.

Весь следующий день прошёл в томительном ожидании. Наш борт был задействован где-то, да и обстановка была напряжённой, поэтому нам оставалось только покорно ждать. И, как обычно, лишь начало темнеть, раздалась команда: «По машинам!» Прощаемся с дембелем Артёмом и, погрузив аппаратуру, уезжаем прочь. Не горюй, Артёмка, через месяц будешь дома! Прощай, Моздок!

Снова, как и 8 лет назад, я оставляю здесь частичку себя. Ещё увидимся! Прощайте, пацаны. Дай вам Бог вернуться всем живыми!

В голове завертелась песня «На Моздок, на Моздок две вертушки улетают....» Аж прошибло скучную мужскую слезу.... Прощайте братишки....

Москва-Грозный-Ханкала-
Моздок-Москва

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/

ОПЯТЬ В АРМИЮ!

(сборы на базе 106-й ввд под Тулой в октябре 2007 г.)

106-я ГВАРДЕЙСКАЯ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ КРАСНОЗНАМЁННАЯ ОРДЕНА КУТУЗОВА II СТЕПЕНИ ДИВИЗИЯ

«Нет задач невыполнимых!»

Впервые в мире в этой дивизии была практически испытана система десантирования людей внутри боевых машин, которую условно назвали «Кентавр». Дивизия сформирована в 1944 году. Воевала в Венгрии, Австрии, Чехословакии. Выполняла специальные миротворческие операции в Сумгаити, Баку и в других районах Азербайджана, в Тбилиси, Киргизии, Приднестровье, Северной Осетии и Ингушетии. В 1992 году обеспечила спасение работников российского и иностранных посольств, а также миссии ООН в Кабуле.

Кортеж из пяти машин подполз к воротам КПП сто шестой Воздушно-Десантной дивизии. Конечно, немного стремануло — блин, опять я в армии! И хочется, и колется. С одной стороны, вспомнить свое прошлое всегда интересно, но с другой — серые ворота с красной звездой уже на подсознательном уровне вызывают ощущение тревоги. Вроде, юности с лысой головой хапнул по самое «не хочу». Если бы мне в 96-ом сказали, что я по доброй воле, да еще и за свои деньги, сам вернусь в войска — пристрелил бы на фиг. В организме заняло то место, где раньше был выбитый Тимохой зуб. Зачесалась грудина.

Опратный помощник дежурного в голубом берете открыл ворота и отдал Дэну Бутову честь. На секунду в машине повисла тишина. Затем она взорвалась воплями: «Аркан, стой! Давай проедем еще раз!!!» Сбылась мечта ефрейтора — въехать в армию, вальяжно расположившись на заднем сиденье черного «Passat B-5», чтобы сержант-десантник открыл перед тобой ворота и отдал честь — что может быть слаше!

Настроение с этого момента резко пошло в гору и было ржачным на протяжении всех двух дней.

Компания подобралась что надо, несмотря на то, что была довольно разношерстной. Кто-то хотел вспомнить свою молодость и побывать в армии еще раз,

как, например, парни из Московского ОМОНа и «Десантуры.ру». Для них, конечно же, самым интересным пунктом программы являются стрельбы, прыжки с парашютом и вождение техники.

Кто-то вообще не служил и ехал в качестве военного туриста — и себя испытать, на своей шкуре ощутив, что такое армия, потратив на это не два года жизни, а всего три дня — и людей посмотреть. К их услугам — питание из котлов полевой кухни, ночевка в казарме или палатке, на выбор, курс молодого бойца, хождение строем и вообще романтика армейской жизни. Как опция возможна легкая принужденная «дедовщина».

А кто-то, наоборот, хотел приобрести дополнительные навыки перед заключением контракта — были и такие. К каждому организаторы постарались найти инди-

видуальный подход и подобрать именно ту программу, которая наилучшим образом соответствовала бы ожиданиям.

Ну, и, конечно же, настоящий мужской отдых в достойном коллективе. Масса новых интересных знакомств. Саня Поляк (который на самом деле калмык) зажигал не по-детски — человека с таким отточенным чувством юмора редко встретишь. Его «на себе не показывай», я думаю, станет шуткой полугодия и паролем одновременно. Невероятно душевный Костя Лабус с «Десантуры.ру», который в Тулу ездит постоянно, возит гуманитарку пацанам. Вот и в этот раз привез боксерскую грушу, лапу, книги и целую сумку чего-то еще.

В первый день на автобусе части съездили в Тулу. Осмотрели Кремль, который меня поразили своей какой-то домашностью и спокойствием. На московский Кремль совсем не похоже — там всегда напрягаешься, какое-то давящее ощущение внутри, а здесь все уютно, ухожено, красиво.

В Тульский оружейный музей как военнослужащие прошли бесплатно. Экспозиция впечатляет, чего там только нет: от мортирок времен Ивана Грозного до последних разработок. К сожалению, хотелось бы увидеть больше экспериментальных образцов, которые так и не пошли в серию, но их оказалось не так уж и много. Впрочем, и без этого музей стоит посмотреть.

С прыжками в этот раз не получилось — на то были веские причины, но в полку, под надзором инструкторов, тренинг на «крокодилах» все же прошли. Оказалось, что сигануть даже с 12 метров, пусть даже точно зная, что накрепко привязан к системе, оказалось довольно страшно. Во всяком случае, лично для меня. Успокаивало только то, что у всех «сухопутных» лица перед командой «пошел!» становились зверски-

ми. В припадке преодоления страха «прыгнул» четыре раза. Легче не стало.

Надо сказать, что приземление оказалось довольно чувствительным — не ожидал. Слава Богу, обошлось без поломанных ног, отделались всего двумя порванными ушами — парни схлопотали карабинами. Я с непривычки натер себе системой крепления все, что можно натереть.

Вечером заехали в магазин. Вид пятнадцати суровых мужчин, заляпанных грязью по самые брови, с двумя тележками водки, произвел на кассе впечатление. Правда, здесь ссылка на военнослужащих уже не прокатила — пришлось платить. Потом были ужин с шашлыком и водкой, радость общения и знакомства, военные байки и ржач.

Утром в казарме, после крика «рота подъем!» люди просыпались, и, когда встречались глазами, — улыбались! В семь утра после попойки! Думаю, это наилучшим образом характеризует ту атмосферу дружелюбия и веселья, которая установилась в группе.

«Нет, ребята, пулемет я вам не дам...»

После завтрака группа под командованием руководителей Общественной организации ветеранов Миротворческих миссий «Фаджер» Игоря Ковалю и Александра Махоткина, которые и организовали эту поездку, выдвинулась на полигон. Вообще, ребятам надо сказать отдельное спасибо. Работу они провернули огромную. Подняли людей, придумали программу, договорились с командованием, нашли полигон, свели по времени и месту и т.д. и т.п. Подробнее узнать о самой организации, её проектах, возможности участия в следующих армейских турах, а также отсмотреть фото и видеоматериал можно на сайте Московской Региональной Общественной Организации Ветеранов Миротворческих миссий и Локальных конфликтов www.fadzher.ru. В общем, первый блин получился совсем даже не комом.

На полигоне настрелялись до тошноты. С утра и до обеда. СВД, «Макаров», «подствольник», РПГ-7, БМД, «Печенег». Первые выстрелы были пробными — оружие было не очень-то пристреляно, но когда внесли поправки и поняли, что к чему, то стали вкладывать как надо. Остов танка, который изображал собой мишень, продырявили до такой степени, что в его броне теперь воздуху больше, чем металла. С РПГ у меня стрелять всегда получалось хорошо, вот и в этот раз все три гранаты ушли в цель на дистанции 400 метров. Хотя до этого предпочитал меха-

нику — черт его там разберет, эту шкалу в оптическом прицеле — на этот раз, после нормального инструктажа, разобрался и с ней. Развалинами Рейхстага удовлетворен.

БМД в статике оказалась не так интересна, как ожидалось, — словно компьютерная игра: навел крестик, нажал кнопку и все. Надо только следить за тем, чтобы лицо наглазником не разбило при откате. Гораздо эффективнее смотрится выстрел снаружи: и калибр, и граната, и сила заряда впечатляют. Попасть из такого оружия в такую мишень практически в упор и при идеальных погодных условиях проблем не составляет. Кто-то умудрился положить ракету танку прямо в ствол.

Из стрелкового порадовал пулемет «Печенег». Сила! И хотя он создан под тот же патрон, что и ПК, все-таки ощущение от стрельбы другое. По мишеням уже не целился, стрелял не для результата, а для удовольствия — ремень на плечо, пулемет к пузу — и давай поливать очередями! Выпустил всю коробку в белый свет, как в молоко. Первые очереди ушли куда-то далеко за деревья. Населенных пунктов в той стороне, говорят, не имеется. В дальнейшем, скорректировав огонь, одну мишень завалил-таки. Хотя целился в соседнюю.

А вот цевье у «Печенега», на мой взгляд, убрано зря. Пластмассовое систему сильно не утяжелило бы, а так, по привычке, несколько человек руки себе о ствол сожгли. Я в том числе. И еще из недостатков — после шестисот выстрелов

одну из двух машин стало клинить — то перекося ленту, то утыкание патрона. В итоге удалось отстрелять из него еще пару коробок, после чего он стал окончательно, потребовалась чистка.

Справедливости ради надо заметить, что второй пулемет отработал все пятнадцать коробок — полторы тысячи выстрелов — без проблем. Требовалось лишь периодически охлаждать ствол травой. По-моему, замечательный результат.

Иметь дело с СВД мне раньше не то чтобы не приходилось, а так — стрелял пару раз лет пять назад. А потому устроился на прикладе, как на родном «весле», за что и был незамедлительно награжден ствольной коробкой в глаз — при выстреле отдача оказалась куда серьезнее. Пришлось передвигаться дальше по прикладу. Винтовки были новехонькие, прямо из целлофана, пристреливали их уже на месте, поэтому попал всего четыре раза в ростовую со ста метров. Позорище.

«Макаров», который до этого видел только в кино, под руководством заслуженного помначкара Дениса Бутова, освоил быстро — совсем простая машина. При этом очень неплохая даже и для нашего времени.

Тяжело в учении...

Помимо развлечения, такие поездки преследуют и еще одну цель — обучение тактическим приемам ведения современного боя в условиях, максимально приближенных к боевым. Говоря по-русски: если кто хочет подтянуть себя в

Вне рубрик

отражении атаки на колонну или, к примеру, в передвижении тройками под огнем противника — тому самое место на тактическом полигоне. Опытные инструкторы, сами не по одному разу прошедшие через войну и узнавшие все нюансы не по учебникам, все покажут, расскажут и докажут.

В этот раз отрабатывали отражение атаки на колонну справа. Группа бойцов была экипирована сферами, бронежилетами, автоматами с холостыми патронами, посажена на броню и десантирована на ходу под огнем условного противника. Занятие по теории, проведенное с бойцами перед этим, даром не прошло. Действовали все четко, слаженно и как по учебнику: десантирование, укрытие за броней, оценка ситуации, подавление противника огнем и контратака под прикрытием главного калибра. Правда, в порыве «боя» оператору был прислан холостой заряд в шею — холостой-то он холостой, но с пяти метров осколки пластмассы оказались весьма чувствительны. Группа была настолько поглощена «войной», что стреляла сквозь оператора, не замечая его.

Плюс к услугам желающих: полоса разведчика, начальные навыки рукопашного боя, тренинг по снятию часовых и овладению объектом без оружия и т.д. — под командованием опытных инструкторов, многие из которых являются победителями профессиональных конкурсов.

На ужин вернулись уставшие, измазанные грязью с головы до ног, с прожженными гильзами «шуршунами», оглохшие

до такой степени, что все время хотелось прикурить ручку тюнера, чтобы убрать закадровый шум, и с временной потерей обоняния — эпителии забило порохом начисто — но довольные, как черти.

В общем, двое суток баек, армейских воспоминаний, общения, стрельбы, ползания по грязи, танков, парашютов, водки-шашлыка, десантуры, армии и просто здорового мужского отдыха оказались настолько классными, что заряда от поездки хватит минимум на год.

Хотя, пожалуй, чтобы окончательно насладиться общением и поездкой, не хватило еще одного дня. Но это уже детали.

Также от Центрального Совета Московской Региональной Общественной Организации Ветеранов Миротворческих миссий и Локальных конфликтов и редакции Альманаха «Искусство Войны» хочется выразить огромное спасибо офицерам Учебного Центра 106-й ВДД в Слободке. Всем без исключения ответственным офицерам и прапорщикам, сержантам и старшинам, кто с таким уважением и тщательностью выполнил поставленную перед ними задачу — принять нашу делегацию ветеранов и ознакомить с буднями российских десантников. Конечно же лично — Игорю Михайловичу Жданеня (замкомбату, начинал служебный и боевой путь в разведроте), Сергею Васильевичу Саливанову (начальнику полигона учебного центра 51 пдп 106 гв. ВДД имени 40-летия ВДВ, тоже выходцу из разведроты), персональная огромная благодарность Андрею Юрьевичу Рузинскому (зкд, был командиром разведбата 51 пдп в Чечне), без которого всего этого просто бы не состоялось, и конечно же командиру дивизии, вч 55599, генерал-майору Устинову Евгению Алексеевичу. Офицеры отнеслись к нам со всей серьезностью и душой. Братское десантное спасибо им

за это. За то, что пропитали и скрепили всех нас настоящим мужским десантным духом, верой в русское оружие и в крепость наших рядов, в сплоченность поколений воинов Страны.

Слава Отечеству и ВДВ!

Взвоят ветер за бараками

Вечерело. Москва зажигала огни. МКАД стоял намертво. Под колесами и ногами чавкала грязь, в лицо кидало холодную изморось. Было холодно и неприятно.

Около метро остановилась черная иномарка. Из неё вылезли три суровых мужика в камуфляже и берцах, открыли багажник, достали камуфлированную сумку, отдали её четвертому, который был черноволос и усат. Было заметно, что все они возбуждены и слегка оглушены — кричали, размахивали руками, ни на кого не обращая внимания. В их речи проскакивали слова «гранатомет», «боекомплект», «танки», «бой».

Затем каждый из троих обнял четвертого и сказал: «Ну, давай». Четвертый накинул сумку на плечо и, не оглядываясь, пошел в сторону метро, где как сельди в бочке, давились люди, а трое, проводив его взглядами, опять сели в машину. Прохожие смотрели на происходившее круглыми глазами.

Через секунду из машины донесся гогот — насколько же чужим показался нам этот погруженный в свои проблемы город после поездки! Настоящая жизнь не здесь — в такие моменты это понимаешь особенно отчетливо — она там, именно в таких днях. И Бог его знает, что про нас подумали люди. Все в порядке, граждане. Просто мужчины возвращаются с нормально мужского отдыха — таким, каким он и должен быть — вновь проверив себя, ощутив силу и плечо стоящего рядом.

И все-таки жаль, что вас не было с нами....

• Вручение альманаха зкд Рузинскому А.Ю.